

Василь Ткачев

Кто-то ходит за окном...

Пьесы

Гомель

Палесдрук

2003

КТО-ТО ХОДИТ ЗА ОКНОМ...

Пьеса в двух действиях

Действующие лица:

АЛЕСЯ, 16 лет.

КРЫЦУК АНТОН АНТОНОВИЧ, 40 лет.

КАТЬКА, 16 лет.

ДОМАНЦЕВИЧ МИХАИЛ ГАВРИЛОВИЧ, бывший директор школы.

ШИЛО, хороший человек.

МОЛДОВАН, который хочет домой.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ, молодой учитель.

ЕГОРИХА, старуха, которая всё знает.

УЧАСТКОВЫЙ.

ДВА ОХРАННИКА (а можно их держать на сотовом).

Деревня. Наши дни.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в крестьянском доме. Скромная обстановка: телевизор, стол, диван... На столе не убрано-только что закончился поминальный обед, люди, кроме Шилы, разошлись. Алеся сидит на диване, утопив лицо в ладонях. Крыцук в движении. В пороге толкуются два его охранника.

КРЫЦУК (*предлагает Алесе мобильник*). На... Поговори с тётушкой... с Татьяной Степановной...

Алеся не реагирует.

Ты будешь говорить?!

Алеся не реагирует.

Что за молодёжь?! Ну, хорошо: я сам поговорю.

АЛЕСЯ. Не запрещаю.

КРЫЦУК. Чёрт, а! Хоть ты что ей! И у кого, интересно, удалась?

АЛЕСЯ. В отца вроде...бы!

КРЫЦУК. Подумай. Хорошо подумай. Твоя судьба решается. А не его! *(Ткнул пальцем в сторону Шилы, тот икнул).*

ШИЛО *(Крыцуку)*. Спасибо. Спасибо. Не дадут уснуть. *(Алесе)*. Я... я понимаю: горе... беда. Провели, как и подобает, тётку Гаю, а твою, Алеся, значит, маму... Э-э, да что говорить? Мне знакомо. Знакомо. Пережил раньше такое. Когда брат Васька помер, я три дня в школу не ходил... Спать будет она там хорошо... всё как должно быть. Только я, петух драный, и на этот раз отличился. Прости, Галина Степановна. Ну, дуренья! Осёл! Дал же слово тебе никогда не пить, а вот один и надрался. Хотя у нас больше и некому...Из всей похоронной команды. Этот, городской, – пустое место... похоже на то. Хотя и прикатил на такой технике – я те дам! С мигалками! Дядя, а ты бы сел, не топтал пол? Как маятник: туда-сюда, сюда-туда. Привык там, в городе, асфальт топтать... здесь тебе не тротуар! Если знать хочешь!.. Алеська, слезами не поможешь... мать не вернёшь. Когда что – я, Шило, твой сосед и, между прочим, твой дальний родственник, всегда рядом. Помогу, если чего надо. Видишь, у меня две руки есть? *(Протянул в сторону Алеси руки)*. Грязные, правда... Но пальцы гнутся. Зови. По боевой тревоге. *(Почти рывкнул)*. Не хныкать!

КРЫЦУК *(нервно своим охранникам)*. Подышите, ребятки, свежим воздухом. *(Те выходят. Шило.)* Молодой человек, вы, может, тоже пошли бы?

ШИЛО *(не сразу)*. Куда?

КРЫЦУК. Домой.

ШИЛО. А кто меня где дожидается? Мать другой раз не рада, кажется, что домой прихожу...Простите! Но так мне кажется!..

КРЫЦУК. Это уже другое дело.

ШИЛО. Хм!.. Странный ты человек, дя-дя. От жизни отстал. Топал, топал... и отстал. Запыхался-задыхался. А у меня, между прочим, три квартиры в разных местах оставлены. На консервации. По всему былому...Донбасс, Сельмаш и Якутск. Не считая подбитой боевой машины в Афгане. Нормальные люди меня Якутом и зовут. Да-да, между прочим!.. Со льда и снега дом. Как он там, бедолага? Воял на века. А у меня, еще раз между прочим, появилась идея! Иди ты! И почему так поздно? Где слепой Митрофан? *(Решил идти, но передумал, повернулся к Крыцуку)*. А вы, и еще раз между прочим,- на колени! Пока охрана на свежем воздухе!..

КРЫЦУК. Только этого нам ещё сегодня и не хватало. Опуститься на колени. Да перед кем? Перед тобой, сопляк? *(По мобильнику)*. Езжайте в готель! *(Свернул мобильник, слышен рев автомашины)*.

ШИЛО. На колени! Я тебе... я сказал!.. Шило!.. Не знаешь, за что?..

КРЫЦУК. И знать не хочу! Уходи!

ШИЛО. Ладно, тогда посмотри в окно... Кто в мое отсутствие, когда я ледяные дома строил, свернул башку Павлику Морозову? Вот там стоял памятник. Кто? А металлолом, еще раз между прочим, и я собирал. Почему это вы, мужики с бычьими шеями, не уберегли одного мужика? Да и не мужика вовсе – пацана! Почему растоптали сказку, с которой я жил? Кому оно мешало? С моей кепки ему кепку примеряли. Кстати. У нас один размер головы был. По окружности. Или, может, что кепки такой, с околышем, больше

ни у кого не было? Я этим гордился. Всем рассказывал. *(Почти кричит)*. Между прочим!..

КРЫЦУК. Отдохни, мужик. Ты устал. Иди. Иди домой! *(Подводит Шило к двери)*. Давай, давай!

ШИЛО. Жди меня завтра, там и поговорим. На колени я тебя все равно поставлю. Своих отправил? Тогда пеняй!.. *(Икнув, уходит, но сначала пригрозил пальцем Крыцуку)*. «Мужик!» Знаю: мужик! Чем и горд!.. *(Выходит)*.

АЛЕСЯ. И вы уходите.

КРЫЦУК *(удивлённо)*. Что? Или мне послышалось?

АЛЕСЯ. Не послышалось.

КРЫЦУК. Хотя... погоди... Чего это мы? У нас разговор сегодня более чем серьёзный.

АЛЕСЯ. Я догадываюсь, о чём.. Вы будете предлагать мне навесить на дверь замок...

КРЫЦУК. Ты, Алеся, молодчина: догадливая, с полуслова понимаешь...

АЛЕСЯ. А вы, дядя Антон, мне и полслова ещё не сказали.

КРЫЦУК. И то верно ! И то!.. Ты, племянница, опережаешь мои мысли. Молодчина. Да, да.

Пауза.

Ну, ну!

АЛЕСЯ. Про замок я уже сказала.

КРЫЦУК. В самом начале. Правильно.

АЛЕСЯ. Побить кур, сдать на мясокомбинат корову... *(Заплакала)*.

КРЫЦУК. Зачем нам куры? Мясокомбинаты? Людям раздай всё. С нас хватит. У нас всё есть. Даже птичье молоко.

АЛЕСЯ. Но я же в город не поеду! Пока... пока здесь вы!..

КРЫЦУК. А куда? А куда ты поедешь?

АЛЕСЯ. Дома останусь. Здесь.

КРЫЦУК. Одна?!

АЛЕСЯ. Почему же одна? Живут же люди...

КРЫЦУК. Люди всегда живут. Во все века и столетья. Но – как? Это уже другой вопрос. Для того и этот свет создан, чтобы жили здесь люди. Чтобы любили, женились, разводились... Всегда!

АЛЕСЯ. И я буду жить.

КРЫЦУК. Не выдумывай, племянница! А что мне, твоему дядьке, земляки скажут? Что? Ты об этом думала?

АЛЕСЯ. Ой, дядька отыскался! Где это вы раньше-то были, дяденька мой сладенькой? Да и пусть говорят, что хотят. Не запрещаю. У них для того и языки, чтобы говорить. На каждый рогок не накинешь платок.

КРЫЦУК. Это не аргумент. И давай договоримся: не будем терять больше времени на пустые разговоры. Я ещё останусь на несколько дней, помогу тебе собраться... у меня места хватит. Вдвоём с тёткой Таней в коттедже живем. И трехкомнатная квартира стоит без дела. Можем всю тебе ее отдать. И живи. Школа, кстати, рядом: два метра до неё. А здесь же тебе ходить надо туда пять километров, назад столько же... Вашу ведь школу закрыли... Уроки, домашнее хозяйство... Приготовь себе, приготовь им... даже не представляю, как это ты одна здесь будешь... Не представляю! Это же самое что ни есть сумасшествие. Самоубийство!

АЛЕСЯ *(выдержав паузу)*. А почему она не приехала, тётка Таня? А? Почему это все было не так, как у людей?

КРЫЦУК. Работа, племянница, работа.. Это мне проще: сам себе хозяин. Свой бизнес. А она бухгалтер. Конец квартала. Отчёт. Да и не так важно: приехала- не приехала. Пойми меня, Алеся: не могу я тебя оставить тут одну. Ты – девочка. Ты – молодой тополёк... *(Протянул Алесе мобильник)*. На, поговори с ней! Поговори! Она тебе всё объяснит!..

АЛЕСЯ (*отстраняет мобильник*). Незачем... Она была занята... времени не было... конец квартала... отчёт...у родной сестры. Тётка Таня одна сестра была у моей мамы – и не приехала. Вам это не кажется странным, дядя Антошка?

КРЫЦУК. Да... в общем... нет. Время такое. Как по равнине бежим – нет за что зацепиться...

АЛЕСЯ. А вы меня, дядька Антон, уговариваете ехать жить к ней. Рехнуться можно. Очуметь.

КРЫЦУК. Ехать! Только ехать! Обязательно. Неотложно. Другого выхода, прости, не вижу. Тётъ Татьяна, кстати, тоже за то... всеми руками... так и сказала: без племянницы не возвращайся. И что я ей, добрейшей и любезнейшей, скажу? Как в глаза гляну? Как?

АЛЕСЯ. Бабки же живут одни...

КРЫЦУК. Бабки? Ну да, бабки... Ну и сравнение. Да, да, да, да- а! Но ведь им же уроки делать не надо. И в школу топать в мороз, в стужу, в любое бездорожье в соседнее село. Ты это учитывай. Да и что с твоих бабок возьмёшь, кроме анализа? А ты же... молодая, красивая... а сколько их, негодяев разных, соблазнительей, сейчас развелось?

Вернулся Шило, молча взял свою кепку.

ШИЛО. Лопату я тоже забрал. Чтобы потом не было разговоров. Когда помер брат Васька, я три дня в школу не ходил. (*Хлюпнул носом, исчезает*).

КРЫЦУК. Да и за что жить будешь? За какие доходы?

АЛЕСЯ. А что, мне не помогут?

КРЫЦУК. Наивное дитя. Кто? Кто тебе поможет?

АЛЕСЯ. Государство...

КРЫЦУК. Таких, как ты, у него много. А оно, государство, одно. А один, если помнишь, в поле не воин. К тебе тоже относится, кстати! Сегодня помочь можем тебе только мы – твои родственники. Больше ни на кого не надейся.

АЛЕСЯ. Воин не воин, но вы говорите неправду, дядя Антон. Неправду. А чужого я не хочу!

КРЫЦУК. Хорошо, хорошо. Дадут тебе пенсию... или социальную помощь. Но сегодня же на неё не проживёшь.

АЛЕСЯ. А мне много не надо.

КРЫЦУК. Много не много, а жизнь – вещь сложная. Намного более сложная, чем ты думаешь. Как это у вас, у молодых, всё очень просто! Ноу проблем!

АЛЕСЯ (*приятно удивлена*). О-о-о!

КРЫЦУК. Учу. Учу и английский язык. Даже в таком возрасте – когда прошел полжизни не одну версту...будь здоров прошел. Опять же: жизнь заставила! А как ты хотела? В самолет на ходу заскакиваю! На ходу! Потому что уважают, знают и ждут!..

АЛЕСЯ. Дайте мне подумать. Чувствую, что просто так вы от меня не отвяжетесь. Прилипчивый вы.

КРЫЦУК. Алеся! Моя любимая племянница! Разве же можно так с дядей, который желает тебе только добра и счастья – и больше, поверь, ничего! – разве же можно так с ним разговаривать? Что за слово – «отвяжетесь»? Ну нельзя же так, нельзя!.. Подбери. Учись. Слов много. И красивых в том числе, и ласковых...

АЛЕСЯ. Я устала. Мне можно отдохнуть?

КРЫЦУК. Устала? А собираешься жить одна.

АЛЕСЯ (*нервно*). Отдохнуть мне можно? Хотя бы несколько дней? Шило три дня в школу не ходил... как вы только что слышали. Так у него брат умер! А у меня – мама!..

КРЫЦУК. Хорошо. Будем считать, что договорились. Ты отдыхаешь. И одновременно думаешь, как жить тебе дальше. Запомни: тебе жить. Молодой, красивой... Беззащитной. Перед обществом и мужчинами. На это тоже обрати внимание. Не бойся гнуса в тайге. Не бойся энцефалитного клеща, голодных

волков... бойся – мужиков! Среди них полно маньяков! Помни! Я не запугиваю, но... так сказать. *(Собирает свои вещи, складывает в дипломат)*. Торопиться, так и быть, не будем. Недельки хватит? Подумать? Хлебнуть? Или, может, сразу – и дел тех?.. Кто не рискует, тот не пьет шампанское? Рискнем? Бросим все, обрубим швартовые!.. А?..

АЛЕСЯ *(пожимает плечами)*. Не знаю... *(Вдруг)*. Хотя чего это я! До свидания!.. *(Как-то неловко машет Крыцуку рукой)*. А там, Бог даст, и свидимся...

КРЫЦУК. Это не ответ. Это не серьёзно. Через неделю... ровно через неделю я приеду. Алеся, посмотри на меня.

АЛЕСЯ. А что? *(Отворачивается, как будто бы стесняется Крыцука)*.

КРЫЦУК. Ничего особенного. Но надо быть хотя бы чуток посерьёзнее. Договорились?

АЛЕСЯ *(неохотно)*. Договорились...

КРЫЦУК. Вот это другое дело. Значит, до встречи.

АЛЕСЯ. До встречи.

КРЫЦУК *(пошёл, но остановился у порога, посмотрел на стол)*. Прибери на столе. Не дразни Шилу и ему подобных. *(Выходит)*.

АЛЕСЯ *(громко)*. Он ещё командовать тут будет! «Прибери на столе». Не поеду. Никуда отсюда я не поеду! Наобещал тут всего! Напел! Запутаешься!*(Взяла куклу, прижала к себе)*. Ты всё слышала, Настенька? А что они, взрослые, понимают? Им же скажешь – они смеяться начинают... хихикать. «На, поговори с тёткой!» «У нас коттедж и три комнаты, места хватит». Вроде бы я ничего не знаю... Дурочку они нашли, или как?.. А я, может, не так жить хочу... совсем по-другому. Мне, может, не нравится, как некоторые взрослые живут. Но я же не могу им сказать правду. Потому как посмеются – и вся польза с того... А ты что мне посоветуешь, малышка? Быть более

смелой, решительной? Зачем? Ради чего? А кем быть?.. Да и я сама ещё не думала над этим, если откровенно... Хотя есть мечта... есть... Тебе только, Настенька, скажу: я хочу быть солдатом... Смеёшься? Да, да. Солдатом. Тогда я никого бояться не буду. Как мой дед Степан. Себя, это точно, защищу. И то хорошо. Однако не знаю, серьёзно это или нет... *(Положила куклу)*. Поспи. Отдохни, Настенька. Мы с тобой вдвоём остались. На всём этом белом свете...

Появляется Катька.

КАТЬКА. А я? А меня же почему это вы не принимаете в свою компанию?

Алеся не ответила.

Тебе помочь?

АЛЕСЯ. Я сама...

КАТЬКА. Ой, Алеся, всегда ты одно и то же: я сама, я сама! *(Убирает со стола посуду, выносит в сени)*. Тебе, конечно же, одной страшно ночевать? Алеся, я тебе говорю.

АЛЕСЯ *(убирает со стола)*. Страшно, Катька. Боюсь. Жутко, как представляю...

КАТЬКА. Тогда я поживу у тебя? Мои старики не против. Они понимают...

АЛЕСЯ. Спасибо тебе, Катька. И маме твоей.

КАТЬКА. Ещё чего! «Спасибо». Поживу у тебя – и всё. А там видно будет... *(Как бы между прочим, хитро)*. А дядя что, укатил?

АЛЕСЯ. Только что.

КАТЬКА. Может, и в самом деле тебя в город заберут?

АЛЕСЯ. А ты откуда про город знаешь?

КАТЬКА. Людей послушай.

АЛЕСЯ. А они?

КАТЬКА. Алеся, ты все равно как на луне живёшь, честное слово! Чудачка. Сейчас мы приберём в доме, я принесу

свои тетрадки, учебники... Завтра же в школу. Или ты ещё дома побудешь?

Появляется Шило.

ШИЛО. А где?..

АЛЕСЯ. Кто?

ШИЛО. Ну, тот тип... городской.

АЛЕСЯ. Зачем он тебе?

ШИЛО. Я его, случаем, но колени не пытался поставить?

АЛЕСЯ. Пытался.

КАТЬКА. Но такие не становятся.

ШИЛО. Иди ты!.. Во вляпался, поди! Он представительный!.. С гримасой босса!.. Это еще хорошо, что он охрану свою отпустил. А то намяли бы бока. Кстати, а кто такой будет? И вообще, где он раньше был, целовался с кем?..

КАТЬКА. Если бы был здесь дед Шумовой, то он сказал бы: ни цаца ни кака. Хотя мужик видный. Ничего так... *(Зевнула).*

Алеся выходит.

ШИЛО. Выходи за меня замуж, Катюха.

КАТЬКА. Ещё чего!

ШИЛО. А то нет кому в магазин бегать. За конфетами мне.

КАТЬКА. Ни фигя себе!

ШИЛО. Мне же годков-то мало, Катерина. Я же молодой.

КАТЬКА. Молодой, но ранний. Лучше помолчал бы.

ШИЛО. Постригусь... побреюсь... с пенсии костюм куплю новый... и чем не жених, а?

КАТЬКА *(удивлённо)*. С какой пенсии?

ШИЛО. С магушкиной.

Входит Егориха.

Вот, ещё одна невеста. Егориха, проходи, проходи.

ЕГОРИХА. И надолго ты тут прописался, бесстыдник?

ШИЛО. Пока привечают, пока в этой хаге меня терпят. Я не кусаюсь. Не дерусь. Почему же меня не терпеть, Егориха?

ЕГОРИХА. Высоко себя ценишь.

ШИЛО. Эх, и вредная же ты баба, Егориха. Я начинаю верить... начинаю верить...

ЕГОРИХА. Во что, знать интересно? *(Села на табуретку)*. В царя или в Бога?

ШИЛО. Что ты в войну немецкий самолет «раму» сбила.

ЕГОРИХА. Тьфу, расстудыгтвою, а ! Вчера в город ездила. На базар. Пенсию потратить.

ШИЛО. Почему меня не попросила? Мигом бы!

ЕГОРИХА. Да на это у меня дома свой специалист есть. И фуфайку купить надо, и сапоги резиновые... и много ещё всякой всячины. Пока бегала по магазинам, приценивалась, проголодалась больше некуда.. Дай, думаю, беяш куплю. Аппетитный такой беяш на вид. Поинтересовалась, сколько же стоит. У меня и глаза на лоб поползли... Но голод не тётка. Через час какой снова подхожу и говорю – да, видать, слишком громко, потому как все на меня обернулись. Давайте, говорю, беяш! Как вспомню, сколько мой мужик пропивает, так и недорого!

ШИЛО. А сколько же я свое время тех беяшей по ветру пустил?.. Правильно говорят: дураки учатся на своих ошибках, а умные – на чужих. Похоже, тот из города... Крыщук... дядя Крыщук, как представился, тоже знает, где и как науку грамотно жить черпать!

ЕГОРИХА. Да по нему не видать, что он в свое время черпал там, где и ты. Не из того колодца.

Появляется Алесь. Протягивает Шилу кружку с квасом.

ШИЛО. Не сыпь мне соль на рану, она и так болит!.. Спасибо, спасибо, соседка. Егориха, отвернись. А то не пойдёт.

ЕГОРИХА *(удивлённо)*. У тебя не пойдёт?

ШИЛО. Да, да, у меня.

ЕГОРИХА. Что-то я такого не припомню, чтобы у тебя не пошло.

ШИЛО (*выпил*). Да квас! Квас! Не гляди так. Как на врага народа.

АЛЕСЯ. Больше сегодня не приходи, Шило. Выгоню.

ЕГОРИХА. Гони, гони, девка, метлой их, Шилов этих. Да пошибче!

КАТЬКА. И я помогу Алеське. Мы вместе жить будем.

ШИЛО. А третьего вам не нужно, а, красавицы? То я готов!

ЕГОРИХА. Неужели и в самом деле квас пил?

АЛЕСЯ. А он моей маме поклялся. Пусть держит теперь слово.

ШИЛО. Слабо? Да вы еще Шилу не знаете! Если через день на третий моюсь, так что – шило на мыло!

ЕГОРИХА. У него и своя мама есть. Может и ей поклясться. (*Шиле - строго*). Не ровесник ты Алеське и Катьке. Ты своих невест прошляпил... Сам виноват. Заморозил их в той Якутии. Или, может, что другое?..

ШИЛО. Я, между прочим, на телевидение письмо состряпал... Доманцевич помогал... И найду я то, что потерял! В Якутске. Не думайте... Смеется тот, кто... кто!.. Да пошли вы!.. Мы что, только лёд там прижимали к себе!? От холода ёжились!? (*Уходит*).

Пауза.

ЕГОРИХА. Слыхала, девка, тебя тётка Таня в город забирает?

АЛЕСЯ. Про тётку Таню я ничего сказать не могу, а дядька – да... Предлагает.

ЕГОРИХА. И что же ты, девка, решила?!

АЛЕСЯ. Пока ничего.

ЕГОРИХА. Мой тебе совет: не знаю, что посоветовать. Сама решай. Не маленькая. Только вот что скажу: жизнь пролетит, как молния. И не заметишь, как станешь такой, как я. Ох уж и летит она, жизнь, не приведи Господь! *(Глубоко вздохнула, встала)*. Пойду к себе. А с городом решай. Решай, девка, в свою пользу. У тебя всё впереди. Тебе жить ещё долго... А будут какие проблемы, то обращайся. Чем могу, тем помогу. Хотя и скучно будет. Да что скучно – дико и тяжело будет нам без вас. Своих не удержали. Не уберегли. То чего ж теперь на зеркало пенять? А роды, детка, это я у твоей матери принимала... не знаю, говорила она тебе или нет...

АЛЕСЯ. Нет. Не говорила. Но я знаю. Она мне много чего не рассказывала. Как я потом поняла...

ЕГОРИХА. Тяжелая судьба у нее была. Не позавидуешь. *(Выходит)*.

КАТЬКА. Может, закроемся?

АЛЕСЯ. Зачем?

КАТЬКА. Чтобы не ходили тут всякие!..

АЛЕСЯ. А что в этом плохого, что люди приходят?

КАТЬКА. Смотря какие люди. Шило этот...приставала! Ой, не могу! «Выходи за меня замуж!»

АЛЕСЯ *(насилу улыбнувшись)*. Что, предлагал... тебе?

КАТЬКА. А то как бы не так! Нагло! Как танк! Вроде бы и трезвый. А намерения похлеще, чем у пьяного! А потом ещё какой!.. Молдован где-то загулял? Егориху, бабу Ньюру, жалко...

АЛЕСЯ. А что ей, сладко живётся, Егорихе? Не сладко и ей. Подушка, говорят, всегда на видном месте... при выходе... как только налакается её Лёнька, хватает подушку и в сад спать... в избе не даст... Будет гонять, пока сам не уснёт...

КАТЬКА. Гад тот Лёнька! Гад-д! И не утонет в какой луже! Нормальные мужики то под ток. То в реке...провалятся и не

выберутся. А подонков земля носит почему-то. Они, видать, ее, ту землю, чем-то подкупили? Но чем?

АЛЕСЯ. Катька, а я видать и правда – ребёнок?

КАТЬКА. Откуда взяла?

АЛЕСЯ. Не знаю. Мне так кажется. А ты – взрослая...

КАТЬКА. Какая я взрослая? Мне хочется, не спору, скорее вырасти, поехать куда-нибудь. Раньше комсомольские стройки были... Сибирь... Мои старики там и встретились... представь себе. А сейчас? Парни – и те служат рядом с домом, боятся от маминой юбки отвернуться на шаг хотя бы. Чудаки! Куда бы подальше просились – чтобы свет повидать!.. Позже себя за локоть кусать будут. Однако же выше себя не прыгнешь.

АЛЕСЯ. Нет, ты взрослая. Ты догадалась, что мне одной страшно будет... Ты напомнила мне, что Ленька у Егорихи дерьмовый дед...

КАТЬКА. И вонючий! *(Плюнула и ногой растёрла то место)*. Фу-у!..

АЛЕСЯ. И что он вообще опасный старикан.

КАТЬКА. Да, да. Правильно. Хотя и без нагана. Один раз меня по попе шлёпнул... Представляешь? И у самого от удивления последний зуб изо рта выпал.

АЛЕСЯ. Молодчина, Катька. Ты видишь... представляешь, что приползёт Шило... снова... или ещё кто... и что надо крючок на дверь накинуть... А я – первоклассница! Люди пошли, ага, страшные! Ну их! Без собаки не проживешь!

Катька затворила дверь на крючок.

А я как-то обо всём этом и не думала. Пью, ем, плачу... и вся жизнь. Я бы, видать, и спала с открытой дверью.

КАТЬКА. Только приляжешь – сопрут!

АЛЕСЯ. Кто?

КАТЬКА. А ты и в самом деле, Алеська, ребёнок. (*Улыбнулась, прижалась к подруге*). Но уже такой ребёнок, своровать который найдётся много желающих...

АЛЕСЯ. Ты так думаешь?

КАТЬКА. Ой, Алеська, вроде бы не знаешь, что на твои окна давно заглядываются...

АЛЕСЯ. И мне кажется, что кто-то ходит за окном... А кто – не знаю... Я вижу его... красивый вроде бы... модно одетый... и всё.

КАТЬКА. И очень уж несмелый, тихий.

АЛЕСЯ. Что ты, Катька! Другого не надо. А смелый, боевой какой в окно постучит... и что я тогда ему скажу? Иди вон, не мешай мне уроки делать, негодяй?

КАТЬКА. Так и скажешь. Прекрасно. Из-за тебя двоек нахватуюсь, как собака репея.

АЛЕСЯ (*серьёзно*). Мне... Мне нельзя двойки приносить... И хулиганить тоже. Потому что некого больше вызывать в школу... Некого... Некого...

КАТЬКА (*прижалась к плечу Алеси*). А ты меня позови, Алеська. Заступлюсь. Не дам в обиду. Позови, Алеська. Потому как тот, который где-то ходит за окном, пока отзовётся... а я всегда рядом. Так что не бойся двоек... Не бойся хулиганить...

Вбегает взволнованный чем-то Шило.

ШИЛО. Директор... Доманцевич помирает... Просит всех, кто еще не успел раньше его!.. Ну! Чего глаза выпучили? Директор... Доманцевич... Что за напасть! Она за другой! Кому пообещаю не пить – всех кондрашка хватает!.. (*Убегает*).

Все молча встают и выходят.

Затемнение.

В комнате бывшего директора Доманцевича. Он лежит на кушетке.

Молча зашла Егориха, поставила перед больным баночку с молоком.

ЕГОРИХА. Парное молочко. Попейте, Михаил Гаврилович. Свеженькое. Последний год держим... Шесть коровок осталось всего – не напасешься... Ну, как вы тут, директор?

Влетает Шило.

ШИЛО. Порядок! Всех!..Иди ты!..

Молча входят Алесьа и Катька. Кланяются.

ДОМАНЦЕВИЧ. Рассаживайтесь. Мест хватает. Могу и весь класс разместить. Нанесли мне из школы всего... Скамеек, столов, стульев... Зачем?

ЕГОРИХА. А теперь и мы будем учиться. С сельчанами. Чтобы было на чем сидеть. Учили, учили, Гаврилович!..

ЕГОРИХА. Угомонись хотя ты!.. *(Свернула меха на гармошке).*

ШИЛО. Извините, Михаил Гаврилович. Если что не так было...

ДОМАНЦЕВИЧ. Вы что, со мной прощаться пришли? Никак, а?..

Пауза.

Я у вас спрашиваю, земляки?

Пауза.

Знаете, что я вам скажу?.. И раньше хотел это сказать, но ложка, говорят, дорога к обеду... Плохих учеников вообще нету. Запомните это. Раз и навсегда. Но мне больше нравились такие, как вот Петя Шило...

ШИЛО *(привстал и сел)*. Я?!

ДОМАНЦЕВИЧ. Сиди, Петро. Хотя и учился ты ни шатко ни валко. Дисциплинку, случалось, нарушал. Но – не вредничал! А это две большие разницы. Да, да... такие вот непредсказуемые, как осенний день, они, наши дети... Были отличники. Но я мало кого из них запомнил. Они потом и в

школу, кстати, редко заходили почему-то.. А некоторые и никогда не бывали всё мимо и мимо... Петро, ты сколько стихотворений на память выучил со всей школьной программы?

ШИЛО (*не сразу*). Одно.

ДОМАНЦЕВИЧ. Не забыл?

ШИЛО. На всю жизнь выучил...

ДОМАНЦЕВИЧ. Расскажи.

ШИЛО. Неудобно...

ДОМАНЦЕВИЧ. Неудобно на потолке спать...

ШИЛО (*встал*). Я школу давно окончил...

ДОМАНЦЕВИЧ. Да ты сиди, сиди!..

ШИЛО. Урок вроде бы. Неудобно. Стихотворение? Стихотворение! Ага!.. Но то стихотворение я на всю жизнь запомнил. Когда меня в пионеры приняли, я галстук в кармане почему-то носил. Теперь – то понял, что дураком был... мелким фраерком. А директор школы подозвал меня, вот он, Михаил Гаврилович, за ухо, между прочим, хорошенько дёрнул, вручил бумажку и сказал, что я завтра в обязательном порядке на общешкольной линейке буду рассказывать стихотворение, которое было на бумажке отпечатано жирными буквами, перед всей школой... Не выучишь, говорит, исключим... И выучил! Хотя сначала боялся, что не осилю. Строк в нем казалось много. Теперь я то стихотворение и в гробу, наверну, вспомню: «Как повяжешь галстук, береги его; он ведь с красным знаменем цвета одного...»

Алеська и Катька поаплодировали.

ДОМАНЦЕВИЧ. Трудно мне, но к аплодисментам присоединяюсь...

Егориха, сообразуясь с обстановкой, тоже поаплодировала.

И переживал я за тебя, Петро, когда в Афганистан тебя отправили... Всё боялся, ты уж прости, что привезут тебя... Представляю – и в глазах слез полно... как весной в реке во время половодья. Почему судьба выбрала одного тебя? Из всей школы? Самого озорного, веселого? И не мог понять...

Шило, давясь слезами, выходит. Алеська и Катька бросились ему вслед, но потом вернулись.

КАТЬКА. Плачет. Во дворе.

АЛЕСЬКА. Не идёт.

ЕГОРИХА. Холера, а! Шило... Я его тоже принимала у матери... Он мне сразу по носу заехал ручонкой!.. Ну, думаю, антихрист вырастет! А он вон!.. Да-а!..

ДОМАНЦЕВИЧ. Во многих ошибся. К сожалению. Пока нет его, Пети, расскажу ещё одну историю про него... Набедокурил в очередной раз, не помню уже, что было... Веду его к маме, чтобы вместе пожурить, он отстал малость, идёт и дразнится: «Три волосинки на голове... Три волосинки на голове... Три волосинки на голове...» У меня, значит. О трех волосинках дома у него мы не говорили. На второй день я вызвал его в учительскую, и при всех учителях спросил: «Так сколько, Петя, у меня волосинок на голове?» А он громко так и серьезно отвечает – ну как в театре: «Тысячи волосинок у вас на голове, Михаил Гаврилович! Тысячи волосинок!..» Учителя, кажется, и со смеху попадали. Ну, не ради этого стоило жить?

Затемнение.

В комнате Алеся и Катька. Сидят за столом-напротив одна другой-и делают уроки.

КАТЬКА. Я бы согласилась жить раньше. Ну, хотя бы в девятнадцатом столетии. Тогда не было машин... станций атомных... все ездили на лошадях... а в реках, конечно же, было много рыбы. И парни были не такие, как сегодня... Вот мой, к

примеру, приезжает на карете из Парижа... на выходные... с бакенбардами... привозит французские духи...

АЛЕСЯ. Фантазёрка ты, Катька!

КАТЬКА. А что он ещё из той Франции может привезти?

АЛЕСЯ. Не знаю. *(Подходит к окну)*. Интересно, и правда интересно: кто-то ходит за окном... Это ты придумала, Катька?

КАТЬКА *(не отрывая головы от стола, пишет)*. Может, и я. Не помню.

АЛЕСЯ. А там ходит Шило.

КАТЬКА. Один?

АЛЕСЯ. Нет.

КАТЬКА. А с кем?

АЛЕСЯ. С Молдованом.

КАТЬКА. С Пашкой? А с кем ему, Пете, ходить?

АЛЕСЯ. Он не Пашка, он – Миша.

КАТЬКА. Миша? А на руке татуировка: Павел.

АЛЕСЯ. Молдован – человек законспирированный. На зоне был. Прячется вроде бы. Поэтому и милиции шарахается. У него, говорят, ни паспорта, ничего... Спит – как на нарах. Хотя и амнистия была.

КАТЬКА. С Зойкой?

АЛЕСЯ. А и правда, как они спят – ни постельного белья, ничего?

КАТЬКА. Ни телевизора, ни холодильника..

АЛЕСЯ. Егориха про них всё знает. Даже больше. Говорила, что у Зойки где-то детишки есть.

КАТЬКА. Даже?

АЛЕСЯ. А то же! С бабушкой живут. Дочь, старшая, писала раньше, денег просила. А потом перестала. Они сколько и живут у нас, ни одного раза домой, в свою Молдавию не ездили, кажется?

КАТЬКА. И я не помню. Да и как они поедут? За какие шиши? Он всё пропивает.

АЛЕСЯ. А почему она за него так держится?

КАТЬКА. Не знаю. Понять трудно. Ну был бы принцем. В худшем случае – миллионером. Как твой хотя бы новоявленный дядя...

АЛЕСЯ. Прошу его не трогать!

КАТЬКА. Прости. Не буду. Сорвалось с языка не к месту, черт!.. Есть, как говорит Егориха, такой сорт женщин, которые плохо себя чувствуют, когда их мужик не поколотит.

АЛЕСЯ. И правда же: бьёт. Как боксёр грушу.

КАТЬКА. А ей хорошо. Без синяка не может... как нормальная женщина без макияжа. На макияж деньги нужны, а кулак бесплатный.

АЛЕСЯ. А как они у нас оказались?

КАТЬКА. Ты пишешь?

АЛЕСЯ. И пишу тоже...

КАТЬКА. А то не знаешь.

АЛЕСЯ. Нет. Честное слово.

КАТЬКА. Их много приезжало... лет пятнадцать назад. Свеклу брались выращивать в нашем колхозе. А она, свекла та, не уродила. Молдоване ничего и не заработали. Все вернулись домой, а Пашка с Зойкой остались. Вроде бы как семью создали... А сегодня не могут денег собрать на дорогу.

АЛЕСЯ. Мне почему-то кажется, что она тоже не Зойка.. Не похожа Зойка на Зойку... Зойки не такие...

КАТЬКА. Конечно, не Космодемьянская... Учи уроки. А то не пушу гулять.

АЛЕСЯ. А уже хочется... гулять. *(Томно потянулась и неохотно вставилась в учебник).*

Стук в окно.

КАТЬКА. Кто это?

АЛЕСЯ. Стоит заговорить про чёрта, он тут как тут. Не подходи. Молдован, кто ж ещё! Он хотя в хату не прётся, а в окно стучит. *(Молдовану)*. Чё те надо? *(Катьке)*. Хотя зачем я спрашиваю? «Дай сто рублей. Завтра отдам».

МОЛДОВАН *(стоит под окном, с акцентом)*. Соседка, а, соседка! Дай сто рублей... до получки... завтра отдам.

Катька хихикнула.

АЛЕСЯ. Не дам! И не проси!

МОЛДОВАН. Выручай, соседка. Умирает Молдован. Нас и так мало. Выручай, Алеська. На бутельку надо.

АЛЕСЯ *(Катьке)*. Хитрый какой. Так ему на бугылку никто не одолжит, потому как каждому должен, а сто рублей вроде бы и деньги не большие... дают люди, чтобы только отстал. Он этим и пользуется.

МОЛДОВАН. Соседка-а-а! Или дай хотя ложку водки. Слышишь? Всего ложку... которой суп разливаешь из кастрюли.

АЛЕСЯ. Я не работаю!

МОЛДОВАН. А деньги имеешь. А я работаю – и нету. Выручай, Алеська-а-а-а!

КАТЬКА. Пошёл к чёрту!

МОЛДОВАН. Катька, и ты, холера, тут?

КАТЬКА. И я. Не стой под окном, а то оно запотело...

МОЛДОВАН. Умру, и вам не стыдно будет перед обществом? Как в глаза моей Зойке глядеть будете? Президенту нашему? Я же его портрет повесил над столом. Когда выпиваю, он мне подмигивает: правильной дорогой идёшь, Молдован! Твёрже шаг! Отмашка руки!.. Так и продолжай!

КАТЬКА. У вас президент давно поменялся.

МОЛДОВАН. А где я наберусь их, портретов? Для меня один президент настоящий – тот, за которого я голосовал. Умираю-ю-ю-ю! Что вам, ложки водки жалко?

АЛЕСЯ. А что, когда и правда умрёт? Бывало же...

КАТЬКА. Так он каждый день воет под окнами у людей.

АЛЕСЯ. Воет. Как собака. Не к добру это.

МОЛДОВАН. Помираю-ю-ю-ю! *(Воет)*.

КАТЬКА. Налей ему ложку водки. Только ложку!

АЛЕСЯ. Всего? Ложку? Так ему ж лизнуть...

КАТЬКА. Налей сколько просит. И дай мне.

Алеся налила в ложку водку, Катька подаёт Молдовану.

МОЛДОВАН *(возмущённо)*. Чтоб тебе дети под старость воды подавали... таблетки запивагь... столько...

КАТЬКА. Будешь братъ или нет?

МОЛДОВАН. Буду, буду. Выбора нету. Хотя и капля, но золотая! *(Выпил из ложки, вернул её)*. Мало. Всё равно умираю-ю-ю-ю! Ещё больше. У-у-у-у-у!

АЛЕСЯ *(решительно)*. Дам ему сто рублей и пускай не воет! *(Ткнула деньги в руку Молдовану)*. На!

МОЛДОВАН. А почему, соседка, ты сказала только «на», и больше ничего? А со мной люди обычно желают поговорить. Они много хороших, тёплых, искренних, ласковых слов мне говорят... «на, чтобы ты подавился... на, чтобы ты уже нажрался раз и навсегда... на, чтобы ты лопнул вместе со своим мочевым пузырьём...» Спасибо, соседочка!

АЛЕСЯ. Сегодня не приходи.

МОЛДОВАН. Сегодня – нет. Бутелька есть. Завтра приду.

Алеся тяжело вздохнула.

КАТЬКА. А не дала бы сегодня, не пришёл бы и завтра.

АЛЕСЯ. Катька, ты и правда взрослая. А я – ребёнок... Дитя. И всё больше и больше начинаю это понимать. Мне всё больше и больше становится страшно, что я осталась одна. Но отсюда я никуда не поеду...

КАТЬКА. Поэтому я и говорю тебе: учи уроки. Не отвлекайся. Тогда голова не будет забита лишь бы чем.

АЛЕСЯ. Можно, я ещё в окно погляжу? Катька, а? Можно? Хоть чуток?

КАТЬКА *(играючи)*. Ну что с тобой поделаешь? Только немножко.

АЛЕСЯ. Ага. *(Смотрит в окно)*. Молдован с Шилом вместе. Потопали в магазин. Но Шило его, кажется, не пускает?

КАТЬКА. Хорошего за тем окном мало чего увидишь.. Это раньше суетились. Дома строили, деревья и кустарники сажали, в бубны били, в горны дули!... Как ещё дети рождаются, жизнь продолжается? Откуда они берутся?

АЛЕСЯ *(удивлённо смотрит на Катьку)*. Катька! Ты философ!

КАТЬКА. А в окно не гляжу. Ну, подолгу... Некогда.

АЛЕСЯ. И я не буду. *(Садится за стол)*. Знаешь, Катька, о чём я мечтаю?

КАТЬКА. О чём же?

АЛЕСЯ. Выйти замуж...

КАТЬКА *(свистнула)*. Учи уроки!

АЛЕСЯ. Да погоди ты!

КАТЬКА. Жду.

АЛЕСЯ. Выйти замуж...

КАТЬКА. Второй раз?

АЛЕСЯ *(надулась)*. Не буду... дальше... говорить... Ну тебя!

КАТЬКА. Будешь. Не отстану, как и Молдован. Сто раз попрошу-сдашься. Лучше сдавайся сразу. *(Улыбнулась)*.

АЛЕСЯ *(не сразу, искренне-наивно)*. Уговорила.

КАТЬКА. Я такая.

АЛЕСЯ. Выйду замуж...

КАТЬКА *(брызнула смехом, прикрыла рот ладошкой)*.

Молчу, молчу, молчу!

АЛЕСЯ. И нарожаю много-много детей.

КАТЬКА. Это серьёзно. Только... от кого?

АЛЕСЯ. Если бы у меня были братики и сестрички, мне бы сейчас было веселее. А так одна осталась.

КАТЬКА. С куклой Настенькой. Это подарок судьбы. Мечта каждой женщины. Особенно такой сопливой, как ты. Ни кормить её не надо, ни поить. Не разборчива Настенька и в моде... В одном платъице всегда... И конфетку одну ей презентовала – будет сосать, пока не станет, как камушек...

АЛЕСЯ. Тоже выдумаешь.

КАТЬКА. Прости, Алеся.

АЛЕСЯ. За что?

КАТЬКА. Ну... хотя бы... Да мало ли за что!

АЛЕСЯ. Мне и с тобой хорошо, Катька.

КАТЬКА. Скорее бы вырасти и съехать куда в белый свет.

АЛЕСЯ. Давай вместе?

КАТЬКА. Вместе – не получится.

АЛЕСЯ. Почему?

КАТЬКА. Тебя заберёт дядька.

АЛЕСЯ. Я не поеду.

КАТЬКА. А я бы поехала. Это же город... Театры, концерты... Мороженое...

АЛЕСЯ (*твёрдо*). А я не поеду!

КАТЬКА. А я бы поехала!

АЛЕСЯ. А я не поеду!.. (*Спрятала лицо в ладонях, всхлипывает*).

КАТЬКА (*испугалась, успокаивает Алесю*). Не езжай, Алеська. Не езжай. Не надо. Ну его, тот город. Не надо нам мороженое. Мы... мы картошки с огурчиком наедемся... Капусточки хрустящей... А театр у нас свой есть... достаточно в окно поглядеть или на улицу выйти. У нас мужики и бабы могут такой спектакль поставить, что нос утрут любим народным

артистам. Пошли, Алеська, гулять. Разрешаю. Тебе и себе. Мы – в увольнение!..

АЛЕСЯ (*улыбаясь*). Пошли.

КАТЬКА. Где вёдра? Ага! (*Хватает вёдра*).

АЛЕСЯ. А я кур покормлю и картошки выберу.

КАТЬКА. Гулять так гулять!

АЛЕСЯ. Гулять!..

Выходят. Весёлые и счастливые.

Затемнение.

МОЛДОВАН (*стучит в окно*). Соседка! Ку-ку! Угадай, кто пришёл? Правильно: бутелька. Ку-ку!

Пауза.

Сосед-ка-а!

В комнате появляется Алеська.

АЛЕСЯ (*на голос*). Денег нету! Отстань!

МОЛДОВАН. Пусти, соседка, зайти.

АЛЕСЯ. Ещё чего!

МОЛДОВАН. Меня не бойся. Тут хотя бы со своей разобратся...

АЛЕСЯ. Пошёл вон!

МОЛДОВАН. Фу-у, какая ты невоспитанная.

АЛЕСЯ. А у нас в школе закончилась неделя вежливости. Чего ты хотел? Если денег, то нету. Скоро сама буду ходить, как и ты, с протянутой рукой.

МОЛДОВАН. Х-хе, соседка! По деньгам ходим. У меня в городе земляк живёт. На рынке познакомился, когда сапоги пропил. Помнишь, босиком вернулся из города?

АЛЕСЯ. Говори быстрее. Нету времени твою болтовню слушать. Всё равно в конце концов руку протянешь: дай, соседка, сто рублей на бутельку.

МОЛДОВАН. Ну и догадливая же ты, соседка. Сто уже мало... цены растут. Но если ты послушаешь меня внимательно, то никогда больше я не буду просить у тебя денег. Веришь?

АЛЕСЯ. Нет

МОЛДОВАН. А зря. Ты, значит, едешь в город...

АЛЕСЯ. Кто тебе сказал?

МОЛДОВАН. Молдован всё знает. Не дури. Тебя берут родственники, а хату – куда?

АЛЕСЯ. Ты разве купишь?

МОЛДОВАН. Пусть не сам, а покупателя я тебе уже, считай, нашёл. Пляши!

АЛЕСЯ. Сейчас же! Разогналась!

МОЛДОВАН. Слушай внимательно и мотай на ус. Слышишь? А каким способом нашёл покупателя? Ты слушаешь меня там или нет? Мне же не видать...

АЛЕСЯ. Слушаю, слушаю.

МОЛДОВАН. Он одолжил одному мужику триста долларов... точнее, специально подсунул домары... наживка такая... как червяк для карася. А он и клюнул. Оп!

АЛЕСЯ. Какой богатый у тебя земляк! А почему же ты бедный?

МОЛДОВАН. Не перебивай, а то я совсем запутаюсь.

АЛЕСЯ. Не буду.

МОЛДОВАН. А он, мужик тот, доллары пропил. И не возвращает должок. А где он возьмёт? Когда же горло, как у меня, дырявое. Приходится загонять свою однокомнатную квартиру. Шурупишь? Он, значит, пьяница тот... тьфу ты! Это я сказал – «пьяница»? Или послышалось?

АЛЕСЯ. Ты. Ты.

МОЛДОВАН. Прости, мужик. Больше не буду. Оскорблять. Он, значит, мужик тот, отдаёт моему земляку квартиру в счёт долга, тот ему приобретает в деревне... твою

хагу. А? Другого выхода у него нету. Иначе... сама понимаешь... (Показал что-то вроде харакири). Ты согласна? Соседка-а! Молдован не слышит ответа. Ку-ку!

Алеся энергично натянула на окно занавеску. Голос Егорихи: «Чего ты тут виснешь? Отстань хоть от девки сейчас. Какие у неё деньги? Откуда?» Голос Молдована: «О, хорошо что ты мне попалась! Займи, Егориха, сто пятьдесят рублей. Завтра отдам. С получки». Голос Егорихи: «Какая получка? Когда её давали у нас людям? Это в Америке, говорят, каждую неделю деньги платят. Езжай в Америку». Голос Молдована: «Сначала надо в Молдавию заехать. Дай сто пятьдесят рублей. Слышишь, Егориха? Фу-у, ну и вредная же ты баба! А куда ты с подушкой?» Голос Егорихи: «У тебя не спросила!»

Появляется Егориха. С подушкой.

ЕГОРИХА. Сон видела. Погоди, а какой же я сон видела, чтобы не сбредить? (Садится на табуретку). Тихо пока?

АЛЕСЯ. В каком смысле?

ЕГОРИХА. По всем моим прогнозам, за тобой должны приехать.

АЛЕСЯ. Это по вашим. А я живу по своим прогнозам. Только я никуда не поеду. Запомните. Все.

ЕГОРИХА. Во слава тебе Господи! Все же веселее! Пусть и молдоване живут. Кому они мешают? Хоть какое-то разнообразие в жизни! «Дай сто пятьдесят... дай двести...» Цыгане они и есть цыгане! У них в крови написано – просить, вымалывать...

ЕГОРИХА. А что, если вот честно, если вот на духу, как мне, бабке-повитухе, признаться: что тебя здесь держит? Что? Деда я одного знала, давно было, так он горшок с золотом спрятал, а где – не мог вспомнить. Так и помер, не вспомнив!..

АЛЕСЯ. Мне без тебя скучно будет, тётка.

ЕГОРИХА. Ой, ой! Так я и поверю.

АЛЕСЯ. Хага... держит. Этого вам достаточно?

ЕГОРИХА (*махнула рукой*). А там, можно подумать, ты на улице будешь жить?

АЛЕСЯ. Пусть себе...То там... А тут свой дом...

ЕГОРИХА. Вечного ничего нету. И хага та долго не простоит. То крыша потечёт, то бревно сгниёт, то ещё какая чертовщина. Ой, хага! Сегодня это не богатство. После войны было трудно, а сегодня-я-я!.. А сколько печь дров сжирает? Они что, дрова, с неба падают? Ой, и мороки! То одно, то другое... А в городе сложил руки – и сиди. Как паненка.

АЛЕСЯ. Так думаете?

ЕГОРИХА. А как мне ещё думать, когда так оно и есть? Так, девка, так. Разве же не видела? Разве же я в городе не была? Молодой ого как хотелось в город! Это сейчас всё равно. А как удрать из этой грязи не было возможности. Паспортов не давали.

АЛЕСЯ (*нетерпеливо*). Сон не вспомнила, тётка?

ЕГОРИХА. Вот уже память, а ! Хоть ты записывай snyте. В постели помню, а ногу поставлю на пол – и забываю. Ты веришь или нет?

АЛЕСЯ. Верю. А почему это вы с подушкой?

ЕГОРИХА. Моя подушка вам никому жизни не даёт! (*После паузы*). А то не знаешь...

АЛЕСЯ. Не надо так не надо... мне всё равно.

ЕГОРИХА. Решительности нет, поэтому и с подушкой! А чего же это я пришла? (*Выдержав паузу*). Так из городу тихо, говоришь, ничего не слышать? И тётка Таня, холера, носа не показывает. Вот тебе и тётка, родная кровинка.

АЛЕСЯ. Как видите.

ЕГОРИХА. А может быть такое, что дядька и не приедет больше? Что же, скажет, мне тебя упрашивать, девка, зачем энергию тратить попусту, когда ты такая упёртая?

АЛЕСЯ. Не знаю.

ЕГОРИХА. Не отказывайся, девка. Езжай, вот я трезво подумала и даю совет: всё же... езжай. Вот и сон, кажется мне, на то подсказал: если будут приглашать – принимай приглашение. Ага. А Катька ж где? *(Старается заглянуть во все углы).*

АЛЕСЯ. Дома.

ЕГОРИХА. Понятно, понятно. А столуетесь же как-из твоей кладовки, или она тоже приносит что?

АЛЕСЯ. А вам, тётка, какое дело?

ЕГОРИХА. Да мне-то... беды той. Вам чтобы хорошо было. Вам. А мы своё прожили, можно сказать. Мое дело подушку не забыть, когда припрёт... Ну, так я пойду.

АЛЕСЯ. Идите. Не держу.

ЕГОРИХА. Когда сон вспомню, то загляну, расскажу... И надо ж! Как сплю-помню, а проснусь – как долбнёй кто сон тот вышибает по злому умыслу из моей дурной башки. *(Направилась на выход).*

АЛЕСЯ. На холодной подушке спите, поэтому, видать, и снов не помните...

ЕГОРИХА. Что... что ты сказала? А? Ага. Понятно. *(Выходит).*

АЛЕСЯ *(подбежала к окну)*. А сейчас и Егориха ходит за окном... Одни и те же люди. «А Катька где?» А где она может быть, Катька? Там, где и я... Где и все – кто в пшенице, кто в овсе..

Затемнение.

Алеся видит сон. Вроде бы в её хате появляется классный Семён Петрович с букетом цветов. Стоит в пороге. Растерянный и счастливый.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Алеся, не прячься. Выходи. А-у. Ку-ку. Не бойся, я не бутелька и сто пятьдесят рублей просить не буду. Я твоё счастье. Бери меня. Делай, что хочешь. Используй. Ты где, Алеся? Слышишь? Это я, твой классный... Семён Петрович. Ты не думай, что я молодой учитель и поэтому у меня мало уроков и зарплату я получаю маленькую, мизер. Что-то у меня есть и побольше... душа хотя бы. Да. За классное руководство, кстати, тоже прибавляют. Вот думаю телевизор купить. В кредит. И брюки себе новые. В полосочку. А там и на галстук разживусь. Да и не это, в конце концов, важно! Что мы всё про деньги да про какие-то баксы? А есть же более возвышенные, более значимые и важные вещи!

АЛЕСЯ (*появляется в свадебном платье*). А что более важное, любимый?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Ты.

АЛЕСЯ. Я в отрубе. А мне как вас теперь называть – по отчеству, или просто – Сенечка?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. В школе, уважаемая, думаю, будем соблюдать субординацию, а дома – да, да: Сенечкой зови. А я тебя – Солнышком. Сенечка и Солнышко. Звучит, а?

АЛЕСЯ. И ты, Сенечка, сегодня какой-то не такой...

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. А каким должен быть человек, который пришёл, можно сказать, свататься?

АЛЕСЯ (*удивлённо*). Ты пришёл свататься?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Обязательно!

АЛЕСЯ. А почему же один? А где сваты?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Не выбрать. Нет из кого. Во всех репутации подмочены. Стариков же не приведёшь, а молодые в музыке кувыркаются... Не выбрать. (*Протягивает цветы*). Это вам... тебе... тебе-тебе! От меня!

АЛЕСЯ (*взяла цветы*). А если Катька придёт, что я скажу ей? Она же обязательно пристанет, обязательно спросит: а где

ты цветы взяла? А врать я не умею. Вы же врать меня не учите. Всему учите, а этому нет... Плохо, видимо. Когда-нибудь и пригодилась бы эта наука.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Ошибочка. Научу. Кинешь за спину, найдёшь впереди. И как я подзабыл?! Да, да! Умные люди ведь придумали. Вот ты про Катьку вспомнила... А я, признаюсь тебе, хотел сначала к ней пойти в сваты... Но отца её побоялся. А ты одна... и я один... А вместе нам, вдвоём, веселее будет. Вместе будем отбиваться от Шилы и Мылы... Прости, от Молдована.

АЛЕСЯ *(обиженно)*. Вот ты какой, классный! Перелётная птица! Такой же, как и все. Все вы, мужики, одним миром мазаны. Сначала к Катьке метил, а ко мне – в последнюю очередь. Там не получилось, так ты сюда ветрило повернул? Да? Молчишь? И что, думаешь, я такого бабника на кровать пушу? Вот на эту самую?.. *(Показала рукой в угол)*. Да никогда! И не мылся! На полу твоё место! Там!..

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Ну, глупости же, глупости! Выходи за меня, Алеська. Выходи. Не пожалеешь Я хороший. Где ещё такой счастье отыщешь? Где отроешь? Это же столько перекопать надо, чтобы меня найти. А я – вот. Сам. Личной персоной. Не пью и не курю.

АЛЕСЯ. Катька тоже не пьёт и не курит. Тогда я лучше с ней буду жить.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Гляди, чтобы не пожалела потом. Я, между прочим, под твоим окном не один вечер ходил. Туда-сюда, сюда-туда. Даже туфлю потерял.

АЛЕСЯ. Так это твоя обувка была?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Моя. На импортной подошве. Ай, ничего страшного. Лишь бы, как говорят, мы были. Выходи за меня.

АЛЕСЯ. Я бы вышла, но с одним условием...

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Слушаю, моя королева!

АЛЕСЯ. Если будешь рассказывать всему классу стишки вместо меня, которые задаёшь учить на память. А пятёрки ставить мне.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Разреши подумать?

АЛЕСЯ. А чего тут думать? Может, ты ещё у мамки разрешения спросишь? Или у нашего директора?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Так я... извини... ага... в сваты пришёл... не на базар.

АЛЕСЯ. Тогда сватайся. Разрешаю. *(Демонстрирует себя).*

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ *(растерянно)*. А что для этого надо?

АЛЕСЯ. И я не знаю.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Я же никогда раньше не сватался.

АЛЕСЯ. Ой, не могу! А когда тебе свататься было? У тебя же ещё совсем недавно под носом пушок начал появляться...

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Перед тобой классный или пушок там какой-то?

АЛЕСЯ. Классный пушок! *(Нежно гладит учителя).*

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Верни цветы!

АЛЕСЯ. На! Давись! *(Швыряет букет Семёну Петровичу)*. Возвращаю! Тебе они ещё пригодятся! Не сегодня – так завтра! Бабник ещё тот! *(Убегает)*.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ *(собирает на полу цветы)*. Не буду... никогда не буду... ни за какие деньги... ни за какие блага... жениться. И не упрашивайте! То стишата им рассказывай, то ещё чего! Ну, и ученики пошли! Не то, что в наше время были. Вчера. *(Выходит. Но цветы оставил на столе)*.

Затемнение.

В комнате.

АЛЕСЯ. Приснится же такое! *(Кукле)*. Настенька, рассказать тебе – не поверишь: классный наш приснился. Пацан пацаном! *(Радостно)*. А вон и Катька бежит. К нам. С портфелем. Будем уроки делать и вместе играть. Где её вёдра? А моя корзина? *(Хватает вёдра и корзину, но не успевает выбежать из дома. Появляется Катька)*. Ты как ракета. Кто за тобой гнался?

КАТЬКА. Дай придти в себя... Фу-у! Переодевайся. Да быстрее же, быстрее! Потом с вёдрами и корзинами... они не убегут.

АЛЕСЯ. А что случилось?

КАТЬКА. Гости к нам...

АЛЕСЯ. Кто?

КАТЬКА. Никогда не догадаешься.

АЛЕСЯ. Ой, Катька! Всегда ты начинаешь! Ну кто?

КАТЬКА. Вот, отдышалась, сейчас могу и сказать. Классный наш. Классный! Чего рот раскрыла?

АЛЕСЯ. Семён Петрович?!

КАТЬКА. Да. Он. А больше классного у нас и нету.

АЛЕСЯ. Больше классного классного у нас и нету.

КАТЬКА. Возле магазина встретила только что. Спросил, как мы, что мы... И предупредил, что зайдёт... попросил, чтобы были дома. Вроде бы в школе нас не видел. Станный человек он, Семён Петрович.

АЛЕСЯ. Сенечка...

КАТЬКА. И охота было ему перетянуться в такую даль?

АЛЕСЯ. Мог бы, что хотел, и в школе сказать. А почему я должна переодеваться?

КАТЬКА. Он же все-таки мужчина.. или парень.

АЛЕСЯ *(хмыкнула)*. Мужчина? Или парень?

КАТЬКА. В штанах же ходит!

АЛЕСЯ. А-а-а!

КАТЬКА. А ты собралась кормить своих коров-хрюшек.

АЛЕСЯ. Пусть поможет.

КАТЬКА. Он же городской. Обляпается.

АЛЕСЯ. Обучим. Он нас, мы – его.

КАТЬКА. Погляди в своё окно – не идёт?

АЛЕСЯ *(подбежала к окну, вглядывается. Растерянно)*.

Правда... идёт.

КАТЬКА. А то я шутить буду!

АЛЕСЯ. А что ж мне?.. В этом? *(Переодевается)*. И чего ему, классному, дома не сидится? Носится, как ненормальный!

КАТЬКА. А ты возьми да и спроси у него, чего ему не сидится. *(Прихорашивается перед зеркалом)*.

АЛЕСЯ. Ползает по домам... как таракан. Кино смотрел бы по телику... или читал... сейчас книжек полно штампуют... как пирожки... так нет – ползает!.. Всё, кажется? Хорошо и так будет. Сойдёт.

КАТЬКА. Вот, сразу похорошела, а то была похожа на передовую доярку.

АЛЕСЯ. А чего он, Катька, прётся сюда, классный наш?

КАТЬКА *(села за стол, разложила учебники, тетрадки)*.

Ну он же классный! Как ты не понимаешь!

АЛЕСЯ. Хотя я и понимаю... Правда же: классный классный. Фу, а у меня что-то сердце забилось... трусиха я.

КАТЬКА. А ты возьми, да спроси у классного, почему у нас, девочек, иной раз сердце бьётся, готово выскочить?

АЛЕСЯ. Ещё чего!

КАТЬКА. А хочешь, я спрошу? Хочешь?

АЛЕСЯ. Да ну тебя! Скажешь тоже! *(Смотрит в окно)*.

Заходит во двор...

КАТЬКА. Встречаем. Садись за стол... напротив меня... Готовим уроки. Только уроки – и больше ничего. *(Смеётся)*.

АЛЕСЯ *(села за стол)*. Катька! Тише!

Стук в дверь.

КАТЬКА *(тихо)*. Алеся, кто в доме хозяин?

АЛЕСЯ *(откашлялась)*. Входите! Пожалуйста!

Появляется Семён Петрович. Ему не больше лет, чем ученицам.

КАТЬКА. Проходите, Семён Петрович! Вы не голодны?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Нет, нет! За это не волнуйтесь, прошу вас! Все в порядке!..

КАТЬКА. Как говорится, учебники и тетрадки...

АЛЕСЯ. Присаживайтесь.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Спасибо за приглашение. Я постою, если разрешите...

КАТЬКА. Конечно... как желаете.

АЛЕСЯ. Наше дело предложить...

КАТЬКА. А мы вот учим. Не отрываем головы от учебников...

АЛЕСЯ. Да.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. И что же вы учите, если не секрет?

АЛЕСЯ. А что... а что учится...

КАТЬКА. Уроки.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Известное дело... уроки. *(Потрогал учебники, что лежат на столе)*. Завтра, кстати, нет ни астрономии, ни физики...

АЛЕСЯ. Правда?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Представьте себе.

КАТЬКА *(отодвинула от себя учебники)*. Номер не прошёл... Да они, учебники, тут просто так лежат. За компанию. Стол маленький. Всё в куче. А потом уже из кучи и выгаскиваем... Разгребаем кучу... Вы садитесь, садитесь, Семён Петрович. Может что расскажете. Повидали, наверно, всего уже? У нас... в соседней деревне...

АЛЕСЯ (*вскочила, протёрла табуретку, поставила возле классного*). В ногах, говорят, правды нет.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Кто говорит?

АЛЕСЯ. Люди.

КАТЬКА. Народ.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Если вообще она есть где-нибудь. Но до истины докопаться иной раз надо. Профессиональная привычка – ходить, быть всегда на ногах. Учитель, если сидит, либо ленив, либо болен... Я пока не болен, потому как молод. Поэтому постою. А что тебе, Катя, рассказать о себе?

КАТЬКА (*застеснявшись*). Ой, извините... Спросила, а не надо, видимо, было...

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Нет, почему же – расскажу. Если вам мало того, что в классе слышали. А я рассказывал о себе.

КАТЬКА. Разве?

АЛЕСЯ. Было.

КАТЬКА. А я присутствовала на уроке или нет?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Была, была. Все были на том первом моём уроке. У меня и мама была учительницей. Когда я сказал ей, что буду поступать в педагогический, то она не смогла скрыть разочарования, вздохнула и ответила мне: «Лучше, сынок, на шофёра иди». А я стал учителем. Потому что хотел быть им, и только им, а больше мне ничего тогда не хотелось...

КАТЬКА. А сейчас?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Повторите вопрос.

КАТЬКА. А сейчас вам чего хочется?

АЛЕСЯ. И мне интересно...

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Вопрос, как тот говорил, интересный. А хочется мне сегодня, чтобы учились вы хорошо...
Алеся и Катька поаплодировали.

Чтобы вели себя лучше, чем учились. Это важно сегодня. Время такое.

КАТЬКА. Какое?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Бешеное. Бешеное, Екатерина. А с поведением у вас, к сожалению, не всё хорошо, не всё гладко и чинно. К сожалению...

КАТЬКА. А что случилось?

АЛЕСЯ. У нас?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Повторяю для тех, кто не успел записать: с поведением у вас, к сожалению, не всё хорошо.

Алеся и Катька встали.

КАТЬКА. Шутите?

АЛЕСЯ. Ну и шутник вы, однако!

КАТЬКА. Только не смешно.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Здесь, как говорится, не до шуточек.

АЛЕСЯ. Семён Петрович!

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. А?

АЛЕСЯ. Не часто ли вы говорите: как говорят? Кто? Кто говорит? Нам интересно, что вы скажете, а не кто-то там...

КАТЬКА. У Алеся, когда она не заглядывает в учебник, получается получше...

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ *(проглотил ком, похоже)*. Дальше. На чём это мы остановились?

КАТЬКА. А у вас, Семён Петрович, туфли новые. Класс!

АЛЕСЯ *(осторожно)*. А вы, случайно, одну туфлю не потеряли?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Где? Когда?

АЛЕСЯ. Под окном...

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Как видите, нет. Я, кстати, пришёл не туфли демонстрировать, а поинтересоваться, правда ли то, о чём слышал от людей.

КАТЬКА. Интересно.

АЛЕСЯ. А мне кажется – нет.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. А слышал я от людей следующее...

КАТЬКА. Нам ходить можно? По комнате? Или всё должно быть, как на уроке?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Ваше дело. Я здесь не хозяин. Здесь вот Алеся... как она скажет.

АЛЕСЯ. Я разрешаю даже танцевать!

КАТЬКА. А что? Семён Петрович, тряхнём стариной? Давайте! Вы да мы. Музыка найдём. Я из дому принесу.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Нет, нет! Прекратите. Я, понимаете, такой танцор...

АЛЕСЯ. А что вам мешает?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Лучше не надо. Каждый должен заниматься тем, что он может. Хотя и танцевать я могу. Но надо знать, где, когда...

КАТЬКА. И с кем?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. И с кем. Да, да. Молодчина, Катя. Ты рано взрослеешь...

АЛЕСЯ. Да не тяните же вы, уважаемый наш классный, рассказывайте, о чём хотели рассказать. Заинтересовали. Не отходите.

КАТЬКА. В бой!

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Немножко дисциплины попрошу. Порядка. Шумно. Нас трое, а впечатление такое, как будто бы здесь весь класс. Попрошу тишины.

Стук в окно.

МОЛДОВАН (*перед тем же окном*). Соседка, а, соседка! Бутелька. Ку-ку. Я, я, Алеся. Выручи, соседка. Умираю после вчерашнего.

АЛЕСЯ. Нету денег! Ничего нету! Пошёл к чёрту!

КАТЬКА. Дай я с ним поговорю!

АЛЕСЯ. Поговори. И классному разрешаю. Это самые счастливые минуты в моей жизни, когда висит перед окном

лохматая голова Молдована и торчит, как из-под земли, грязная его рука.

КАТЬКА *(в окно)*. Чего ты сюда припёрся? Шуруй домой! Что, может, в женихи тоже набиваешься? То у нас с этим всё в порядке, у нас всё нормально. Сам классный пришёл. Семён Петрович.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ *(испуганно)*. Нет, нет! Катерина, думайте, что говорите... я совсем по другому делу... Я на работе. У меня работа такая – посещать иной раз своих учеников.

КАТЬКА. И учениц.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Не разделяю. Нет.

КАТЬКА. Понятно. Он при исполнении, но мужчина что надо.

Семён Петрович жестами обращается к Алесе, что-то ей объясняет.

Так что предупреждаю: если ещё хоть раз попросишь денег на свою бутельку, которая тянет тебя всё ближе и ближе в могилу, то мы выйдем во двор и покажем тебе... и покажем тебе... *(Глазами просит у классного и Алеси, чтобы подсказали, что говорить дальше)*. Что покажем?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Где раки зимуют.

КАТЬКА. Кстати, про раков. И покажем тебе, где раки зимуют.

МОЛДОВАН. А что такое раки?

КАТЬКА. Подожди. *(Тот же вопросительный взгляд на классного)*. Про раки спрашивает...

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Раки они и есть раки. *(В окно)*. Раки и в Африке раки. Пусть не прикидывается! Чего надо? Ползают... с клешнями... Чик.чик.чик!..

МОЛДОВАН. Привет, учитель! О, так я же у тебя ещё денег не одалживал. Займи на бутельку. Сто пятьдесят рублей не хватает. С полочки отдам. Завтра верну.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. На водку не одалживаю.

МОЛДОВАН. А на что?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. На тетрадки, на ручки, на книги.

МОЛДОВАН. О, а у меня как раз ручки и нету.

Исписалась. Второй год не могу в Молдавию письмо написать.

Одолжи на ручку.

АЛЕСЯ. Врёт. Пропьёт.

КАТЪКА. И дураку понятно.

МОЛДОВАН. И книжек давно не читал. Потому что нет за что купить. А так хочу прочитать про «Му-му»!

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Так что, не давать ему денег?

КАТЪКА. Дадите один раз – будет доить он вас, как мы доим с Алесей её корову. Дёргаем за все соски сразу.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ (*в окно*). Не мешайте нам проводить внеклассные занятия.

МОЛДОВАН. А что это?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Оставьте нас! Вон из класса!

Девушки смеются.

Простите. Доведут тут!..

МОЛДОВАН. Так что, учитель, не дашь?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Вы доведёте меня, что я сейчас выйду и разделаю вас, как бог черепаху!

МОЛДОВАН. Выходи, шеф!

АЛЕСЯ. Не выходите. Я вам не советую. Пусть ходит себе за окном сам по себе... Не трогайте.

КАТЪКА. А мы будем продолжать урок. Правильно, Семён Петрович?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Что за люди? И хватает же совести ходить, просить, кланчить?

КАТЪКА (*протянула руку*). С протянутой рукой.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Нету за что выпить – не пей. И все проблемы. Так нет же, нет! Чем больше живу на этом свете...

КАТЬКА. Белом...

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Чем больше живу на этом белом свете, тем больше начинаю бояться людей.

КАТЬКА. И нас?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Вас – нет. Пока.

АЛЕСЯ. Может, я чайник поставлю?

КАТЬКА. Давно пора. С малиной попьём. Как, Семён Петрович?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Чай? И всего?

АЛЕСЯ. Чай.

КАТЬКА. С малиной.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Мне сказали, что вы здесь угощаете каждого, кто приходит, более крепким напитком? А? Под видом березового сока?

АЛЕСЯ (*не сразу*). Угощаю. Я. Но вам не дам, потому что не хочу, чтобы и вы были такими, как те, кого угощаю.

КАТЬКА. Ну, рама-а! Ну, Егориха!..

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Не откажусь от чаю.

Алеся выходит. Пауза.

КАТЬКА. Продолжайте, Семён Петрович, урок, или что?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Не все ученики в классе...

КАТЬКА. А для одной... ученицы у вас никакой программы нету?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ (*насторожённо*). Что вы сказали?

КАТЬКА. А вы, я заметила, когда один на один, тоже на «ВЫ».

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Даже?

КАТЬКА. Даже.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. А я и не заметил. Видимо, так всё же лучше.

Пауза.

КАТЪКА. И у нас парни такие в деревне, как вы, Семён Петрович. Один к одному. Сразу теряются... дрожат... и язык заплетается...

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Да я бы показал ему в самом деле, где раки зимуют. На всю жизнь запомнил бы. Но что люди подумают? Что скажут? А? Он, видите ли, не знает, что такое раки! Проходимец!

КАТЪКА. Я совсем не про это...

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. А про что?

КАТЪКА. Ай! Вы хотя и классный, но... Не буду отвечать на поставленный вами вопрос. Ставьте двойку.

Появляется Алеся. С чайником.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Так быстро?

АЛЕСЯ. Мы всё быстро делаем. Не только уроки.

КАТЪКА (*ставит на стол чашки*). Какая сила, когда чай не пьёшь!

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Это так, правильно.

АЛЕСЯ (*наполняет чашки*). А у нас и обед есть.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Спасибо, спасибо.

КАТЪКА. Вы же холостяк. Мама далеко. Поухаживаем.

АЛЕСЯ. А у нас готова еда не только хрюшке и корове...

Катъка давится смехом.

Чего ты? Кушать все хотят. Учителя и ученики. Хрюшки и коровы. Куры и собаки.

Заходит Шило.

ШИЛО. Один я сытый, привет, кого не видели! (*Пожал ладонь классному*). Заносить?

АЛЕСЯ. Заноси.

Шило и Алеся выходят.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. И что с такими, как Шило и Молдован, завтра будет?

КАТЪКА. А ничего. Одни умрут, другие родятся. И жизнь будет продолжаться.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Но это же собачья жизнь?!

КАТЪКА. Говорите, говорите дальше. Мне интересно.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Ты уже взрослая, Катерина, сама всё понимаешь не хуже, чем я.

КАТЪКА. А мне начинает казаться почему-то, что мама ваша правильно вам советовала на шофера... Кстати, а что вы хотели нам, Семён Петрович, сказать? Не просто же так пять километров шли. Насчёт дисциплины чего-то... или мне показалось?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Хотел. Однако не буду. Передумал.

КАТЪКА. Вы бы заходили к нам почаще.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Зачем?

КАТЪКА. Вам же скучно после школы одному дома. У тётки Ани, наверное, даже, и телевизора нету?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Нету. И я ещё не заработал на телевизор.

КАТЪКА. А у нас есть. Приходите. Иногда бывают хорошие передачи...

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. А что люди подумают?

КАТЪКА. А то, что и вы подумали о нас. Ничего страшного. Не всегда наших людей и слушать надо. Хотите, я скажу, кто про меня и Алеську глупостей наговорил?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Нет, не надо! Я запрещаю!

Входит Шило, довольно потирая руками.

ШИЛО. А вот и мы! Будем жить не пропадём, пока есть колхозы!

Появляется Алеся с кружкой в руке.

Это нам, нам! Прошу не раскрывать ртов! *(Взял кружку с квасом).* Фу-у! Ну, за женщин!

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. А где вы здесь женщин видите?

ШИЛО *(пьёт и разговаривает)*. Подожди... допью... тогда... *(Протянул кружку учителю, тот отмахнулся)*. Если не брезгуешь... зубы ломит.... А это кто? *(Кивнул на Алесю и Катьку)*. А?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Девочки. Девочки.

ШИЛО. Он правду говорит?

КАТЬКА. Бессовестный! Аморальщик!

ШИЛО. Будут и женщинами. Чего не увидишь.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Надеюсь, без вашей помощи?

ШИЛО. В каком смысле?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. В том самом. Вы, надеюсь, меня поняли, гражданин Шило?

ШИЛО. Если классные будут тут пореже шастать.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Ну, знаете!.. Это уже сверх всяких норм... морали и права! *(Ходит по комнате, часто трясёт рукой)*. Камень в мою сторону? В мою! В мою! И лошади, как говорят, понятно. Валун! Вот такой! *(Показал)*. С разгону! Хрясть! Получай! На! И не кашляй!

ШИЛО. Чтобы завести меня, надо перевернуть вверх дном кружку. А тебя, педагог, и совсем просто: даже чай вон не выпил.

Заходит Крыцук. В руках держит дипломат.

КРЫЦУК. От чаю и я не откажусь. Здравствуйте.

На появление Крыцука по-разному отреагировали присутствующие. Классный начал собираться, чтобы идти домой. Катька складывает на столе учебники и тетрадки. Алеся почему-то смотрит в окно. Шило же распростёр навстречу Крыцуку руки- идёт встречать...

ШИЛО. Здесь у нас всё в порядке, брат! Одно только плохо – в моей гармошке мыши меха погрызли. На расчёске играем. Каково! *(Притопнул)*. Ну, с приездом! И прости, если тогда обидел! *(Пожал Крыцуку руку)*.

Затемнение.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Шило пожал Крыцуку руку.

ШИЛО. С приездом, городской аристократ! Прямо блестяшь весь – как воском нагерт!..

КРЫЦУК (*освободившись от Шилы*). Как вы тут?

ШИЛО. А как вы там? На Канарах или где?

КРЫЦУК. Да, нормально. Трудимся. Развиваем страну.

ШИЛО. А почему нельзя сначала развить не все и сразу, не всю страну, а вот хотя бы нас, забытое Богом село? Или вы оптом привыкли? А мы розничные? Не годится!.. Мы тоже страна. С нее и начинаемся. Как река с ручейка.

КРЫЦУК. Да, да, у вас уже выработалась определённая такса: шаг сделал – плати, чхнул – вдвойне.

ШИЛО. Пока тихо – никто ничего... варимся, как варенье, в одном и том же допотопном ведёрке. Только вкус хорош! Ох, и хорош!.. Кстати: не ворует. Ничего. Ни комбикорма, ни у соседей... Постановили так. Решили. Свою республику, можно сказать, организовали.

КРЫЦУК. Попробуйте только. А милиция для чего? Заявлю непременно! Так и знайте!

ШИЛО (*ржёт*). Удивил. Ну и удивил. Какая милиция? Ты знаешь хоть, сколько у нашего участкового заявлений? Нет? Вот такая гора. Я даже пробовал к нему наняться те заявления носить. Или на тачке возить. Участковый даже читать твоё заявление не станет, не то чтобы придти по нему. Он те заявления, говорят, в уборной на гвоздь натыкает и пользуется... Так что в силу своих возможностей веду наблюдение вот за этим объектом. (*Топнул ногой*). Объект номер один.

КРЫЦУК. Ну, тогда спасибо.

ШИЛО. Спасибо в карман не положишь. А пью только квас. Так что вы, городской дядя, попали в трудное положение.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Я... я пойду?

КРЫЦУК. Сделайте одолжение. *(Вдруг)*. А вы, простите, кто?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Учитель.

ШИЛО. Пе-да-гог!

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Класный Алеси буду.

Катька незаметно вышла.

КРЫЦУК. Желательно и ваше присутствие.

ШИЛО *(красуется)*. А моё?

КРЫЦУК. Вам – спасибо. Вы свободны...

ШИЛО. Так ты что, даже городских гостинцев не привез?

КРЫЦУК. Я же сказал: спасибо. Неужели этого мало?

ШИЛО *(плюнул)*. Ну и жмот ты! *(Выходит)*.

АЛЕСЯ. Чай холодный... Остыл. Я подогрею?

КРЫЦУК. Если не трудно, Алеся.

Алеся выходит.

(Пожал руку классному). Антон Антонович.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Семён Петрович.

КРЫЦУК. Очень приятно. Вы присаживайтесь, присаживайтесь.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Насколько я догадываюсь, вы тот дядя из города, который хочет забрать Алесю?

КРЫЦУК. Вы правильно догадываетесь.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Обезоружить нас решили?

КРЫЦУК. Не понимаю.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Может дали бы ей окончить учебный год? Одна отличница на всю школу...

КРЫЦУК. И не уговаривайте! Никогда! Если она останется здесь, то, боюсь, и совсем может школу не окончить.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Ну, это вы уже преувеличиваете. Окончит. И школа, и я же рядом. Поможем. Поддержим.

КРЫЦУК. А эти... как их... сторожа-охранники? Они же девушке жизни не дадут!

Стук в окно.

МОЛДОВАН. Соседка. Бутелька. Ку-ку!

КРЫЦУК. Видели? А я что говорил? Они же превратят этот дом в бордель, извините.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Они обычные пьяницы... больные люди. Как мы с вами болеем гриппом или чем-то ещё. А так они не вредные. Надоедливые, правда, как оводы в жару.

МОЛДОВАН. Соседка! Ку-ку! Подойди к окну! Бутелька просит!

КРЫЦУК. Смотри ты, ещё и голос повышает! И что, их на место поставить нельзя? Что бы нормальным людям не мешали жить?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. А кто будет ими заниматься? Жёны, если и были у кого, повыгоняли, родители отошли в мир иной...а колхозу и сельсовету не до них – своих забот хватает. Поэтому и пируют.

КРЫЦУК. Не будем больше об этом. Дело давно решённое. Забираю, забираю я Алесю. Подготовьте, пожалуйста, документы. Позаботьтсь. И побыстрее.

МОЛДОВАН. Алеся, сколько можно ждать? Дома ты, дома!

Появляется Алеся с чайником.

АЛЕСЯ. Надоел этот Молдован, как горькая редька!

КРЫЦУК (классному). А я что говорил? Не дадут жить. Не дадут!

АЛЕСЯ (в окно). Пошёл вон! У меня гости!

МОЛДОВАН. Гости? Почему не видит Молдован гостей? Покажи гостей, соседка!

КРЫЦУК *(решительно)*. Разрешите. *(В окно)*. Вызывали?

МОЛДОВАН. Привет, город! Займи сто пятьдесят рублей. С полочки завтра отдам.

КРЫЦУК. Я вас не знаю. А незнакомым людям я деньги не даю. Это во-первых. А во-вторых, Алеся не работает. Поэтому прошу больше с такими дурацкими просьбами к нам не обращаться. Убирайтесь!

МОЛДОВАН. Какой нехороший дядя. Фу-у! Ай-яй-яй-яй! Ну что же, когда будешь грузиться, позови безногого Самсона. Он тебе поможет. Гут бай!

КРЫЦУК. Хулиган! Бандит!

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Я всё понял. Документы подготовим... всё как и полагается... Завтра. Сегодня уже поздно.

КРЫЦУК. Завтра, завтра. Машины будут хоть сию минуту. Но надо поторапливаться. Что-то же надо и со скотом делать.

АЛЕСЯ. Вы о чём это, Антон Антонович?

КРЫЦУК. Я надеюсь, пару деньков нам предостаточно?

АЛЕСЯ. Я ничего ещё не решила.

КРЫЦУК. Не надо капризничать, Алеся. Я, я всё решил. Этого, надеюсь, достаточно.

АЛЕСЯ. Вы решили, вы и езжайте в свой город. А я как-нибудь тут...

КРЫЦУК. Вот именно : «как-нибудь». А надо жить! Жить, племянница! Всё будет хорошо. Ну что же, Семён Петрович, с вами договорились? Встретимся. Желаю успехов! *(Пожал тому руку)*.

АЛЕСЯ. Семён Петрович, ничего не делайте – я буду учиться в своей школе. Я не смогу в Сорбонне или где там! Не смогу!

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Антон Антонович, как мне быть?
Кого слушать?

КРЫЦУК. Слушайтесь меня. Девчонка, малышка, что с неё возьмёшь! Сегодня одно скажет, завтра – другое.

АЛЕСЯ. Не поеду в город!

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. И я думаю, что ей лучше доучиться здесь...

КРЫЦУК. Доучится... *(С угрозой)*. Выбирайте места, где и что говорить. Вы же умный человек. Университет закончили. Закончили университет?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Пока нет... заочник.

КРЫЦУК. У–у–у! Оно и видно. Как раз тот случай, когда молодо-зелено. Учитесь, учитесь жить у нас, опытных людей, прошедших и по коридорам власти, и по другим нелёгким жизненным тропам. Берите, хватайте! Не стесняйтесь!

Алеся наполнила чашки.

А то поздно будет. Поздно, молодой человек.

АЛЕСЯ. Пейте чай.

КРЫЦУК. Спасибо. Учитель, нам предложили чай. *(Взял чашку)*. Пожалуйста.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ *(тоже взял чашку)*. Спасибо.

КРЫЦУК. В ты сама, Алеся, почему в стороне?

АЛЕСЯ *(нехотя взяла чашку)*. Я чай не люблю...

КРЫЦУК. Поэтому и в город не хочешь ехать, глупышка?

АЛЕСЯ. Не поэтому.

КРЫЦУК. А я думал из-за чаю. Тогда не волнуйся: сегодня в городе можно купить всё, чего душе заблагорассудится.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Это так. Бывали–с.

Входит Егориха.

ЕГОРИХА. Можно пожаловать?

Пауза.

Поглохли все или как?

КРЫЦУК. Ну, конечно же –ходите, ходите!

АЛЕСЯ. А я не хочу. Я – против, чтобы она заходила...

КРЫЦУК. Алеся!

ЕГОРИХА. Совсем распустились! Совсем! А я что говорила, учитель?

АЛЕСЯ. Могли бы не говорить, что это говорили вы...

ЕГОРИХА. Рога выросли, когда матери не стало. Что-то уж больно быстро! Ай-яй-яй-яй! Людцы, что же делается-я! На глазах – оглянуться не успели, как они и на те!..

АЛЕСЯ. Видеть вас не желаю после всего, что вы на нас наболтали! *(Бросила в Егорику чашку, та пролетела рядом, Егорику уклонила, и, крестясь, удаляется)*. Вон! Все вон! *(После паузы)*. Дайте мне побыть одной. Почему вы все сразу на меня, как град? В окна стучат, в город тянут, Егорику слушают... Дайте мне побыть одной. Ну хотя бы немножко-о-о! Я же не ребёнок уже! И не надо меня кормить из соски-и!

Крыцук и Семён Петрович молча выходят. Алеся набросила на дверь крючок. Села.

Затемнение.

На крыльце. Крыцук и Семён Петрович остановились, молчат.

КРЫЦУК. С характером. С характером. Это хорошо. Особенно в наше время.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Не замечал.

КРЫЦУК*(махнул рукой, безразлично)*. А что вы замечали?! Курите?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Нет.

КРЫЦУК. И я. Но сегодня бы закурил. Так что же делать с ней? Чувствую, придётся трудновато. Однако, согласитесь, и здесь ей оставаться нельзя.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Почему?

КРЫЦУК. Не задавайте глупых вопросов.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Ну, тогда я пошёл.

КРЫЦУК. Подождите.

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Жду.

КРЫЦУК. Документы, значит, подготовьте...

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Не буду.

КРЫЦУК. Будете!

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Не буду! *(Повысил голос и, показалось, испугался сам себя).*

КРЫЦУК. Будете!

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Не буду!

КРЫЦУК. Директор на месте?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Если Алеся не хочет ехать, то он, директор, при чём ?

КРЫЦУК. Так они что, ученики, сами по себе, а учителя сами? Так и кувыркаются? В отрыве от модели общества?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Она взрослая. Ей исполнилось шестнадцать лет. И поэтому может принимать самостоятельные решения.

КРЫЦУК. Это как сказать. Годы ещё ни о чём не говорят – должны быть житейская мудрость, основательность. Есть ситуации, когда необходимо смотреть на вещи более трезво. Понятно вам?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Не очень...

КРЫЦУК. Доходит до вас, смотрю, туговато. Учитесь побыстрее. Бежать надо, а не в час по чайной ложке... А документы чтобы были – как и договаривались! Иначе...

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Что тогда?

КРЫЦУК. Потом увидим. Не забывайте, что я на особом счету. Там! *(Ткнул пальцем вверх, и этот жест как-то неловко проглотил учитель).*

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Кем, извините за любопытство? Там?..

КРЫЦУК. Не имеет значения. Для вас!

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. У нас соседка в ЦК работала. Партии. Уборщицей. Скажет Алеся, чтобы ей выдали документы, – выдадим. Вопросы есть?

КРЫЦУК. Будут! Будут вопросы, если вы не начнёте уважать власть! Будут!..

Семён Петрович исчезает.

(Вслед). Шибздик. Ишь ты его!..

Затемнение.

В комнате. Алеся по-прежнему сидит на табуретке. Стук в дверь.

ГОЛОС КРЫЦУКА. Алеся! Что это всё значит? Открой!

АЛЕСЯ. Погуляйте ещё немножко, Антон Антонович. Погода хорошая. Солнце светит.

ГОЛОС КРЫЦУКА. Не шути так. Уважай возраст, в конце концов. Я же не твой ровесник. Ты слышишь?

АЛЕСЯ. Слышу, слышу, дядя.

Пауза.

Стук в окно.

КРЫЦУК *(стоит на том же месте перед окном, где и Молдован)*. Повернись к окну.

АЛЕСЯ *(повернулась)*. Повернулась.

КРЫЦУК. Люди ходят по улице, а ты меня заставляешь стоять на завалинке... манипулировать... вот... вот... делаю вид, вроде бы замазываю пластилином стекло... Ну. А то что же они ещё подумают!

АЛЕСЯ. Не замазывайте. Молдован уже на хату нашёл покупателя.

КРЫЦУК. Чего-о? Молдован?

АЛЕСЯ. Так точно!

КРЫЦУК. Ты что, захотела и без дома остаться, и без денег?!

АЛЕСЯ. Я ничего не хотела... Это он хотел. Не знаю, не знаю, может и ещё кто...

МОЛДОВАН (*появляется перед тем же окном*). Звал, дядька? Привет!

КРЫЦУК. Звал? Я? (*Вспомнил*). Хотя погоди. Ты что это насчёт вот этого дома трепался?

МОЛДОВАН. А-а, так уже всё... он, земляк мой, дураков нашёл в другой деревне... вынюхал где-то, сказал, где ты работаешь, и не стал связываться... Риск, говорит, большой.

КРЫЦУК. Умно. Умно. Только не все, замечу, это берут в расчёт.

МОЛДОВАН. А я взял. Сразу. Одолжи сто пятьдесят рублей. На бутельку. Завтра отдам... с получки.

КРЫЦУК. А где ты работаешь? Вот под этим окном?

МОЛДОВАН. Обижаешь, начальник. В колхозе. Не всем же в министерствах штаны протирать.

КРЫЦУК. Но в колхозе уже три месяца зарплату не выдают.

МОЛДОВАН. Ну я тогда, когда выдадут, и отдам.

КРЫЦУК. У меня к тебе вопросов нет.

МОЛДОВАН. Это плохо. А вот у меня есть.

КРЫЦУК. Я дважды не повторяю.

МОЛДОВАН. О-о! Если бы я не повторял, то ходил бы всегда трезв... как побитый собака.

КРЫЦУК. У мёртвого, кстати, вид получше, чем у тебя.

ГОЛОС ШИЛЫ (*зовёт*). Молдован! Поехали! Такси подано!
Для тебя у меня есть заработок!

МОЛДОВАН. Видишь, свет не без добрых людей. А ты шпаклюй, шпаклюй!.. (*Исчезает*).

КРИЦУК *(в окно)*. Я подожду. Посижу на крыльце. Побудешь одна –откроешь... Торопиться некуда. В принципе. У меня всё расписано. *(Исчезает)*. Живу строго по протоколу. Иначе сегодня нельзя.

Алеся распахнула дверь, снова села на ту же табуретку. Крыцук не заходит. Появляется Катька.

КАТЬКА. Живая?

АЛЕСЯ. Как видишь.

КАТЬКА. Ну что – уговорил?

Алеся крутит головой: нет.

КАТЬКА. Не сдавайся, Алеська! Держись! Может мне где спрятаться тут, а?

АЛЕСЯ. Зачем?

КАТЬКА. Чтобы было тебе не так страшно одной.

АЛЕСЯ. Не надо. Мне совсем и не страшно. Антон Антонович мне же не чужой человек... Родственник.

КАТЬКА. Родственники разные бывают. Особенно мужчины. Говорят одно, делают другое. Только потеряй бдительность. И пошли руки в ход!..

АЛЕСЯ. За это не беспокойся.

КАТЬКА. Ага, не беспокойся. Посмотри телек... Я спрячусь?

АЛЕСЯ. Не надо.

КАТЬКА. Ну, как хочешь! Твоё дело! Я бы только не хотела, чтобы ты меня потом вспоминала. А городской твой дядя где, интересно?

АЛЕСЯ. Где-то ходит за окном...

КАТЬКА. Так он и ночевать здесь будет? С тобой?

АЛЕСЯ. А где же!

КАТЬКА. Ну, Алеська, ты и даёшь! Кто он тебе такой? Кто? Чужой человек! С улицы, можно сказать! Ты много раз его раньше видела? Много?

АЛЕСЯ. Может, два... Ну, три...

КАТЬКА. Ну, вот! Нет, ты как хочешь, а ночевать я приду к тебе.

АЛЕСЯ. Он будет ночевать у меня всего одну ночь.

КАТЬКА. Сколько он будет, столько и я буду!

АЛЕСЯ. Приходи.

КАТЬКА. А мы, между прочим, вдвоём с тобой и жили. Почему это я должна сходить? С какой стати? С городскими надо ухо остро держать. А? Торчком!

АЛЕСЯ *(улыбается)*. Так он старый.

КАТЬКА. И это ты считаешь старый?! А кто же тогда наш Понтик? К Маньке бегают по вечерам, а Манька с его младшей дочерью в один класс вместе ходили. Вся деревня говорит об этом. Ой, Алеська! Да Бог с ним, с Бвоим дядей. Хотя и ничего, привлекательный, когда в костюме и при галстукe. Только он, чувствую, всё равно уговорит тебя поехать в город. Сопrotивляйся, не сопротивляйся – бесполезно.

АЛЕСЬКА. А ты поехала бы, если бы оказалась на моём месте?

КАТЬКА. Честно?

АЛЕСЯ. Конечно.

КАТЬКА. Поехала бы. *(Спохватилась)*. Хотя подожди, подожди. В городе, может, оно и лучше. Но тебя же, Алеська, рядом не будет. Классного нашего... Видимо, поехала бы. Хотя подожди, подожди. А может, и не поехала бы... Город всё же есть город. Еще угодишь там под какой тарантас.

АЛЕСЯ. В газете читала: « Деревенского человека можно вытянуть в город, но деревню из него не вытянешь».

КАТЬКА. Поэтому и не сомашаешься ехать?

АЛЕСЯ. Глупости. Не поэтому. Совсем не поэтому. А что в тех словах? Ничего особенного. Город –это, наверно, большая

деревня. Наших одних только сбежало туда!.. Но какие же они городские? Смешно сказать!

КАТЪКА. Одним словом, продержись здесь до моего прихода. Я родителям помогу – и сразу сюда. К тебе. На всякий случай... где у тебя тут какой молоток... а лучше топор? *(Ищет)*.

АЛЕСЯ. В кладовке.

КАТЪКА. Принеси.

Алеся слушается.

(Взяла у Алеся молоток). И положим его под подушку. По кино должна знать, куда на ночь прятали наганы красные командиры... *(Положила молоток под подушку)*. Полный порядок. Как только заметишь что-то подозрительное – пускай в ход.

АЛЕСЯ. Я сплю, как убитая.

КАТЪКА. Я же и говорю: тебя одну на ночь нельзя оставлять. Жди. *(Выходит)*.

Затемнение.

Шило и Молдован подводят Егориху к скамейке, та упирается, хочет вырваться.

ШИЛО. Алеську в обиду не дадим!

МОЛДОВАН. Отвечай за свои поступки, вредная баба!

ЕГОРИХА. Если бы вы отвечали за свои!

ШИЛО. Поговори нам ещё, сплетница!

МОЛДОВАН. Давай, давай, ложись.

ЕГОРИХА *(обрадовалась)*. Ложиться?

ШИЛО. Да, да, на спину.

МОЛДОВАН. Или как тебе удобнее...

ЕГОРИХА. Это же тюрьмой пахнет! Беспредел! Заявлю! Что вы делаете, разбойники?

Привязывают Егориху к скамейке верёвкой.

МОЛДОВАН. Ничего, баба, не волнуйся... комары немножко покусают –поумнеешь.

ЕГОРИХА. Отпустите-е-е!

ШИЛО. Дудки!

МОЛДОВАН. Смолы! Как ты мне бугельку, так я тебе – свободу!

ШИЛО. Пягьдесят на пягьдесят. Фифти-фифти.

ЕГОРИХА (*заинтересовалась*). Чего-чего?

ШИЛО. Тебе скажи.

МОЛДОВАН. Вся деревня знатъ будет.

ЕГОРИХА. Люди-и-и!

ШИЛО. Никто не услышит. Веръ мне. Они ещё и рады, люди, что мы тебя привязали. И за них тоже... Это ж надо такого наговорить! Я не пью уже сколько, а меня Алеська все поит! Не отмоешься до конца жизни, когда хоть раз в дерьмо вляпался! Так, получается?

МОЛДОВАН. Погоди, а за это мне сто граммов с каждого двора не перепадёт?

ЕГОРИХА. Отпустите, я, я налью!

МОЛДОВАН (*заколебался*). Шило! Так как?

ШИЛО (*нелегко даётся ему решение*). Нет. Не купит. Учителю наболтала лишь бы чего про девушек, то пусть полежит на скамье. Пусть пожарится на солнце. Выпить и я тебе налью.

ЕГОРИХА. Посажу! В тюрьму! Там ваше место!..

МОЛДОВАН. А если и правда?.. Я туда не хочу. Два раза в одну реку...

ШИЛО. Через пару часов развяжем, она нам ещё и больше тебе нальет. Потерпи. Так, тётка?

ЕГОРИХА. Негодяи! Сволочи! Гады! Тьфу на вас!

Шило и Молдован исчезают.

Чтобы вы света белого не видели. Люди! Люди-и!

Затемнение.

В доме одна Алеся. Входит Крыцук. Некоторое время он молча ковыряется в дипломате.

КРЫЦУК. Успокоилась?

Алеся не отвечает.

Вижу, что так. Детство – счастливая пора. Золотая. Оно, безусловно, и хорошо, что есть такое время. Ты как раз и пребываешь в нём, Алеся. В детстве. А я уже смотрю на жизнь с высоты прожитого... как аист из гнезда. Далеко ему видать. Так и мне. Что, думаешь, я ищу какую-то выгоду, забирая тебя в город? Кроме забот, извини, ничего...

АЛЕСЯ. Тогда зачем уговариваете меня, аист? Зачем вам заботы, как говорите, лишние проблемы?

КРЫЦУК. Извини, если что не так. Извини. Но всё так. Что, хага мне эта нужна? Нет. Нет, Алеся. Дача у меня под самым городом. У реки. И у моря есть. Недвижимости хватает. А хату эту не купит, возможно, никто. Я прошёлся по улице, посмотрел... есть неплохие избушки, в которых люди не живут.

АЛЕСЯ. Я буду жить в своём доме. Потому как через год если не поживёт в нём человек, он развалится... как вон у соседей напротив.

КРЫЦУК. Не сегодня, так завтра, через год... но всё равно ты бросишь этот дом. Хочешь ты того или нет. Послушай человека, который пожил немного на этом свете. Ты не парень – правильно: тебя в армию не заберут. Но тебе же надо будет ехать учиться, специальность осваивать... А попробовав городского батона, я очень сомневаюсь, что ты про этот дом вспомнишь.

АЛЕСЯ. Неправда!

КРЫЦУК. Я же и говорю: ребёнок. Ребёнок! Нет, дом будет сниться всю жизнь, от этого никуда не денешься... Но

только снится. Его даже и не будет на земле, дома твоего, но он снится будет. Только есть жизнь, а есть сон. В жизни.

АЛЕСЯ. Наговорили тут... бочку арестантов!

КРЫЦУК. А что не так я сказал?

АЛЕСЯ. Антон Антонович, что вы за человек?

КРЫЦУК. Как... понять?

АЛЕСЯ. Я же сказала: не поеду!

КРЫЦУК. Снова ты за своё.

АЛЕСЯ. Снова. И до того времени будет это «снова», пока вы от меня не отстанете.

КРЫЦУК. Объясни причины. Все до одной. Чтобы я наконец-то понял, почему ты, наша с тётёй Татьяной родственница, не хочешь жить с нами? Объясни! У меня, извини, уже не хватает нервов. Да, да: с тобой испортишь всю нервную систему!

АЛЕСЯ. Много причин я не знаю.

КРЫЦУК. Называй, сколько знаешь, доведи их до моего ума-разума.

АЛЕСЯ. Хорошо. Первая... Почему не приехала на похороны мамы тётка?

КРЫЦУК. Я же тебе ужю объяснял: не смогла, потому что работа такая... конец квартала.

АЛЕСЯ. Это не отговорка. Это – брехня. Как говорит Егориха. А хотите я назову настоящую причину?

КРЫЦУК (*растерянно*). Что ж... ну... если... значит... пожалуйста... давай настоящую...

Появляется Катька.

КАТЬКА. Я пришла ночевать.

КРЫЦУК. Сегодня можете спать у себя дома.

КАТЬКА. Прямо ж! Дома я в любое время смогу!..

КРЫЦУК. Прямо или криво, но я буду ночевать с племянницей.

КАТЬКА. Знаем мы таких дядек. Они не промахнутся, потому как прошли в городе, чувствую, хорошую учёбу. Там хватает, на ком учиться.

КРЫЦУК (*Алесе*). Скажи ты ей. Скажи, скажи.

АЛЕСЯ. Что?

КРЫЦУК. Чтобы шла она к чёртовой матери!

АЛЕСЯ. На Катьку я так не могу.

КРЫЦУК. Тогда скажу я.

КАТЬКА. Я вас не послушаюсь, а пошлю, может, куда надо.

КРЫЦУК. Я просто возьму вас за ворот и выброшу на улицу.

КАТЬКА. Покусаю.

КРЫЦУК. Что... что ты сказала?

КАТЬКА. Что слышали.

АЛЕСЯ. Она сделает...

КРЫЦУК. Ну, и молодёжь! Ну, и времена, в кои мы живём!

АЛЕСЯ. Катька, оставь нас. Приходи попозже.

КРЫЦУК. И попозже не надо.

КАТЬКА. А я не к вам приду. К Алесе. Не соглашайся, Алеська, ехать в город. Дядька твой – злой и нехороший человек. (*Не сразу*). Клоп! А поедешь, то мы с тобой и не увидимся больше, это уж точно: он же и на порог не пустит.

КРЫЦУК. Что вы говорите, девушка? Как такое можно? Приезжай! Ночуй! Днюй! А сегодня, пойми ты меня правильно, у нас с Алесей серьёзный разговор и не желательно, чтобы присутствовал посторонний человек. Это понять ты можешь?

КАТЬКА. Только не обижайте Алеську. Иначе пеняйте на себя!

Входит Шило. Катька убегает.

ШИЛО. Живёт колхоз! (*Алесе*). Братъ будешь?

АЛЕСЯ. Буду.

КРЫЦУК. Что... братъ?

ШИЛО. Алеся знает.

КРЫЦУК. Комбикорм?

ШИЛО. Хотя бы и так.

КРЫЦУК. Нам больше он не нужен!

ШИЛО. Кому это – нам?

КРЫЦУК. Нам – это нам! Мне и ей!

Алеся и Шило выходят.

(Наблюдает за ними в окно). Комбикорм. Совсем сдурела девка. И в кого она такая удалась, спросить бы? (Ковыряется в дипломате, но ничего там не берёт).

Входит Шило, потирает ладонями.

ШИЛО. Прекрасно день начался!

КРЫЦУК. А закончится как?

ШИЛО. Точно сказать не берусь. Но начался хорошо. А комбикорм, между прочим, мой. Получил за работу. *(Вдру).* Егорихи здесь не было? Егорихи, спрашиваю, не было у вас? Заявление настрочила участковому. Слыхали? На меня и Молдована. Кто бы мог подумать! А сама прячется. Обшнырял всю деревню, а её нигде нету. Хотел прощения попросить. Придётся защищаться.

Появляется Алеся всё с той же кружкой, протягивает Шилу. Шило крякнул и выпил. Достал из кармана яблоко, грызёт.

ШИЛО. Одного яблока хватает на весь световой день. Это когда квас пьешь. Как вот я. И чего я его раньше не замечал, квас этот? Чертовски хорош! А вы, городские, летом чем закусываете?

КРЫЦУК. С вами ещё о чём-нибудь поговорить можно?

ШИЛО. Нет. У меня узкая специализация. Не можете защищаться? Алеся!

АЛЕСЯ. От кого?

ШИЛО. Вот он знает... *(Кивает на Крыцука)*. Егориха, коза, пасквиль настрочила участковому.

АЛЕСЯ. Пасквиль или правду?

ШИЛО. В этих жанрах я не шибко...

АЛЕСЯ. Заслужили. Что заслужили, то и получайте. Правильно сделала бабка.

ШИЛО. И ты, гляжу, её сторону гнёшь?

АЛЕСЯ. За свои поступки надо получать по заслугам.

ШИЛО. Иди ты!

КРЫЦУК. Выйдите вон!

ШИЛО. Э, гоните, как последнюю шваль. А вы бы мне лучше помогли оправдательную бумагу написать.

КРЫЦУК *(с иронией)*. Я согласен. Наливай!

ШИЛО *(удивлённо)*. Так что... за это тоже наливать надо? За то, что бы только написать? Пером нацарапать? За такую мелочь?

КРЫЦУК. Тоже!

ШИЛО. Ну, и драть вы мастера! Это же не вилами! И не за плугом ходить. Хм, пером – и деньги... Совсем охерели.

КРЫЦУК. Я бы вам дал перо и бумагу, но и это всё стоит денег. Мне сильно хотелось бы посмотреть, чтобы вы сами написали.

ШИЛО. Я не писатель...

КРЫЦУК. Чувствую, и не читатель.

ШИЛО. А если все будем писать и читать, профессор?! *(Смотрит в окно)*. Конь! Конь потопал! Привязать, кажись, забыл! Ё- моё!

АЛЕСЯ. Подожди! *(Исчезает и возвращается с мешком)*. Отвези домой. А квасом я тебя, Петро, и так буду угощать. Заходи. *(Свалила мех перед Шилом)*.

Крыцук довольно аплодирует.

ШИЛО. Да что вы все, как сговорились! Не возьму!

КРЫЦУК. Возьмёшь!

ШИЛО. Не возьму! Я же бесплатно!..

КРЫЦУК *(взял за ворот Шилу)*. Возьмёшь!

Шилу ничего не оставалось, как взвалить мех на плечи.

ШИЛО. Подохнет же скот!.. Ну и дела!.. *(Поправив мешок на спине, выходит)*.

Пауза.

Крыцук крикнул, взял дипломат, что-то в нём ищет. Алеся не обращает на него внимания.

КРЫЦУК. Продолжаем. Так, значит... На чём это мы остановились? Да! Отдадим замуж. За какого-нибудь толкового еврея. Будешь жить, как королева. Что ещё надо человеку?

Появляется взволнованная чем-то Егориха.

ЕГОРИХА. Где он? Где, окаянный?

КРЫЦУК. Кто?

ЕГОРИХА. Шило. Шило, чтобы он скособучился!..

КРЫЦУК. Вы с ним разминувшись.

АЛЕСЯ. Когда он выходил из моей хаты, ты же, тётка Егориха, спрягалась за дерево... переждала, а сейчас спрашиваешь – где?

ЕГОРИХА. Ну и молодёжь! И спросить нельзя! И спросить!.. Я ему, гаду!.. *(Выбегает)*.

КРЫЦУК. Парня, говорю, подберём..

АЛЕСЯ *(страдальчески)*. Я всё знаю... Знаю! Всё! До капли! Убирайтесь!

КРЫЦУК *(выпустил из рук дипломат, сразу же подхватил его. Настороженно)*. Что... всё? Извини, и мне интересно...

АЛЕСЯ. Ну мама же мне все рассказала!.. Неужели вы думаете, что я ничего не знаю, слепа, как котенок? Успела

рассказать мне все мамуля... Поэтому в город я не поеду... И не зовите! Убирайтесь! Сейчас же!..

КРЫЦУК (*ошарашен услышанным, не сразу*). Что... что она тебе рассказала?

АЛЕСЯ. Не притворяйтесь чудаком.

Пауза. Тяжёлая для обоих.

Не притворяйтесь.

КРЫЦУК. Что тебе мама могла рассказать? Что?

АЛЕСЯ. Всё. А я ей верю. Или хотите сказать, чтобы я не поверила последним маминым словам? Отречься, может, мне от них, как когда-то вы от меня?

КРЫЦУК. Однако же... Ну, если и так...ничего не поделаешь... Что было, то было... Прости. Другого слова у меня нет.

АЛЕСЯ. Хотя, говорили, их, слов тех, много... всяких – и ласковых, и хороших...

КРЫЦУК. Получается, так. Ну, блефовал. Живой тоже человек.

АЛЕСЯ. Поэтому хорошо знаю – даже лучше, чем надо, почему тётка Татьяна, родная мамина сестра, не приехала на похороны... Ей мама запретила!

КРЫЦУК. Получается...

АЛЕСЯ. Да. Получается. Чтобы твоей ноги, сказала мама тётке Татьяне, не было у нас... никогда, даже, когда умру.

КРЫЦУК. Жизнь – сложная вещь.

АЛЕСЯ. Это вы уже говорили! Заладили одно и то же!.. Жизнь, тоска и разлука!..

КРЫЦУК. Да, правильно: я это неоднократно подчёркивал.

АЛЕСЯ. Зачем же вы её, жизнь, ещё усложняете?

КРЫЦУК. Как будто бы разумно... Но я же... ну как бы тут правильно высказаться?.. Чёрт!..

АЛЕСЯ. И вы меня уговариваете ехать к тётке... хотя же сами хорошо понимаете, куда везёте, что она значит для меня? Я не могу пойти против воли мамы. Это всё равно, что порог вашей квартиры перешагнула бы и мама... но такого она не сделала никогда при жизни... и хотя мне ничего не говорила, но я по глазам, что угасали, видела: она не хотела, чтобы я когда-нибудь заходила к тётке...

КРЫЦУК. К тётке, может быть, и да... Но я же твой...

АЛЕСЯ. Говорите, говорите!

КРЫЦУК. Я твой... отец...

АЛЕСЯ. Спасибо, что первым признались, кто из нас кто. Я ждала от вас таких слов, Антон Антонович. Раньше ждала. Значительно раньше. Отцом же мне назвать вас трудно. Отец тот, кто кормит, поит... да и в угол иной раз ставит за проделки... по попе хлопнет... а вы не то, чтобы... но скрывали от людей, что имеете дочь...

КРЫЦУК. В этом не моя вина. Тут уж изволь! Не моя! Откровенно говорю, как на духу. Так твоя мама хотела. Она. Она просила, чтобы я жил и виду даже не показывал, что у меня есть ты. Я вынужден был её послушать. Всё же женщина просила!..

АЛЕСЯ. Ну, и как вам жилось всё это время?

КРЫЦУК. Непросто. Непросто жилось. Долго рассказывать...

АЛЕСЯ. И мне... непросто... когда без отца. Я Катьке завидовала всё время. У неё хороший отец. Не пьёт. А мой, думала я, погиб на Севере... как мама мне сказала... поехал, мол, деньги зарабатывать, и произошло несчастье... А вы уговариваете меня ехать жить к вам в город... А я всё знаю... Если раньше я не была нужна отцу, то сейчас, когда почти выросла, отец мне не нужен... Езжайте, Антон Антонович. Вы изменили моей маме, то где же гарантия, что не предадите и

меня? При удобном случае? Да и не это, в конце концов, сегодня главное. Езжайте.

КРЫЦУК. Так получилось.. Молод был.. Прости..

АЛЕСЯ. Легче всего всё на молодость списывать.

КРЫЦУК. Я любил твою маму...

АЛЕСЯ. Мне это очень приятно слышать. Почему же тогда женились на её младшей сестре?

КРЫЦУК. Бес попутал. Бес. Хочешь верь, хочешь нет. Она приехала к нам, Таня, сразу после школы... мы уже заявление в ЗАГС отнесли... я знал, что мама тобой беременна... Ну, жила у нас... в общежитии в одной комнатке.. А потом мы ушли...

АЛЕСЯ. С кем?

КРЫЦУК. С Таней...

АЛЕСЯ. А маму оставили одну... со мной, как потом оказалось... Так вот, оставили – и оставили. И больше меня в город не тяните. Зря. Если надо будет, я сама приеду. Но не к вам. Город от меня никуда не денется. Это же и дураку понятно. Что мне здесь, в деревне, делать! По крайней мере – сегодня...

КРЫЦУК. Да, да... я понимаю. Сейчас, когда ты всё знаешь... я понимаю. Хотя с Татьяной мы договорились.. Да что теперь!.. Ну и как нам дальше жить, Алеся?

АЛЕСЯ. А как и жили. Вы сами по себе, я – сама. В деревне никто не знает, кто мой отец. Благодаря маме. Пусть эта тайна сохраняется и дальше. Я очень прошу вас. Все знают, что мама нагуляла меня в девках... свыклись с этим, сжились... и не надо ничего менять.

КРЫЦУК. Прости, дочь.

АЛЕСЯ. И дочьрю меня не зовите. Я не Антоновна, я – Степановна, как моего дедушку, маминого отца, звали. А сейчас идите. Идите!

КРЫЦУК (*взял дипломат, отступает к двери, не сводит глаз с Алеси*). Прости... Прости... Прости... (*Исчезает*).

АЛЕСЯ (*смотрит на портрет матери*). Мама! Мама! Ты меня слышишь? Зачем, ну, зачем ты мне всё это рассказала?! Зачем?!

Появляется Катька.

КАТЬКА. Плачешь? Дурочка! Он же ушёл! Отстал от тебя! Смеяться надо! Смеяться! От радости! (*Громко смеётся, а потом - искренне-наивно*). А мне – веришь? – классный наш приснился...

АЛЕСЯ. Свагаться приходил? И в чем же он был одет?

КАТЬКА. В чём вижу на уроках, в том и приснился... Ещё пока без новых брюк и без галстука...

АЛЕСЯ. Что, и тебе хвалился?

КАТЬКА. А какой мужчина заливать не любит? Было. Ночью. Или под утро. Ай, не помню!

АЛЕСЯ (*осторожно*). А про телевизор, что в кредит обещал взять, не говорил? Катька! Про телевизор?.. А?

КАТЬКА. Не помню про телевизор... Хорошо запомнила только про штаны и галстук.

АЛЕСЯ (*нервно*). Снится всем... Ух, бабник!..

Затемнение.

В сельском клубе. На скамейках сидят Алесья, Катька, Семён Петрович, Егориха, Шило и Молдован. Перед ними, у стола, на котором кроме графина с водой, ничего нет, стоит Участковый.

УЧАСТКОВЫЙ. Все?

ШИЛО. Как будто бы... Алеська, а твой дядя съехал?

АЛЕСЯ. А он тут при чём?

ЕГОРИХА. Герой!

ШИЛО. Кто?

ЕГОРИХА. Ты, кто ж!

МОЛДОВАН. Я сегодня песню вспомнил... молдавскую. Не верите? Могу спеть. Вспомнил! *(Что мурлыкает).*

Оживление.

УЧАСТКОВЫЙ. Лирические отступления закончены. Хватит про песни. Переходим к делу. Собрал вас, чтобы поговорить.. и помирить. Егориху с Шилом и Мылом... Тьфу ты, с Молдованом. Как же так, а? Вы же соседи, земляки... когда чёрный кот между вами пробежал? Как так получилось?

МОЛДОВАН. Дайте мне его, кога того, задушу, гада!

ШИЛО. Да мы же пошутили! Пошутили!

ЕГОРИХА. Видали! А? Пошутили!

УЧАСТКОВЫЙ. Так с женщинами не шутят. Для чего, для какой цели вы положили её на скамейку?

Шило и Молдованжимают плечами.

И мне не всё тут понятно... плохие шуточки. Никудышные. Я не буду зачитывать заявление от Егорихи... видимо, она сама писала... еле разобрал, что к чему... которое, значит, поступило на моё имя, но могу сказать: на статью тянет, если дать ход делу... Так что, будем, тётка, давать ход дальше? Всё зависит от тебя. Или порвать?

ЕГОРИХА. Будем! Раз научим – и, глядишь, шёлковыми станут! А простишь, они тебя и завтра на скамейку положат и сами не будут знать, для чего...

Оживление.

УЧАСТКОВЫЙ *(неохотно)*. Ну, будем, так будем...

ШИЛО. Прости, тётка! Я тебе пять мешков комбикорма... только не сразу... постепенно... Без бэ. Потому как не хочу туда... Молдован не хвалит...

УЧАСТКОВЫЙ *(Шилу)*. Что, у тебя завод комбикормовый есть?

ШИЛО. Извиняюсь... оговорился. Я тебе!.. Да всё сделаю, что попросишь! Ещё и больше! С верхком!..

УЧАСТКОВЫЙ. А молодёжь что скажет? Учитель? Алеся? Катя?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Судить! Судить!

АЛЕСЯ. А вам не жалко, Семён Петрович, их?

СЕМЁН ПЕТРОВИЧ. Мне? Мне жалко женщину, которую они оскорбили, унизили! А их – нет. Такого продукта, как они, всюду хватает. И, к сожалению, у нас тоже.

ШИЛО. Хорошо, везите... куда надо. Я привык колесить по белу свету. Если вам тут надоел.

УЧАСТКОВЫЙ. Ты, вижу, уже собрался.

ШИЛО. Гармошку взял. Хромку. Мне её Митрофан подарил, у него и еще есть... Давно было. Он уже и сам забыл за давностью. Играй, говорит, Петька... Мыши погрызли меха, а – не пропил! Не пропил гармошку!.. Как уцелела – и сам не пойму!.. Не пропил!.. Не пропил же, ну-у-у!

МОЛДОВАН. А вы его в зону, в тюрьму. У его и орден есть... Покажи, Петро, орден.

Пауза.

УЧАСТКОВЫЙ. Молдован не врёт? Есть орден?

АЛЕСЯ. Покажи, Петя!

КАТЬКА. Петя, где орден?

ШИЛО. А орден продал... Молдовану домой надо уехать.
(Высыпал на стол кучу купюр.)

ЕГОРИХА. Антихрист!..

ШИЛО. Твои, Молдован! Но билеты пойдем покупать вместе. Не обижайся.

МОЛДОВАН. Конечно! И буте...! *(Прикусил язык.)*

Пауза.

УЧАСТКОВЫЙ. Что будем делать?

Егориха направилась к выходу.

Тётка, а ты куда?

Егориха остановилась. Молча смотрит на земляков.

АЛЕСЯ. А давайте... А давайте...

УЧАСТКОВЫЙ. Что давать-то? Договаривать надо.

КАТЬКА. Правда, Алеська! Что же ты?

АЛЕСЯ. Тётка Егориха, Катька, Семён Петрович. И вы, товарищ участковый... Давайте Петру нашему шанс дадим: если споёт нам песню... нашу, белорусскую, тогда и простим всё ему... Как? А? Что же вы все молчите?

Пауза.

УЧАСТКОВЫЙ. Давай, Петро, песню.

ШИЛО. Песню?

УЧАСТКОВЫЙ. Песню, песню.

КАТЬКА. Песню.

ЕГОРИХА. И я согласная! А что больше у тебя возьмёшь? Уговорили. Давай, Петро, песню.

ШИЛО *(растерянно смотрит на земляков)*. Не вспомню... чёрт, а!... не вспомню... Давно было... давно... Не могу вспомнить!.. Хотя...хотя одну же знаю... «Как повяжешь галстук, береги его; он ведь с красным знаменем цвета одного...» Вяпался! Это тот же стишок!.. Который директор школы заставил на общешкольной линейке всем рассказать! На память! Почему? Почему только один раз, а?.. *(Заглядывает всем в глаза)*.

УЧАСТКОВЫЙ. А теперь и благородная миссия, можно сказать. Шилу Петру Сергеевичу пришла депеша в Останкино на показ... Будут демонстрировать его на все страны... Нашли твою вроде бы снежную бабу из Якутска... Так что смотри, не ударь там!.. А заявление твое, Егориха... *(изорвал в клочья)*. Вот твое заявление. Поскольку не подтверждается. Поважнее дела есть. Если уже и там, в Москве, обмишурится, тогда другое дело!.. Все у меня! Суд окончен!..

Рев автомашины. Все насторожились. Появляется Крыцук. Все смотрят на него. Крыцук замер в пороге. Потом поднял взгляд на Алесю.

КРЫЦУК. Друзья! Помогите мне вещички кое-какие занести! В этот дом! Алеся, пустишь меня к себе? Не гонишь? Поживем пока здесь, а потом видно будет... Как скажешь. С сегодняшнего дня ты хозяйка в нашем доме.

Катъка упала в обморок. Ее отхаживают все, кто может.

АЛЕСЯ. Папа, воды!

КРЫЦУК *(опешил)*. Ты сказала... папа?

АЛЕСЯ. Ну поторапливайся же!

КРЫЦУК. Сейчас, сейчас, дочка...

Появляется с тростью Доманцевич. Ему аплодируют. Все. Даже и Катъка, хотя делает она это в лежащем положении...

ШИЛО *(сначала похвалился письмом Доманцевичу, затем поднимает Катъку)*. Э-э-э! Тебе я, кажется, ничего не обещал!

АЛЕСЯ *(склонила голову на плечо отцу)*. Ну, здравствуй, отец!

КРЫЦУК. Здравствуй, дочка!..

АЛЕСЯ. Завтра Молдован уезжает. Дома, видать, всегда и всем хорошо... Лучше, видимо, чем там, где нас нет?..

Затемнение.

В доме Алеся и Катъка. Алеся смотрит в окно.

КАТЪКА. Алеська, а кто ходит там сегодня?

АЛЕСЯ *(весело, откровенно)*. А не скажу! Военная тайна! За семью печатями! А?

Толкаются, смеются. Им хорошо. Им весело.

КАТЬКА *(мечтательно)*. А классный наш, Семён Петрович, и не городской совсем... оказывается. Не городской. Представляешь, Алеська, его, когда он кормит хрюшку, кур... когда корову доит? Нет? Вот так... *(Показывает)*. А я представляю. А когда у него ещё и нос испачкан – ой, и смешной же тогда, наверное, он, классный наш! Как домовик Нафаня.

Катька обняла Алесю. И та размазывает слёзы на щеках кулаками, как ребёнок. И вдруг на её лице появляется улыбка... А потом Алеська подходит к занавешенным зеркалам, которые как-то незаметно появились в доме и энергично, но выдержав определённую паузу, поочередно сдёргивает с первого, второго, третьего, четвёртого, пятого, шестого, седьмого покрывало... И зеркала оживают – наполняют светом и силуэтами людей дом. Потому как одновременно с этим действием Алеси появляются Крыжук, Доманцевич, Шило, Молдован, Семён Петрович, Егориха, Митрофан и Участковый, и все они вместе с Алесей и Катькой смотрят в зеркала, и такое впечатление, что в доме очень много людей – как и в деревне... как и за окном...

Занавес.

**МЕЖА,
ИЛИ
ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОЧЕРЕДЬ 91-го...**

**Комедия
в двух действиях**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Пискунова.
Кноп.
Водитель.
Старуха.
Верёвкин.
Поцелуйкина.
Он.
Она.

Время действия — 1991 год.
Место — перед таможенной (в очереди).

Действие первое

Мягкий автобус. Для нашего действия достаточно и одной стороны сидений. Вся задняя часть автобуса завалена сумками, чемоданами, игрушками.

Утро. Все в автобусе, кроме Водителя — он на своем месте считает деньги, — спят. Но сон их некрепок, последний, уже видны потягивания, кто-то подзамерз и натягивает на себя одеяло или куртку. Еще достаточно холодно. Даже в автобусе.

Водитель. Эх, жизнь! Да-а... *(В сторону спящих — недовольно)*. Жмоты! Скряги! Да в «Грантуре» и в «Интуристе» за

такие деньжата (*трясет пачкой денег*) и разговаривать водители не станут. Там железная такса. И с кем связался? Знал бы!.. Мать вашу!.. А вы, мелочной народишко?! Жрите! Давитесь! (*Бросает на спящих деньги, те, словно осенние листья, осыпаются на людей, кружась, и вдруг все просыпаются, ловят деньги, встают, как в волшебном сне, не веря чудесам. На лицах — и удивление, и восторг.*) Пады! (*Исчезает*).

Кнот. За что? От кого? Господи! (*Перекрестился*). Ты правильно разобрался: я не грешник! Я святой! Спасибо! (*Суетливо запихивает деньги в карманы*). О, господи!..

Веревкин. А зачем они мне? На кой хрен? Что за них купишь? (*Швыряет деньги, их подбирает Кнот*).

Кнот. От спасибо! Да-да, спасибо! Хоть какие, а есть. (*Прижимает деньги к груди, довольно закатывая глаза*).

Она (*в сторону жениха*). Игореша! Это как раз удачно — к нашей свадьбе, мильй!

Он скривился, отвернулся: что за бред,
какая свадьба?

Поцелуйкина. Мой Казик в Варшаве... Да, забыла сказать: он — в Варшаве... Звал меня... честное слово... не сойти мне... Звал... Но я: нет! нет! нет! Где родился, там и сгодился. Ну, разок побывать можно...

Пискунова. Войдешь в азарт — не остановишь. Я тоже думала: разок. А попробовала — понравилось.

Поцелуйкина. Это, извините, давно было?

Пискунова. Один бог помнит когда... Тот раз намучилась за дорогу... трое суток стояли на границе в очереди. Нет, думаю, хватит! Поищите дураков!

Кнот. Они нас сами найдут.

Старуха. Правда, правда, правда!

Пискунова. А потом отошла дома, оклемалась, отмылась... и потянуло... еще разок захотелось. А почему бы и нет! Я чем

плоха? *(Демонстрирует себя)*. Ничем. Где и за что я у себя это тряпье куплю? Не светить же, в конце концов, в любимом городе перед любимыми... извините, задницей!

Старуха. Правда, правда, правда!

Кнот. Деньги. *(Играется с ними)*. Хоть наши, а все же... деньги. А? Люди! Деньги-и! Нам их послал Всевышний.

Пискунова. Он пошлет... Лови!

Поцелуйкина. У Казика... валюта. Писал.

Веревкин. А зачем она мне?

Поцелуйкина *(удивленно)*. Что... валюта?

Веревкин. Нет, нет... Это я вспомнил. Просто... Да. Так. Продолжайте.

Старуха. И меня нагрузили. Шесть сумок и мешок с обоями. Как я там все это носить-то буду? Ума не приложу. Носильщики там хоть есть или как? А?

Пауза. Каждый занят чем-то своим.

Ой, и отважная я баба... *(Гяжело вздохнула)*.

Пискунова *(возмущенно)*. И почему это очередь на одном месте стоит?

Поцелуйкина. А куда им торопиться? У них же нет Казика...

Веревкин. Это мы торопимся... быстрее проскочить таможню... быстрее распродать свои сумки... быстрее напялить на себя кофточки импортные... юбки джинсовые...

Пискунова. Простите, но вы, Петрович, насколько это видно, в юбках и кофточках не ходите...

Веревкин *(не обращая на Пискунову внимания — почти кричит)*. А они — нет, не торопятся!

Кнот. Пошли, Петрович, прошвырнемся. Ветерком подышим.

Поцелуйкина хмыкнула.

Как там, впереди? Интересно, шерстяг на границе или нет? Бьют наших или как?

Веревкин. Не знаю, как вот вам, а мне никогда еще на этой таможне не везло. Всех через телевизор пропускают, а мои сумки на стол. И давай душу наизнанку выворачивать... Это нельзя, это — тоже... Но другие-то проезжают — и ничего. Такие вещи я там видел, которые дома — никогда. Я, может, специально и еду туда посмотреть, что у нас есть. Им можно!

Кнот. Им можно.

Пискунова. Граница — так всегда было — делила людей на несколько категорий. Это как бы сортировочный пункт. Одних на ту сторону, других — на эту, третьих — на третью, четвертых... *(Безнадежно махнула рукой)*. Да чего там попусту говорить, энергию тратить!

Старуха. Правда, правда, правда!

Пискунова *(чмокнула в щеку Кнота)*. Если ее, энергию, можно использовать более разумно, правда, дядя Кнот?

Кнот *(ошарашен)*. Польщен! Польщен! Польщен!
(Пританцовывает).

Пискунова. Как мало для вас, мужиков, надо!

Старуха. Правда, правда, правда!

Поцелуйкина. Раньше мне Казик часто звонил... Варшавский аспирант! Звучит, а?

Кнот. Ты идешь, Петрович? Айда, свежим ветерком подышим.

Поцелуйкина хмыкнула.

Пискунова *(залилась смехом)*. Подбирайте выражения, дядя Кнот! Насмешил! «Свежим ветерком». Вся эта прославленная таможня и прилегающие к ней кусты и углубления — сплошной туалет. В темноте не сунься... Лучше перетерпи. Иначе завезешь на чужую территорию наше советское дерьмо.

Кнот. А я что везу — добро? Ха-ха-ха!

Пискунова. Но оно хотя и дрянь, однако не воняет. А то может за подошву прицепиться... Наше вам, панове! Таможенники, пограничники пропускают. Не учуют.

Французские духи — и те только сначала пахнут, а потом привыкаешь... и ноль внимания.

Веревкин. Пошли, Васильич.

Кнот. Ага! А вы, бабоньки, пока зарядочкой... зарядочкой это самое... Ага! По уграм положено!

Кнот и Веревкин выходят.

Старуха. Правда, правда, правда! А почему бы и нет? Советы умных людей приятно и послушать. *(Делает зарядку. Потом где-то у нее заклинило, и она застыла в скрюченной позе).* Люди... ба... бы... Ой, а мне ж обязательно за границу надо... Ба... бы... сдвиньте меня... пошевелите... С мертвой точки столкните...

Женщины выполняют просьбу.

Пискунова. Тебе, старая, на печи лежать, а ты куда прешься?

Старуха. Не куда, а за рубеж! Что я — не такая, как все? Или у меня детей нет, внучат? Вон — шесть сумок и мешок с обоями.

Пискунова. Пусть сами дети и внуки ездят.

Старуха. Некогда. А я на заслуженном.

Пискунова. Раз им некогда, тогда не скрипи.

Старуха махнула на Пискунову рукой.

Поцелуйкина *(всматриваясь)*. Пересменка на таможне или что?

Пискунова. Кто тебя там ждет-дожидается? Издеваются над простыми смертными — и только. Неужели обязательно в сумках надо ковыряться? И что от нас увезти можно? Что? Понять не могу! В магазинах же ни черта нету!

Старуха. Потому и нету, что все туда эвакуировали. И не из магазина, а с баз. Прямохонько. По себе знаю. Человек я старый, помирать скоро, так что скрывать-прятать нечего. Все, что в моих сумках, зять Мишка с базы натаскал. Он когда-то там электриком работал... должность худая, а все же знакомства остались. Где же еще чего путного возьмешь? А у

тебя, товарищ Пискунова, товар-то откель? Ты у нас старшая, экипаж сортировала на свое усмотрение...

Пискунова (*зло*). Мамаша! (*Выдержав паузу*). Мамаша! Вы много разговариваете!

Старуха. Правда, правда, правда! И всамделе, чего это я разболталась-то? Тьфу!

Поцелуйкина. Так и живем! Так и крутимся! Кто где, кто — как. Так и живем.

Старуха. Правда правда, правда! (*Перекрестилась*.)
И вдруг — смех: Он и Она что-то вспомнили смешное, веселое. Они сидят, обнявшись и ласкаясь, на сиденье чуть поодаль. Все на них обратили внимание, все

вдруг вспомнили оних.

Пискунова. Больше они не поедут! Любовь крутить при таких людях! Это хорошо, что Петрович и дядя Кнот вышли. Позор!

Молодые лобызаются.

Старуха (*Поцелуйкиной*). А кто они? Кнот тот... или как его... и второй?

Пискунова. Нет, вы посмотрите на них! При всем честном народе!

Поцелуйкина (*Старухе*). Дядя Кнот своей распрекрасной за импортными трусиками едет... Он — родственник ее (*кивает на Пискунову*), то ли редактор... то ли писатель... А Петрович — еще выше. Высокий человек!

Старуха. Рас...расстудьгвою!..

Поцелуйкина (*передразнивая*). Правда, правда, правда!

Пискунова. Стоим. Как корабль на мели.

Стук в дверь.

Кого там еще?.. (*Подходит к двери, с кем-то тихо разговаривает, потом возвращается*).

Поцелуйкина. Чего он?

Пискунова. Предлагает очередь.

Поцелуйкина. За сколько?

Пискунова. Семь.

Старуха. Рублей?

Пискунова (*в упор Старухе*). Тысяч!

Старуха (*свалилась с сумки, на которой сидела*).
Рас...студытвоею!...

Пискунова. Если бы у нас полный автобус был — и ничего, можно было бы сброситься. По паре соген. Не трое же суток торчать в этом туалете?

Мужской голос. Не слышу ответа: да или нет?

Пискунова энергично захлопнула перед невидимым мужчиной дверь.

Старуха. Жулье! Работать надо! Строить!

Пискунова. А что? А что строить? Кажется, уже построили...

Он и Она напомнили о себе смехом. Влюбленным.
Не стыдно? (*Никакой реакции*).

Старуха. Им не стыдно. Было бы стыдно... не лобызались бы принародно. Это мы в свое время боялись перед своими мужиками голыми показаться. Глупышки. Свет выключишь, а тогда только раздеваешься. Дмитрий мой никогда меня голой не видел, бедненький. А сейчас, бабоньки, все раздетые... все голые... Я надясь в деревне была, у сестры своей... На лавочке сидим... воздухом наслаждаемся, ясное дело... Дышим... А там у соседки сука... малая такая... неказистая... брюшко прямо-таки по земле волочит, сосками чертит... А свору соберет и водит за собой... Такое, бывает, делают, что уши краснеют... Хоть глаза закрывай... А они — свое... Любовь собачью ладят...

Поцелуйкина. И закрывай, бабуся, закрывай!

Старуха (*махнув рукой*). Чего уж закрывать-то? Ребятишек нет поблизости — пуцай ладят...

С транзистором в руке заходит Водитель. Он заметно выпивши.

Водитель (*трясет приемником*). Бартерный обмен. А?! Все ловит, все берет! Я, значит, пану бутылку и две наверх... в придачу, а он мне, как и положено по бартерной сделке — приемник! А?! И две запасные батарейки. Больше не было. А?! (*Показывает батарейки*). Кто хочет со мной слушать сегодня передачи на любых волнах... на коротких и самых дальних. Прошу! Подавайте заявки, рассмотрю быстро и в срок. Прошу!

Ночь все равно коротать придется. Одному скучно. Что, нет желающих? Странно. Повторяю: есть желающие?

Пауза.

Ничего, в другом автобусе найдем радио... радиослушательницу. Там бабья-я! На любой вкус. И тонкие, и толстые, и грудастые, и задастые... *(Уселся на свое место).*

Пискунова *(строго)*. Вы пьяны: кто вам разрешил пить за рулем?

Водитель. А я, что ли, за рулем пил? Кто сказал? Нет! Нет! На обочине дороги. У костра. Дымком закусывал.

Поцелуйкина. Оно и видно.

Водитель. Я никогда за рулем не пью. Не совсем удобно. Руль мешает. Запомните это раз и навсегда.

Пискунова. Вы за это ответите!

Водитель. Перед кем?

Пискунова. Перед своим коллективом.

Водитель. Нет его, кооллектива. Нет! У нас каждый сам по себе. Нет соцсоревнования, нет вымпелов, грамот. Х-хе, ответите. Да плевать я хотел на всех! И плюю! *(Плюнул)*. Это раньше вы бы меня прижучили... А сегодня — броня крепка и танки наши быстры! Вперед! Ура-а! *(Обронил голову на баранку, из кармана выпала бутылка с недопитой водкой, покатила по салону)*.

Старуха. А кто же нас теперь повезет? А? Кто?

Поцелуйкина. Надо было не соглашаться ехать с одним водителем. Это же преступление — ехать с одним водителем за границу. Мало ли что. А вдруг сердце? Или вот... как сейчас?

Пискунова. Хорошо вам упрекать меня! Великолепно! Правду говорят: всем мил не будешь. А попробовали бы вы сами пробить автобус, оформить визы, паспорта! Да я полжизни отдала! И за что? Чтобы выслушать в свой адрес упреки? Это еще начало. Догадываюсь, что будет потом... Эх, народ! Для вас

же! А вы? Вы когда-нибудь доброе слово скажете за мои пробивные способности, за все, что я делаю для вас? Дождешься!

Старуха. Правда, правда, правда!

Пискунова (*Старухе*). Да замолчите же вы!

Старуха перекрестилась.

Поцелуйкина (*радостно*). Подвигаемся!

Пискунова. Кажется — да. (*Тормозит водителя*). Вставайте!

Проснитесь! Едем! Вставайте же!

Водитель сначала облапал Пискунову, успел даже запустить руку в неприличное место, потом замертво свалиться на проход.

Старуха. Приехали! Берлин взят!

Пискунова. Кажется, что да. Только не Берлин взят, а взята Варшава. Вместе с Казиком.

Поцелуйкина. Вам мой Казик дорогу не перебежал.

Пискунова. Отстаньте вы! Сейчас же обязательно какой-нибудь нахал вклинится впереди нас, займет наше выстрадавшее место. Медлить нельзя. Нет, ни в коем случае! Промедление смерти подобно!

Поцелуйкина. А вы, Светлана Ивановна, даже Ленина цитируете?

Пискунова. Что вы говорите! Только прошу мне этого не приписывать! (*В сторону Водителя*). Это же надо так нажраться! Свинья! И мужиков наших нет. Что же мы, а, бездействуем? Давайте толкать автобус?

Старуха. Так больно далеко не заедем.

Пискунова. Куда заедем — и то наше. Всем выйти из автобуса! Это мой приказ! Я сажусь за руль... видела, как ездят, а вы толкаете автобус. (*Влюбленным*.) И вас, молодые люди, тоже касается!

Он и Она послушно встали. Он сел за руль.

Он. Обещаю не сбить впереди стоящий «Икарус». Это все, что могу пообещать.

Все выходят, толкают автобус. Слышна команда Пискуновой:
«Раз-два, взяли! Раз-два, взяли!»

ЗАТЕМНЕНИЕ.

В автобусе. Он и Она на своем месте, все на той же «камчатке».

Водитель спит уже не в проходе, а на переднем сиденье.

Похрапывает. Остальное — кто где. Здесь нет только
Поцелуйкиной.

Кнот (*на мотив песни*). Не будите, мужики, не будите-е.

Веревкин. Очередь уже не меньше семи километров. Хорошо, что на день раньше выехали.

Пискунова. А если бы на три дня, то были бы уже на месте. И как это я не догадалась собрать вас раньше?

Веревкин. Жалко мне вас, люди.

Кнот. А ты кто, Петрович?

Веревкин. Тоже людь. И себя жалко, чего уж. Жалко. Соблазнили, втянули...

Старуха. Правда, правда, правда! Там, за границей, меня еще только не хватало.

Вбегает Поцелуйкина, суетливо роется в своих вещах. Прихватывает пару мягких игрушек — большого мишку и Микки-мауса.

Пискунова. Ты куда это, Поцелуйкина?

Поцелуйкина убегает.

Кнот. Это же надо — еду. За кордон. А в своей стране дальше Рузаевки не был. Все некогда.

Пискунова. А чего там, дальше Рузаевки, делать?

Кнот. Как — чего? Красиво, видать.

Пискунова. Только и всего! Красиво.

Веревкин. Страна-то у нас!.. (*Махнул рукой*). Все наборок накренилось. Столбы, избы... даже деревья.

Кнот. Так мы же вместе все уперлись, уперлись... вместе... да... и столбы те, избы завалили...

Неловкая пауза.

Старуха. А я бывала дальше... В Салехарде. Летом. На пароходе плавала от профсоюза. Силком, можно сказать,

выперли... Как вот и сейчас дети за границу... *(Светло улыбнулась)*. Плыви, говорят, Семеновна, когда еще поплывешь? Сибирь-то, она красивая... Только холодно больно... Но я это сразу учла... смекнула... Не зря жизнь почти прожила... Все с собой модные легкие вещички прихватили... и всего-то. А я фуфайку и мужеву шапку-ушанку... В кине видела, как люди там мерзнут. Телевизор надобно иногда смотреть. Они, интеллигенты те, надо мной посмеиваются, подтрунивают, когда выходить на берег приготовились. «Ты что, тетка, на Таймыр приехала?» Нет, говорю, в Салехард. Ну-ну, мол, давай. А у меня, значит, под мышкой фуфайка и ушанка. Выходим на берег. И куда их смешки девались! Все назад, в каюты, боятся и нос показать, а я в фуфайку снарядилась, шапку мужеву напялила и хожу себе по бережку, на полный рост природой люблюсь. Дышу. А их глаза в оконцах торчат... Во как!

Веревкин. Не может быть, чтобы ты одна из всего парохода была самой такой сообразительной. Х-ха, давай заливай и дальше, бабуся. Дорога длинная.

Старуха. Правда, правда, правда!

Кнот. А я верю. Семеновна и сейчас с этой фуфайкой. Так, Семеновна?

Старуха. Правда, правда, правда! Только ушанку не взяла.

Кнот. Постеснялись в ней за границей щеголять?

Старуха. Ну еще чего! Что ж там не люди, не поймут? Газеты, небось, читают.

Кнот. Чего ж тогда, а?

Старуха. Беда с шапкой приключилась. Хозяин ее выпил как-то лишку... и потерял. Пропала шапка. Так без шапки и дожил век Дмитрий. Новую не купить было. Дефицит. Дешевых нет. Говорят, будто кроликов кормить нечем? Не слышали?

Кнот. Разве? Первый раз слышу.

Веревкин. Трудный вопрос.

Пискунова. А там умеют жить. Кто не был — увидит. И все прямо стоит. А знаете, почему там прямо, а у нас набок?

Пауза.

Потому что наш человек мало видел. С повязками на глазах... С шорами... Автобус идет по асфальту — не качнется. Проехали бы по такой шоссейке наши дорожники — им, уверена, стыдно стало бы: неужели можно так ровнехонько асфальт положить? А ведь можно! А мы и не знали! Увидел бы наш сельчанин, как ухожены там поля... какая аккуратность в земледелии, какая жадность к земле... Там каждый кусочек распахали... кормит... и он ужаснулся бы: а мы что — пальцем деланные, мы что — не можем так?! Дома у всех крепкие, красивые... в два этажа, в три... Жили — как в мешке. Откуда же знать? И все время нас пичкали: там хуже! Там жуть!..

Веревкин. А что, сейчас мешок раз-вязан?

Пискунова. Ну, ездим же!

Веревкин. Ездим. Ноги в мешке, а голова торчит, выглядывает... Но шага не сделать — сразу падаешь. Поослабили малость завязки — и радуйтесь. А может, они для того поослабили, чтобы под шумок с другого хода самим ездить?

Старуха. Правда, правда, правда!

Вбегает Поцелуйкина. В руке — злотые.

Поцелуйкина (*сгорает от радости*). Вот! Вот они! В руке! Нет, не выпущу! Я могу уже смело пересекать границу! Есть чем за туалет заплатить... Продала свои игрушки... прямо в нашей очереди. Пану. Вот! Деньги! А много как! Двести тысяч! Все срываются с места и устремляются к своим вещам, прихватив что-то, выбегают из автобуса. Влюбленные остаются. Они, кажется, и рады этому... Водитель — не свидетель, казалось бы. Но он вдруг проснулся.

Водитель (*рявкнул*). Подъем!

Он и Она прекратили интимное занятие. Сидят, прижавшись друг к другу. (Встал, смотрит на влюбленных — исподлобья, набычившись). Вы? А где остальная шушера?

Он. Торгуют.

Водитель. Что, мы уже... там? За кордоном?

Она. Да нет... В очереди торгуют.

Водитель. Чем же они торгуют? Ну, пусть бабы... А мужики?

Он. Куклами.

Водитель. Куклы обычно появляются после того, когда торгуешь. Понятно. Мы где? (*Страдая от алкогольного синдрома, взглядывается в окно*). Что, так далеко заехали? Этот же облезлый куст и вчера был напротив нас. Точно. И столб возле него. Болотце. Ну, точно. Бля... Так где они, все наши?

Он. Я же сказал.

Водитель. Понятно. А вы почему не торгуете?

Он. Это же наша территория.

Она. Мы там будем. Для того и едем.

Водитель. Понятно.

Она. Спите, спите. Отдыхайте.

Водитель (*показал фигу*). Накусь-выкусь, вертихвостка!

Он (*сорвался с места, схватил Водителя за грудки*). Ты что сказал? Ты что сказал, гад? Повтори!

Водитель. Понятно. (*Толкнул парня, тот свалился в проходе*). Что сказал, что сказал! А что слышал! Я в твоём доме тебя за грудки не хватаю, сопляк.

Она (*с криком подбежала к парню, тормошит его*). Игорек! Миленький! Ты живой? Тебе не больно? Вставай, вставай, Игорек. Он больше не будет. Не будет он... больше.

Водитель. Я правильно сказал, красавица?

Она. Да! Да! Правильно.

Водитель. Понятно. И запомните, молодые люди: здесь, в автобусе, я хозяин. Что хочу, то и скажу. Автобус — моя крепость. А у себя в квартире брякайте про меня все, что душе угодно. Сколько влезет. Но здесь — извольте!

Она. Игореша! Поднимайся. Вставай. Холодно же. Простынешь. *(Водителю)*. Он встает... встает. Вот... вот так...

Он приподнялся, затем рухнул снова.

Водитель. Каждый волен лежать там, где хочет. Хоть в помойной яме.

Она. Дайте же воды! Прошу вас! Воды! Умоляю!

Водитель. Минеральной?

Она. Любой. Да побыстрее же вы!

Водитель. Понятно. *(Бросил фляжку)*.

Она. Сейчас, сейчас, Игорек. Сейчас... *(Брызгает на Игорька водой)*.

Он *(вскакивает)*. Да прекрати ты! Я что, думаешь, и в самом деле ласты склеил? Нет! Игорька просто так не взять. Но ты, водила, меня вспомнишь. Придет время.

Она. Не надо, Игорек. Не бей его.

Водитель. Понятно. *(Засучив рукава)*. Где падать будешь? Бью на точность приземления.

Она *(заслонила собой Игорька)*. Нет! Нет! Не позволю! Не дам!

Водитель. А кто у тебя, вертихвостка, спрашивать будет? Я же сказал: в автобусе — я хозяин. Любого могу изметелить, кто против меня. Любого могу помиловать. Или до вас это не доходит?

Она. Нет! Нет!

Он *(вырывается)*. Пусти меня, Машка.

Водитель. Пусти его.

Она. Никогда! Нет! Бей меня! Бей!

Водитель *(взял рукой девушку за подбородок)*. Тебя? Тебя же не бить — любить надо, лицо уж больно красивое. Можно?

Она. Вы подонок! Негодяй! Вы... Вы!..

Водитель. А лобызнуть дай.

Он. Только через мой труп!

Водитель. Понятно. Нам это ничего не стоит. Нам это запросто. Раз-два — и готово, и могу переступить через твой труп.

Она *(кричит)*. Люди-и-и!

Водитель. Ладно. Живи, парень. *(Садится на свое место. Девушке)*. Только ты, красавица, не будь глупышкой — никогда больше людей не зови, только голосовые связки порвешь. Вроде бы не вчера родилась.

Он хватает сумку, торопливо исчезает, сопя и угрожая взглядом
Водителю.

Она. Ты куда, Игорек?

Водитель. Помаши ему ручкой.

Она. Вы еще издеваетесь?! Вы... вы не человек! У вас ничего человеческого нет!

Водитель. А я с похмелья всегда зверь.

Она выбегает.

(Вслед). Зверь я! И вы тоже! Но я с похмелья!

(Напевает песню О. Газманова «Эскадрон»).

Появляется Веревкин.

Веревкин. Не хочешь — не бери. Задаром не отдам. *(Бросает вещи на сиденье)*. Он мне будет условия диктовать. Товар мой. Я над ним хозяин. Хозяин — барин.

Водитель. Кто тебя обидел, багя?

Веревкин. Меня трудно обидеть.

Водитель. Не слышал, чего стоим, а?

Веревкин. Ты же везешь нас. Ты и должен знать.

Водитель. Понятно. *(Выходит)*.

Веревкин *(вдогонку)*. Эй, товарищ! Товарищ водитель! Только не пей сегодня! Не пей! Не будем же мы толкать автобус через границу! Не пропустят!

Появляется Старуха.

Старуха. Господи! Ничего не продала. А вдруг и там никто ничего не возьмет?

Веревкин. Возьмет. Из-за жалости к нам.

Старуха. Обои, говорят, там получше.

Веревкин. Там все получше.

Старуха. А чего ж тогда они у нас покупают?

Веревкин. Потому что мы бесплатно отдаем.

Старуха. Бесплатно?!

Веревкин. Почти бесплатно. Но им выгодно. И нам.

Старуха. Во как! Ничего не продали?

Веревкин. Расстраиваться не следует — здесь ведь не базар.
Старуха. А кое-кто продал.

Веревкин. Да, каждый из нас кое-что продал..

Старуха. Правда, правда, правда!

Появляется Кнот.

Кнот. А я доволен. Хотя ничего и не толкнул. Но — доволен: с людьми пообщался. Они, кстати, шпарят на нашем — будь здоров! *(Укладывает назад вещи.)*

Веревкин. Все шпарят. Только мы нет.

Кнот. Один пан меня даже на своем «Фиате» прокатил. Вещь — скажу вам! Консервная банка, а верткий, на месте раз — и развернулись. Как вокруг оси. Как на тракторе. Гусеничном. Три литра бензина всего берет. Машинка-а! Я чуть было с тем паном на адресок не договорился, чтобы частный вызов оформить. И все было бы о'кей, но тут наши бабы налетели, как ураган. «Купи, пан!». Он с ними заигрывать начал — не до меня, ясное дело. Но машинка-а!

Появляется Поцелуйкина.

Поцелуйкина. А где водитель?

Старуха. Видела я его... пиво покупал у наших... бутылку за четвертак. Правда, правда, правда!

Веревкин. Идиот!

Поцелуйкина. Снова автобус толкать придется.

Веревкин. И как это так: пьянь за рулем! В каком аду мы живем? Он же нас за людей не считает. Я же предупреждал его: не пей!

Кнот. Так-то он тебя и послушает. Тут тебе указы не выполняются.

Веревкин. Потому что молчим все. А он не понимает. Плевать на нас хотел.

Кнот. А давайте мы все вот... как один... да-а... сразу залпом давайте все плюнем в него.

Старуха. Правда, правда, правда!

Веревкин. Плюнешь. Тогда сгребай свои вещи и возвращайся домой, на чем сможешь. Это он все понимает.

Поцелуйкина. Между прочим, я знаю его жену. Вместе работали когда-то. Караулил ее на каждом шагу, ко всем столбам ревновал. Не говоря уже о мужиках. Людка, бедняжка, боялась с ними словом перемолвиться. Ей всегда казалось, что муж где-то рядом затаился. Уволилась она тогда, помню. А куда перешла — забыла. Но он — точно знаю — и там ей жизни не давал.

Старуха. Жен ревнуют только слабые мужики. С изьяном каким-нибудь. Разукомплектованные.

Кнот. А я своей женой доволен. Верю. Верю. Как себе.

Веревкин *(поманил пальцем Кнота, на ухо ему, но громко)*.

Никому больше этого не говори.

Старуха. Правда, правда, правда!

Веревкин. Вот... Семеновна знает.

Старуха. Больно уж доверчивые есть мужики. Как телята.

Веревкин. А ты, Леонидовна, что скажешь?

Поцелуйкина. Я?!

Веревкин. Вы. Но я не заставляю. Дело добровольное.

Поцелуйкина. Повторите, пожалуйста, вопрос.

Старуха. Больно уж доверчивые есть мужики.

Поцелуйкина. Есть, нет... По мне так... Между прочим, равноправие! Если женщины и изменяют, то только с мужчинами. Поверьте, я знаю. Но кто-то больше, кто-то меньше... с любой стороны. Но в среднем так и получается.

Веревкин. Уклоняешься, Леонидовна, ох, и уклоняешься.

Поцелуйкина. Я же сказала: в среднем все грешны.

Старуха. В среднем — это как?

Поцелуйкина. Ну, не знаю... Думайте.

Кнот. Думаем! Думаем! Это высокое счастье — думать! *(Смеется)*. Петрович, чем больше я с тобой общаюсь, тем больше начинаю уважать. Я с тобой примерно двадцать лет знаком... да, где-то так... сухарем считал, всем и всегда

недовольным, а ты, гляди, и юморнуть можешь. Может, анекдотик врежешь? О партии? О Ленине? О Горбачеве?

Веревкин (*строго*). По... пошел к чертям!

Кнот (*чувствует себя неловко*). За что, Петрович? Я же искренне.

Веревкин. И я искренне.

Кнот. Один-один, значит. Ничья.

Старуха. Правда, правда, правда!

Появляется Пискунова. Быстро, с недовольным лицом. Швыряет мишку на гору чемоданов и сумок. Все внимательно следят за ней. Когда Пискунова начинает наводить на лице антураж, все шушукаются.

Тихо входит Она. На нее никто не обращает внимания.

Она (*тихо*). Его нет... нигде нет... (*Громко*.) Вы слышите, его нет!

Пискунова. Кого нет?

Она. Игорька.

Пискунова. Слава богу, на одного сексафилю стало меньше.

Она. Как вы смеете?

Пискунова. Привязывать я никого не намерена к сиденьям. Вам дали свободу — пользуйтесь. Не умеете — разбегайтесь.

Старуха. Правда, правда, правда!

Она. Я же его адрес не записала. И фамилию не спросила. (*Пискуновой.*) У вас есть его адрес?

Пискунова. Есть, ну и что?

Она. Дайте мне его адрес. Пожалуйста.

Пискунова. Еще чего! Адрес... А вдруг он против? Почему сам не дал?

Она. Я вас прошу... дайте мне его адрес.

Пискунова. И не подумаю!

Кнот. Надо дать. Она влюбилась. Разве же не видно? Влюбилась. Конечно. Вы влюбились, девушка?

Она (*кивает*). Да.

Пискунова. И давно?

Она (*качает головой*). Нет. Вчера.

Пискунова. А если он от тебя сбежал? Как я поступить должна? Может, еще и погоню организовывать?

Она. Не надо. Я сама его найду. Мне с ним приятно было...

Кнот. Ей приятно было. А когда молодому человеку приятно, мы, старичье, должны радоваться. Ради этого живем.

Пискунова. Ну, не знаю! Приятно ей...

Она. Игорек не от меня сбежал. Его водитель ударил. Кулаком... по лицу.

Беревкин (*в движении*). Гад! Подонок!

Старуха. Правда, правда, правда!

Она. Когда Игорек заступился за меня. Водитель приставал... целоваться лез. Он не от меня сбежал.

Поцелуйкина. Вот их истинное лицо, мужиков! Жену по веревочке водит, а сам целоваться...

Она. Я не дала. Не позволила.

Пискунова. Да ты уже нацеловалась на весь год вперед.

Она. Не ваше дело. Я люблю Игорька. Без него смысла нет в этой ужасной очереди стоять... Без него не хочется ехать... Я тоже пойду... вещи только помогите мне до такси донести...

Пауза.

Кто поможет? Я заплачу.

Кнот. Брось ты, девка! Адрес мы тебе раздобудем. (*К Пискуновой*). Где адрес? Адрес?

Пискунова. Не повышайте, прошу вас, дядя Кнот, голос. Он у вас и так в порядке. И я не глухая. Понимаю ситуацию не хуже вас. (*Девушке — с укоризной*). Нацелуетесь, а потом разбирайтесь тут с вами. (*Подходит к «бардачку», берет целлофановый пакет, в котором документы*). Адрес я дам. Сами разбирайтесь. Тот, кто завязывает узел, должен его и развязывать. Это не мной придумано.

Она. Я понимаю. Не маленькая.

Пискунова (*вдруг начинает быстро перебирать документы. Ко всем — немой взгляд*). Где... где ваучер?

Пауза.

Ваучер где?!

Веровкин. Погодите, что за ваучер еще?

Кнот. Я, признаться, впервые слышу такое слово.

Старуха. Правда, правда, правда!

Кнот. Оно какого происхождения?

Пискунова. Без него нас не пропустят через границу. Без него мы все — трупы. Никто. (*Подходит к каждому и пронизывает коварным взглядом*). Вы понимаете это или нет? Где ордер на проезд нашего автобуса через границу? Кто взял ваучер? Кто-о?!

И где-то рядом отзывается эхом: Кто-о? Кто-о-о? Кто-о-о-о?!

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Действие второе

В автобусе. Все в тех же позах, как и в конце первого действия.

Пискунова. Кто взял ваучер? Кто?

И то же эхо.

Веровкин. Смешно и грустно.

Кнот. Мне лишь грустно — не смешно.

Старуха. Правда, правда, правда!

Поцелуйкина (*Пискуновой*). Он же у вас должен быть. Почему вы с такой ненавистью, с такой подозрительностью, недоверчивостью, с такой злобой смотрите на всех на нас? Это мы все так должны смотреть на вас. Потому что вы виноваты. Мы доверились вам. И ваучер тот никто из нас в глаза не видел. По крайней мере — я.

Пискунова. Ваучер был у меня. Вот в этом пакете. Не мог же он сам куда-то улететь.

Веровкин. Не мог. Не улетел.

Кнот. Подождите, но кто бы?.. Кто?

Поцелуйкина. Среди нас виновников искать не надо. Себе навредить может только ненормальный...

Кнот. Чокнутый...

Поцелуйкина... человек.

Она. Он к пакету не подходил.

Пауза.

Пискунова. Кто?

Она. Игорек.

Пискунова. Вы ничего не поняли? А ведь все ясно, товарищи.

Она. Ничего не ясно.

Пискунова. Ну, а вы что скажете?

Пауза.

Я вас спрашиваю. Почему молчите?

Она. Он к пакету не подходил. Я все видела. Да и зачем он ему, ваучер?

Пискунова. Как это — зачем? Как это — зачем? Тут и дураку все понятно.

Она. Но среди вас же есть и умные люди, надеюсь.

Пискунова. Что будем делать? Мне это все надоело! Где нам искать теперь беглеца?

Кнот. Вы, Светлана Ивановна, у себя поищите еще где-нибудь. Затерялся, наверно.

Пискунова. Вы что, думаете, я его под бюстгальтер спрягала? Может, раздеться мне?

Кнот. Нет-нет! Таможня ни причём. Давайте без паники, люди. Не может же быть, чтобы человек, получив кулаком по физиономии, начал искать никому ничего не говорящий ваучер. Не до этого ему.

Старуха. Правда, правда, правда!

Пискунова. А я думаю, до этого. Он все знал. Игорек тот не простая штучка, он уже три раза был за границей только в этом году. Я обратила внимание на отметки в его загранпаспорте. Две служебные визы и одна туристическая. Проходимец!

Она. Не смейте так!

Пискунова. Я в психологии таких людей разбираюсь. Сам не дам — и другим не дам. Конечно, прихватил ваучер. Он! И

только он! Раз я не еду — получайте и вы. Тем же кулаком по тому же месту. Все! С меня хватит! Больше я ни шагу никуда из автобуса! Набегалась, хватит. *(Села, безразлично смотрит в окно.)*

Веревкин. Дела-а. Ну что ж, коль потерял тот ваучер, тогда давайте возвращаться.

Старуха. Куда?

Веревкин. Домой.

Старуха. Помру и не побываю там... *(Махнула рукой в сторону границы.)*

Поцелуйкина. А кто автобусом рулить будет, хотя бы и назад? Водитель пиво пьет.

Веревкин. Черт, а!

Кнот. Товарищи, без паники!

Старуха. Правда, правда, правда!

Кнот. Я предлагаю и вам, Светлана Ивановна, взять себя в руки. Возьмите себя в руки, Светлана Ивановна. Вы же наш руководитель. Ваше место на капитанском мостике. Займите его.

Веревкин *(Пискуновой)*. Я тоже недоволен вашим поведением. Чуть что — сразу руки опускать. Это же не метод. Действовать надо. Действовать!

Старуха. Уходя из дома, нам всем надобно было прочесть молитву, осеняя себя крестным знамением: «Господи, Матерь Божья, святые угодники, защитите меня в пути, в дороге, на работе от смаза, испуга, порчи». *(Выждав паузу)*. И я забыла...

Веревкин. Срочно надо разыскать водителя. Ваучер может быть и у него. Человек был пьян...

Поцелуйкина. Как свинья.

Веревкин. Прошу не перебивать. Человек был пьян... отсюда делаем вывод: а мог он прихватить тот ваучер как обыкновенный листок бумаги и отправиться с ним в кусты?

Пискунова. На нем же печать!

Кнот. Печать, штамп... Ему-то все равно. Поди разбери спьяну. Он автобус свой потерял, в соседний забрался и чуть было водителя не ударил... все тем же кулаком. «Куда, говорит, залез, падла? Я в автобусе хозяин!» Вы людей послушайте, что он вытворял вчера.

Веревкин. Я предлагаю Васильича отправить искать водителя.

Кнот (*с иронией*). Спасибо за оказанное доверие. Но представим, разыскал я его. Что дальше? Мои действия?

Старуха. Тяните сюда.

Кнот. А где гарантия, что смогу сам приползти сюда после встречи с ним?

Поцелуйкина. Да не может же он на всех бросаться! Вы же представительный человек.

Кнот. А где гарантия?

Пискунова (*Кноту*). Что вы все заладили — «где гарантия, где гарантия?». Вы же мужчина!

Кнот (*в движении*). Ладно, уговорили...

Старуха аплодирует.

Но если что-то серьезное...

Веревкин. Тогда обязательно сообщим семье: пал смертью храбрых у самой границы. На таможне. Слезу пустим.

Кнот. Это вы умеете делать. В крови. Я, значит, пошел... (*Шутливо помахал рукой*).

Веревкин. Идем дальше. Маша должна найти Игоря.

Пискунова (*вдруг вскочила — Веревкину*). А почему это вы раскомандовались? Кто вас уполномочивал?

Веревкин. Я не против... Пожалуйста. Руководите. Извините, если что не так.

Пискунова. Привыкли командовать. Хлебом вас не корми. Но сейчас другое время.

Веревкин. Так. Значит, как и было сказано. Маша находит Игоря.

Она. Думаете, он здесь, на таможне?

Пискунов. А куда он денется? Наивный вы человек, Маша. Игоря силой, под автоматом домой не отправишь. Просто куражится. Ты бей его, в сто кулаков молоти, а он все равно будет там, и не единожды... Глотнул того воздуха... Таких людей я знаю.

Она. Игорь ничего не брал. Кроме своей сумки. С ней и ушел. Я видела.

Веровкин. Пусть не брал...

Пискунова. Согласна. Но ты его все равно должна обязательно разыскать и привести в автобус. Больше того — это наш долг. Долг всех в трудную минуту быть на месте. Понимаешь?

Старуха. Правда, правда, правда!

Она. Да... но людей здесь полно... целый город, наверно... Я искала его. Нигде нет.

Пискунова. Далеко он не мог уйти. Не мог!

Поцелуйкина. Где-то рядом ошивается. Поостыл малость, прошла обида, и он будет держаться поближе к автобусу. Хорошо, пошли вместе?

Она. Ладно.

Она и Поцелуйкина выходят.

Веровкин. Мне кажется, что ни водитель, ни Игорь к исчезновению ваучера не причастны. Подумайте хорошо, Светлана Ивановна, вспомните: а может, вы оставили его дома? Может, забыли?

Пискунова. Вы за кого меня принимаете? За Машу-растеряшу?

Веровкин. Успокойтесь. Не горячитесь.

Пискунова. Я этот ваучер, пропади он пропадом, из рук не выпускала. Через каждую минуту о нем вспоминала. Неужели я не понимаю, что это документ, без которого мы все на этой вонючей таможне никто!

Старуха. Найдется. Отыщется. Чует сердце. Правда, правда, правда!

Веровкин. Надо искать.

Пискунова. Где?

Веревкин. В автобусе.

Пискунова. У меня одна железная версия, и от нее я не отрекусь ни под каким предлогом.

Веревкин. Ну-ну.

Пискунова. Ваучер взял Игорь. В отместку всем нам за кулак водителя.

Старуха. Правда, правда, правда!

Пискунова. А Машка просто-напросто прикрывает его.

Веревкин. Сомневаюсь. Не такой парень этот Игорь, чтобы за одного негодяя делать больно всем.

Пискунова. Ну, не знаю. У меня просто сил нет.

Веревкин. Хорошо, будем ждать Игоря. И водителя. Рассаживайтесь, товарищи, поудобнее. Расслабьтесь. Ждем.
(Сел).

Появляется Водитель. Он навеселе.

Водитель. Кто умер?

Пискунова. Все мы умерли. Все. И вы в том числе.

Водитель. Я? *(Поцупал себя)*. Нет, живой вроде бы. И вы, как вижу, разговариваете. У бабуся глаза моргают... и вот у него...

Старуха. Ты, сынок, в туалет ходил?

Водитель *(смеется)*. Это обязательно вам знать надо?

Пискунова. Да, надо. И обязательно.

Старуха. Правда, правда, правда!

Водитель. Не признаюсь. Мое личное дело.

Веревкин. У вас спрашивает кол-
лектив.

Водитель. В анкете, которую заполнял, такого пункта нет. Извините.

Пискунова. Извиняться будете потом. У нас пропал ваучер.

Водитель *(присвистнул)*. Да-а-а! Чего ж теперь нам, а? Смагивать удочки? Домой, а?

Веревкин. Не торопитесь. Потому что сегодня вы нас домой все равно не отвезете.

Водитель. Да, не отвезу. Держи пять, мужик! *(Пожал Веревкину руку.)* Молодец. Все понимаешь. Что ж предлагаете?

Пискунова. Чтобы вы сходили в кусты... прошлись по тем местам, где, возможно, присаживались... не использовали ли вы ваучер как обыкновенную бумагу.

Водитель. Исключено. Там столько этих гнезд, что свое вряд ли найдешь. Площадь-то — во! За неделю не обойдешь.

Веревкин. Надо!

Пискунова. В интересах коллектива.

Старуха. Правда, правда, правда!

Веревкин. И не пейте больше, пожалуйста.

Пискунова. Да, да!

Водитель. Обижаете, я ведь не за рулем пью. На дороге. И учтите, на таможне я провел не одну неделю. Приспособился. К тому времени, когда надо будет автобус и вас показать таможне, буду как огурчик. Все рассчитано.

Веревкин. Но мы же восемь раз подталкивали уже автобус.

Водитель. Полезно. Зарядка.

Пискунова. Он непробиваем!

Водитель. Ивановна — ша-а! Я ж живой человек, когда мне еще выпить? Где? Все за баранкой да за баранкой. Эти медосмотры, постоянные вопли Людки... Не знаю, как у кого, а моя рубит наотмашь, чугь запашок. А тут — простор, свобода, к которой так стремится наш простой человек. Ни медосмотров, ни жены тебе. Курорт. Наливай и пей. Да и все же пьют. Высуньтесь, посозерцайте. Все. Вроде как бы на свадьбу съехались со всех концов. Ну, чего приуныли? Ах, ваучер потеряли. Ищите. Я никогда не сую руки не в свои карманы. Ивановна! Ты-то куда его могла девать? Припоминай, припоминай, дорогая. Тебе доверила Родина, ты и отвечай.

Пискунова. Чудеса какие-то! И это он, алкоголик, будет мне тыкать?

Веревкин. Прислушайтесь к нашему совету: пройдите по кустам.

Старуха. Правда, правда, правда!

Водитель *(понемногу начинает трезветь)*. Прощаю я тебе, Ивановна, за такую вывеску. Баба потому как. Мужчине бы врезал. Это — раз. Во-вторых, никуда я не ходил. Тем более с ваучером. Че я — идиот, в конце концов? Сами потеряли — сами ищите. Свистните, когда понадобится. Я с мужиками баланду потравлю. *(Выходит.)*

Веревкин. Только не пей больше! Слышишь? Приведи себя в норму!

Пискунова. Похоже, до нормы ему надо еще пару стаканчиков.

Веревкин. Светлана Ивановна, давайте не будем острить.

Пискунова. Но вы же посоветовали ему привести себя в норму.

Веревкин. Да бросьте вы! Тут, понимаете, серьезное дело...

Пискунова. Понимаю.

Веревкин. Я чуть вырвался с работы в эту поездку. И вовсе я не с вами еду, а в столицу... на симпозиум. И что же — зря все это? У нас ведь работать некому в аппарате. Кто-то впереди в этой очереди, кто-то уже там или назад возвращается... кто-то оформляет документы. Туда-сюда... как в пору медосбора пчелы... И все жужжат только про джинсы, свитера, кофты, кроссовки. И мне нажужжали, дураку старому. Завязал же уже было! Завязал! Нет, сломался! Дрогнул!

Пискунова. А я предлагаю веселиться! Да! Прямо здесь, в автобусе, Петрович, давайте веселиться, а?

Веревкин. Не обманывайте себя. Когда внутри закипать начинает... до веселья ли?

Пискунова. Хочу веселиться! Хочу забыть все на свете и веселиться! Кто сколько водки везет?

Старуха. Не знаю, чего они и сколько мне насовали. Правда, правда, правда! И не пью я...

Пискунова. Я — три бутылки. Высокие. Паньы могут отнять. Одну полагається.

Веревкин. До панов нам пока дорога закрыта.

Пискунова. Давайте выпьем, а? Так и быть, разорюсь. За счастливый конец. *(Достает бутылку, рюмку, что-то из закуски).* Давайте выпьем... споем... потанцуем... *(Наливает, протягивает Веревкину.)*

Веревкин молча выпил.

Вот и хорошо! А то все ваучер, ваучер! Да найдется он! Бабуся, тебе сколько капнуть?

Старуха. Это, почитай, крепкая... это с этикеткой... белая... ага...

Пискунова. В рюмке этикетки нет. Она на бутылке. Не бойсь. На, бабуся, держи...

Старуха. Прости меня, господи, грешную... *(Выпила).*

Пискунова. Хорошо пошла, вижу. Значит, от чистого сердца угощаю.

Старуха. Правда, правда, правда!

Пискунова *(наливает себе, выпила).* Петрович! Семеновна! Хорошие вы люди. Только бедные, хотя как сказать. Шмотья приличного нет, но с голоду никто не умирает. А вообще много мы жрем. Очень много. Закусывайте, закусывайте. Ой, чудеса! Последний раз, когда была в Шреме, один умный человек среди нас был...

Старуха. Что, и умные ездят?

Пискунова. А то! Че, они не такие грешные на этой грешной земле, как все остальные? Да рядом со мной на базаре сидели... вернее, стояли... с двух сторон такие люди, что умереть — не встать! Сам редактор областной газеты и подполковник милиции. Без погон, правда, но я-то знаю, кто из них кто. А? И вот они самые предлагают топоры, молотки, ручки, сверла, трусики... женские. Наши. А потом привезут ихние. Жить-то всем хочется — и умным, и дуракам. И не просто жить, а хорошо. Умный тот сидит в автобусе, когда назад ехали, и наблюдения свои в мысли пакует, как тракторист сено в тюки. Не все, конечно, запомнила, но кое-что моя не менее умная

голова приберегла для вас. Ой, захмелела... Простите. Но — хорошо, честное слово! Голова приятно кружится. У нас там один два километра кишок привез.

Старуха. Чьих?

Пискунова. Не своих же. На мясокомбинате работает. И туда он их, и сюда — никто не берет. Из-за этих кишок лишний день потеряли. Жалко парня было. У него и товара — одни кишки. На мясарню потом сдал. Пану. И что интересно, тот парнишка даже нигде и не расписался, а вся операция по сдаче заняла пять минут. У нас бы — замучили, по кабинетам затаскали. Да че я, разве же вы не знаете? Так умный тот про парнишку с кишками сочинил: «Кишки из меня вон, но кишки продам!» Как, а?

Старуха. Правда, правда, правда!

Веревкин. Куда все же мог подеваться ваучер?

Пискунова *(как и не слышит)*. Один куртку купил кожаную... Про него: «Из кожи вылезу, а в кожу влезу!» *(Смеется)*. Петрович, я пригашаю вас на танец!

Веревкин. А музыку кто будет заказывать?

Пискунова. Кто наливает, тот и музыку заказывает. *(Гянет Веревкина танцевать)*.

Веревкин. Да где танцевать-то? В автобусе?

Пискунова. Да! Да! Именно в автобусе! Уютно! Тепло!

Веревкин. Но здесь же не повернуться.

Пискунова. А мы и не будем. Потопчемся. Вот. Вот так... Учить вас надо, мужики.

Танцуют. Появляется Кнот.

Кнот. Никак ваучер нашли?

Старуха. Ты-с-с! Пусть танцуют.

Кнот *(Старухе)*. А ваучер где?

Старуха. Ты-с-с!

Кнот. Нашли?

Старуха. Кто ж его найдет? Все равно как в городскую канализацию провалился.

Кнот. А чего ж танцуют?

Старуха. Весело им. Веселятся.

Кнот *(разводит руками, недоумевая)*. Ах, где наше не дымилось! *(Принимается отбивать чечетку или что-то в этом роде. Танцует рьяно, лихо, и шпарит частушки — сочиняет их, кажется, на ходу)*.

Пискунова и Веревкин прерывают танец, удивляются мастерству Кнота.

И не будем мы шуметь, и не будем биться, а то никто не даст нам завтра похмелиться!.. Говорят, что на таможне девушки-красавицы. Здесь и я, старик слепой, бабушке понравился! *(Обнял Старуху)*. Или еще? Могу! Я могу! Чего ж нам не петь и не плясать? Жизнь-то прекрасная! Икра есть черная и красная, сервелаты, вина заморские... а у меня сало. Да! И лук! Я третьи сутки его лопаю... говорят, что это витамин «ю». И третьи сутки стою в очереди на тот берег, как последний обманутый всеми человек! *(Упал на колени)*. О, Русь! Обманутая, обиженная Русь! Ты меня слышишь? Это я, твой сын полей, лесов и рек на нашей таможне дышу нечистотами ради того, чтобы мои собратья ковырялись в моих же сумках и выворачивали наизнанку не их, а мою душу... унижая меня, принимая за последнюю сволочь... Униженный и оскорбленный, голодный и голый, рвусь я туда, где, говорят, все есть. Ты, родная моя земля, прости... Последний раз я унижаюсь и больше — вот те крест! — не буду. Не могу больше. Если меня, простого смертного, кто-то обидит еще хоть раз, я объявляю голодовку.

Пискунова. Этим никого не удивишь — вся страна голодает.

Старуха. Правда, правда, правда!

Веревкин. Только неловко как-то всем признаваться, что мы объявили голодовку.

Кнот. Как стал мой дед в очередь за хлебом, так и стоит весь наш род в этой очереди. Отец, я, сын... Только не за одним хлебом — за всем. Прости, что разоткровенничался я... Прости... Ты-то в чем виновата, когда верховодили тобой и верховодят бандиты, воры, развратники. Не твоя вина. *(Встал. Поднял глаза в сторону Пискуновой и Веревкина.)* Не нашел я водителя. Задание не выполнил. Придумайте для меня какое-нибудь наказание. Стерплю. Вынесу. Я не нашел его... водителя. Нет его... нигде нет...

Пискунова. Есть он. Жив-здоров. Но от него пользы, как от козла молока.

Старуха. Правда, правда, правда!

Веревкин. Тебе плохо, Васильевич?

Кнот. Нет, мне хорошо. Я счастливый человек. Я намного счастливее тех, с кем тянул счастливую спичку... Везучий, как видите...

Пискунова *(наполняет рюмку, протягивает Кноту)*. Выпейте, дядя Кнот. И тогда станете вы еще более счастливым человеком.

Старуха. Правда, правда, правда!

Кнот. Да? Это в самом деле?..

Пискунова. По себе знаю. Да. В самом деле.

Кнот. А за кого?

Пискунова. За себя. За себя, дядя Кнот. Мы всю жизнь за кого-то и за что-то пили, один гост был громче другого, а сейчас выпейте просто за себя.

Кнот. Ага. Ага. *(Пьет.)*

Старуха. Дайте загрызнуть ему.

Кнот *(резким жестом руки остановил Пискунову)*. Нет!

Старуха. Или вы после первой не закусываете?

Пауза.

Но вы же еще не там, за границей?

Кнот *(постучал по животу)*. Там есть сало. *(Протянул руку с рюмкой Пискуновой.)* Повторите!

Пискунова молча обменялась взглядом с Веревкиным и Старухой, потом наполнила рюмку.

Кнот *(выпил)*. Стол на двух ножках не стоит.

Пискунова. Вы хотите сказать, что бог любит троицу?

Кнот. Именно! Именно!

Пискунова. А много вам не будет?

Кнот. Нет, никогда. Я почти уже вижу счастье.

Пискунова *(наполнила рюмку)*. Смотрите только, не потеряйтесь.

Кнот. Я давно потерянный. *(Пьет)*. Вот, теперь хорошо. Теперь мне незачем ехать за границу. Мне и дома хорошо. Где мои чемоданы, сумки? У меня все есть. Я богатый человек. У меня есть квартира, жена, два сына и дочь... пылесос, телевизор, холодильник... кот Васька...

Веревкин. «Мерседес», яхта, счет в швейцарском банке...

Кнот. Нет, в нашем. В Чугуевском.

Пискунова. Я же говорила, что вам больше пить нельзя, дядя Кнот.

Кнот. Можно. Я Шолохов. Михаил Александрович. Солженицын. Пушкин в конце концов! И цыц мне!.. У меня даже бутылка водки... У цыганки, кажется, жена купила... или у таксиста... точно не помню. У них что, в кибитках и салонах машин винзаводы эти, а? Где она, моя водка? *(Ковыряется в вещах.)* Где ты, моя родимая?

Веревкин. Васильич, ты, кажется, пошел вразнос. Остановись. Если мы все выйдем из строя, один автобус... сам по себе таможенню никак не переберется.

Кнот. Ваучер, значит, нашли? Ваучер, спрашиваю, нашли?

Веревкин. Ищем.

Кнот. А-а, вы ищите. То-то я вижу, как вы его ищите. На карачках ползаете по пластуни. У каждого лупа в руке, а у бабуси миноискатель системы «хоп-хлоп».

Пискунова. Отдохните, дядя Кнот.

Кнот. Богатые люди спят мало. Потому и богатые. Что прикажете делать? Я готов!

Веревкин. Ты уже нам водителя доставил. Хватит.

Кнот. Еще кого? Называйте! Я мигом!

Пискунова. Не потеряйтесь только сами.

Веревкин. Да, да!

Старуха. Правда, правда, правда!

Кнот. Обижаешь, племяшка. Нет, вижу, с вами за границу не махнешь. Крылышки опустили. А вы выше, выше крылышки. Вы парите... орлами... да! Набрали высоту, а внизу... кто там внизу? Автобус наш — как спичечный коробок, вся эта очередь — как сосиска... Нет, как сарделька, чуть потолще... А вы парите... и хорошо вам, и прекрасно... А потом смотрите — вы там, на той стороне...

Веревкин. А какой интерес туда без сумок лететь?

Кнот. И сумки с вами. И сумки. Все с вами. Все. От вас долго надо отдирагть ил этот... нанос...

Старуха. С этими сумками попаришь, деваться некуда.

Кнот. А вы, бабуся, в хвосте... но не отставать. Держаться меня. Ориентир!

Старуха. А где же мы там приземлимся?

Кнот. А где тот на планере приземлился. И нам земли хватит. Хватит, бабуся! *(Обнял Старуху, поцеловал.)* Давно я таких старых не целовал.

Пискунова. Фантаст вы, дядя Кнот, когда выпьете.

Кнот. Да, я знаю. И жена у меня такая красивая... прямо ягодка, когда выпью. Такая добрая... У-ух! Конфетка! Сладенькая! *(Вспомнил жену.)* Где ты там, как ты там, моя хорошая, самая красивая, самая пухленькая Оксаночка? О чем думу думаешь? Что тревожит тебя, ненаглядная? Обо мне не беспокойся. Я в надежных руках. Жив-здоров, как видишь. Пока еще не перешли границу. Но и перед границей жить можно. Коллектив подобрался зрелый, непьющий, так что с голоду не помрем, продвигаемся медленно, но уверенно. Правда, кто-то подложил нам мину... спер ваучер. О нем ты

никогда не слышала, но этот ваучер, оказывается, большой начальник. Как генерал. Без него никуда.

Пискунова *(стала рядом с Кнотом)*. Прости, Оксаночка, что напоила я твоего мужа.

Кнот. Но! Но! Еще услышит, чего хорошего. Завернет назад. У нее, знаешь же, слух?.. То-то!

Пискунова. А так человек он добрый. Терпеливо, как и все, стоит в очереди. Ходит на задания.

Кнот. Вот это ты правильно! Верно!

Пискунова. Любовь ни с кем не крутит.

Кнот. Хвалю!

Пискунова. Не знаю, гордишься ты этим или нет, но здесь он не пользуется спросом.

Кнот. Пока! Прошу заметить: пока! Спрос ожидается в конце... Истоится душа женская по мужской ласке и появится спрос даже на таких, как я, старых и слепых. Да-да!

Пискунова. Глубоко сомневаюсь.

Кнот. Не рекомендую. Советую всем женщинам в этой очереди задуматься о последствиях. *(Вдруг прикусил язык)*. Я не громко говорил? Оксаночка не слышала?

Появляется Она.

Пискунова. Ну? Где он?

Кнот. Где ваучер? *(Агрессивно наступает на девушку.)*

Пискунова. Прекратите!

Кнот. А я чего? Я — не следовательно, но когда исчезает важный документ.. соизвольте! *(Икнул.)*

Пискунова. Где он?

Она. Там... сидит.

Кнот. Ваучер сидит. Его что — поса-дили?

Пискунова. Поставили! Его поставили! Его поставили! И он будет ровно столько стоять, пока и вы не сядете или не ляжете.

Кнот. Принял к сведению. Сяду. Это можно *(Сел.)*

Она. Игорь не брал никакого ваучера.

Пискунова. Как это не брал? Как это?.. Люди! Товарищи!

Кнот. Господа!

Пискунова. Где же тогда он?

Старуха. Правда, правда, правда!

Пискунова. Я же была уверена, что ваучер взял Игорь.

Она. Не брал!

Пискунова. Я его всего общупаю.

Она. Это как я вам разрешу.

Пискунова. Ой ли! Пошли показывай, где он сидит. И почему сидит там, а не в автобусе?

Она. Обиделся.

Пискунова. Тоже мне обидчик нашелся! Тоже мне!.. *(Гянет девушку за руку.)* Мужик называется! Пошли!

Она и Пискунова выходят. Кнот успокоился, похоже, кимарит.

Голос. Пиво! Кто пиво будет?

Кнот дернулся, но его придержал Веревкин.

Веревкин. Нет, не будем!

Старуха. Правда, правда, правда!

Кнот. По червонцу — нет, не будем. *(Откинулся на спинку сиденья, спит.)*

И сразу сильно храпит.)

Веревкин. Чтобы узнать человека, его надо напоить.

Старуха. Правда, правда, правда!

Веревкин *(тормошит Кнота)*. Не выношу храпа.

Храп на время прекращается.

(Снова тормошит). Да не могу же я возле тебя сидеть!

Старуха. Погодите. Храп беру на себя. Будьте уверены. А вы сосредоточьтесь на ваучере. Не тратьте зря энергию. *(Взяла бечевку и привязала один конец к руке Кнота)*. Испытанный метод. В поезде подметила. *(Села на свое место. Как только Кнот начинает извергать храп — дергает за бечевку)*.

Появляется Водитель.

Водитель. Держитесь. Подвигаемся. *(Рез двигателя, автобус заколыхался, чуть проехал. Двигатель успокаивается, на смену ему приходит храп. Удивленно смотрит на Кнота.)*
Батя!

Старуха дернула за бечевку.

Вот так! Мне еще тут не хватало паровозного свиста. Где наши?

Старуха. Ищут документ. Правда, правда, правда!

Водитель. Ищите, ищите. Сейчас очередь пойдет быстро — прибалтов и хохлов на свои таможни турнули. Не слышали разве, всех выперли?

Веревкин. Мало, мало нам всем места на этой большой земле стало.

Водитель (*Веревкину*). Батя! Таможня — это еще не вся земля. Это — кусочек ее. Ку-со-чек! Даже всем по ломтику не хватит. Правильно сделали. Шуруй через свою таможню. Она такая же.

Веревкин. Но рядом... в крепости кровь проливали все одинаково.

Водитель. Сравнил! Ну, сравнил! Время-то какое было! А сейчас все по своим углам.

Веревкин. Другое — да, не спору. Но земля одна...

Водитель. Что ты вцепился — земля, земля... Да тут нет ни одного человека... почти нет, который той земли... большой и необъятной... достойный ее. Тут же собрался цвет фарцовщиков, рэкетеров, воря разного.

Веревкин. По-твоему, выходит, и я — фарцовщик, вор... так, выходит?

Водитель. Первый раз едешь?

Веревкин. Допустим.

Водитель. Тогда нет. Но вот те, которые ищут ваучер, примелькались на этой таможне, как перед подъездом своего дома. С ними таможенники скоро будут за руку здороваться. Ты обратил внимание, как они одеты? А, нет, а я обратил... В таком тряпье дома они под стволом не пройдут по улице. Маскировка. Чтобы не больно шмонали на таможне: посмотрите, какие мы бедные, в каких обносках, смилуйтесь. И действует! Ладно, я рядом буду. (*Выходит, потом показывается в дверях голова.*) Больше не пью! (*Исчезает.*)

Кнот храпит, Старуха дергает.

Старуха (*встала*). Никогда я не была за этой границей. И не снилась она мне. Дмитрий, муж мой... земля ему пухом, бывал. Так он не на машине — на танке въезжал. Хвалил потом... Очень, говорил, люди грамотно живут. Подарков повез — на всех понемногу. Разных. Мне швейную машинку. Я на ней всех соседей обшивала. Сейчас-то не шью, глаза не видят, а машинка живая... Правда, правда, правда! Спит Дмитрий и не знает, что его Семеновна тоже засобиралась за границу. При жизни не поверил бы. А интересно вот, им тоже, солдатам, ваучер тот нужен был тогда, а?

Веревкин. На танке — нет.

Кнот храпит, Старуха дергает.

Старуха. Ваучер... слово-то какое. А ничего, и я запомнила, хотя импортное. Импортное слово мне туго дается. Ой, туго! Но многие уже знают. Плюрализм, альтернатива, бартерная сделка, брокер, менеджер... Правда, правда, правда!

Вбегают Водитель.

Водитель. Поехали!

Рев двигателя.

А! А че я говорил! По три автобуса запускают. Но нам надо рассчитать так, чтобы к бабе не попасть. Там одна стерва шмонает — будь здоров! Невзирая на лица! А вообще, товарищи, надо связями запастись. Звонок — и тебе зеленый свет. А как же! Наша милиция договаривается с местной, прокуратура с прокуратурой, овир с овиром. Друзья всегда найдутся. То учился вместе, то сват, то брат...

Старуха. И куму, и брату, и свату все доставал он по благу... А потом посадили в хату, куда не идут по благу.

Водитель. Старо. Из застойных времен. Когда при коммунизме жили. Скажи, бабуся, что жили мы при коммунизме?

Кнот храпит, Старуха дергает.

Жили!

Веревкин. Вы опровергаете себя.

Водитель. Понял. Понял. Не везет государство шмотье — дельцы, отдельные дельцы взяли этот крест на себя. И довольны. Очень даже. Вся страна утонула в комиссионных магазинах. По Москве пройдите. Где продукты были и доступные нам товары — все завалено импортным шмотьем. Но тряпье это по карману таким же проходимцам, как те сами. Поехали!

Рев двигателя. Автобус продвинулся чуть вперед.

Веревкин. А вы что, часто в Москве бываете?

Водитель. Да колбасу раньше возил. Жену, помню, прихватил. «Возьми, по магазинам пройду». А тогда закон вышел — пассажиров не брать. Гаишник и тормознул. «Почему пассажир?» Где, говорю? А, так это жена. Все равно не положено. А такую твою мать, говорю, как Горбачеву свою Раису везде можно с собой таскать, а мне свою в этом задрипанном «КамАЗе» в столицу свозить нельзя. Гаишник, правда, рассмеялся и вернул права. Едь, говорит. Гони. Молодец, говорит.

Появляется Пискунова

Пискунова. Нет... У него действительно ваучера нет.

Пауза.

Водитель. Пиши пропало! *(Вышел.)*

Веревкин. Стоило столько сил и энергией тратить. С ума сойти.

Кнот храпит, Старуха отвлеклась.

Дерните его!

Старуха дернула — храп прекратился.

Две недели товар собирал! Куда его теперь? Кому?

Старуха. Правда, правда, правда!

Пискунова. Я не виновата. Я часто езжу руководителем, и всегда все было гладко. Не терялся он... нет... никогда...

Появляются Он и Она.

Он. Ваучер не должен пропасть. Он где-то в автобусе.

Она. Я же говорила. Игорек не брал. Он честный.

Он. Товарищи! Забудем все, что было. Все обиды забудем.

Она. Он уже забыл. *(Погладила у Игорька фингал под глазом.)*

Он. Давайте сплотимся. Давайте соберемся. Будем искать. Совсем близко наша очередь. Ну, что вы стоите?

Кнот пробормотал что-то нечленораздельное, Старуха дернула за бечевку.

Искать надо. Он где-то в автобусе. Не может быть, чтобы пропал.

Старуха. Правда, правда, правда!

Люди медленно расходятся, ищут ваучер. Кто где. Заглядывают под коврик, под сиденья. Проснулся

Кнот. Протер глаза. Встал на ноги.

Старуха. С добрым утром!

Кнот. Я спал? *(Сорвал бечевку с руки.)*

Веревкин. Очень даже крепко.

Старуха. Только храпели больно уж...

Кнот. Нет, я не спал. Я искал ваучер. И я его, кажется, нашел. Товарищ Пискунова, где ваш большой мишка... с карманом?

Пискунова остолбенела. Затем поцеловала Кнота, сильно прижав его руками к себе. Все с недоумением наблюдают за всем происходящим.

Пискунова. Мой хороший дядя Кнот! Ненаглядный! Спасибо! Товарищи, он действительно спас нас!

Кнот *(поправляет)*. Господа!

Пискунова. Неважно. И как я могла забыть: ваучер я спрятала действительно в карман медведя. Да! Да! Потому что боялась, как бы куда не исчез.

Кнот. Мне сон приснился. У меня часто сон в руку. Берите, товарищ Пискунова, драгоценнейший ваш... извиняюсь, наш ваучер в кармане косолапого!

Пискунова. Да! Да! *(Берет мишку, у того нет кармана.)* А где... карман? Карман где? Он был... действительно был. Ничего не понимаю.

Веревкин. Среди нас, кажется, нет одного человека.

Пискунова. Где Поцелуйкина?

Она. Она там... болтает с кем-то. Позвать?

Пискунова. Где мой Мишка-а-а?! *(С криком выбегает, за ней все остальные, кроме Кнота.)*

Кнот. Мать вашу перемать! Люди! Вы что-нибудь поняли? А я — да: ваучер тот без нас через таможню проехал... ищи свищи теперь его. Мать вашу! Тьфу! *(Завалился. Спит.)*

Молча появляются все «туристы». Пискунова прижимает к груди мишку, всхлипывает.

Старуха. А я уже и рада, что потерялся он. Домой хочу. К соседкам. На лавочке посидим. Посудачим. Заждались там они меня, поди.

Веревкин. Как же так, женщины?! Как же так?!

Поцелуйкина. Я не виновата. Они — два медведя — рядом лежали... мой и вот ее... Я и не знала, что у мишки может быть карман. Честное слово. Они же, все мишки, похожи — как две капли воды...

Пискунова. Надо же так! Надо же!..

Старуха. Давайте поворачивать к себе, домой, а? Ну, что ж, коли не получилось, не повезло... Хотя мне и хотелось ту землю поглядеть, где Дмитрий мой воевал.. где освобождал... Хвалил больно, говорил, что умеют жить... *(Поет народную песню, хорошо знакомую всем).*

Ее окружают туристы. Слушают. Каждый думает о чем-то своем.

ЗАНАВЕС.

1991

**ДЕРЕВО,
или ЖИЗНЬ В ОТСУТСТВИЕ ДОЖДЯ**

Пьеса в двух действиях

Действующие лица:

Д е р е в о

Л ы с ы й

Б о р о д а т ы й

Ж е н а /Бородастого/

Л е с н и к

Б о м ж

Н а с т я

Ш у г а л е й

Наши дни. У Дерева.

Д е й с т в и е п е р в о е

Солнечный день. Лето. На опушке леса, как раз между ним и селом, стоит мощное дерево – дуб. Рядом с ним – много пней. Разных. К дереву подходят Бородастый и Лысый. С пилой и авоськой. Мрачные. Походили возле дерева, удивляясь, поохали-поохали, а затем Бородастый пнул дерево ногой.

Б о р о д а т ы й. Ни фиги себе!

Лысый зашел за дерево. Хорошо видать, как он мочится.

Он что, лесник, совсем спянул? Ты глянь, Лысый! Глянь!

Л ы с ы й /подходит, на ходу застёгивая ширинку/. Ну, вижу.

Б о р о д а т ы й. Да разве же этой пилой такой дуб свалишь?

Ухандохаешься. Его и бензопилой не возьмёшь так сразу...

полдня будешь возиться, падла!

Л ы с ы й Ну, вижу!

Б о р о д а т ы й /начинает выходить из себя/. Что ты видишь?
Да ни черта ты не видишь!

Л ы с ы й. А сколько же этому дубу лет, интересно? Не иначе,
как триста?

Б о р о д а т ы й. Говорил же тебе: не загоняй цепь от пилы.
Пригодится. В лесу, как-никак, работаем, мать твою!

Л ы с ы й. Башка раскалывается. На две части. Сам знаешь... а
гундишь. Я к чему про возраст дуба? А на какого чёрта его
пилить, дерево это? Стояло, стоит и пусть стоит. Здесь если и
завалится на боковую, то никого не придушит – безлюдье. Ни
людей поблизости, ни хат... Вон они, хаты.

Б о р о д а т ы й. А оно будет падать, как бутерброд... маслом
вниз. И как раз кто-то будет стоять под ним... или проходить,
разинув рот на ширину приклада.

Л ы с ы й. Нас тогда уже здесь не будет. Пропади оно
пропадом. /Удивляясь дереву/. Мощное дерево. Долго
простоит.

Б о р о д а т ы й. Как же оно простоит, если нам его надо
завалить?! Спилить надо, понимаешь? Или ты ещё со
вчерашнего?..

Л ы с ы й. Сначала надо пообедать. Ты прав. /Кивнул на
авоську/. Здесь цепь от пилы...

Б о р о д а т ы й /поколебавшись, махнул/. Уговорил. Так и
быть!..

Л ы с ы й. Уважаю умных людей. А я подумал сначала,
грешным делом, что упираться начнёшь, артачиться, норов
свой показывать, заставишь меня снова менять цепь на
бутылку... или наоборот.

Б о р о д а т ы й. Да что с тобой уже поделаешь, алкаш?
Наливай!

Л ы с ы й. Ага. Только надо спрятаться. Мы же на рабочем
месте не пьём... Исчезают.

Д е р е в о /недовольно, ворчливо/. Фу-у! Напузырил – не продохнуть. Чтоб ему муторно стало. И каждый, и каждый, кому припрёт, – льёт, льёт, льёт... Тьфу! Задохнугься можно. Таким приторным тянет, что плывёт всё перед взором. Шапка кружится... Придержите, хорошие мои, а то упаду... завалюсь набок... Фу-у! Все корни мои сыты.. вот так!... этим зельем... Когда молод был, то, случалось, облизывался – очень нравилась.. соль... а сейчас и наелся, и напился. И что же они такое едят, люди эти? И что они пьют, безбожники? Таким дерьмом прёт! /Вздрогнул/. Фу-у! Видали, снова меня пилить пришли. Да нет, эти не сплят. Я же по ним вижу, что за работнички... с бутылкой... с бутылкой не работники. Ещё поживу. Спасибо пьяницам. Спасибо нашим людям, нашей стране. Если бы где во Франции жил или в Америке какой, то давно убрался бы, видагы, в огне каком капиталистическом сгорел.. А, может, дверями какими стал бы.. и все меня ногой пинали бы, как плешивого кота. Если бы ещё из меня оконную раму смастерили, то куда бы ни шло.. хотя наблюдать можно было бы, что на улице или во дворе том делается. Получилось бы, как тот говорил недалеко от меня: ты появляешься везде, как будто бы гуляешь в нескольких экземплярах. Э-ха-ха-ха, жизнь моя деревянная!.. Разморило. Сколько поболтал, а уже силушки не те. Стар я, сгнил, чувствую... Ничего из меня уже не смастеришь. Ни дверь, ни окно... Ничего... Это они водкой глаза позаливали, и ничего дальше своего носа не видят. Но всё же хорошо, что живу на отшибе... и от людей не близко, и от нелюдей подальше. Привык так жить.

Родители мои знали, где жёлудь обронить. Спасибо им. Много и живу. Встречались, правда, врать не буду, и раньше ловкачи, которые на меня зуб точили. Шведы, помнится, хотели меня на дровишки срубить.. Я тогда, можно сказать, пацаном был, сморкачом... Как надо мной топор швед занёс, я в ужасе

содрогнулся весь... попятился, кажись... в землю подальше лезть начал... И вдруг где-то ухнуло... аж земля застонала... топор выпал из рук супостата... и он ещё долго лежал здесь, пока волки не сожрали. Вот тот вонял! Фу-у! А тогда немцы... тех много приковыляло, возле меня расселись, ити их мать, и давай шнапс пить... Я уже пожил на белом свете, разных людей повидал, то сказать должен: очень страшные были они, поганые! Как только спасся от неё, саранчи той, – ума не приложу... Есть, видагь, Бог на свете. Есть. /Перекрестилось/. Повидал... И натерпелся, и нарадовался, всего было... Тёплая земля... мягкая... Не тучи ли собираются? Дождь, видагь, будет. /Зевает/. Когда он теребит по моим листьям, тогда мне спится хорошо. /Всматривается/. Пьют? Пьют. Тогда можно спать спокойно. И жить... Покемарю немножко. Прикорну. Затемнение.

Недалеко от Дерева сидят на пнях Бородатый и Лысый.

Наполнили стаканы.

Б о р о д а т ы и. За что?

Л ы с ы й. Если бы было за что, я бы море выпил... Погоди!

Давай за дерево. А?

Б о р о д а т ы й. Не понимаю. А оно причём?

Л ы с ы й. Чтобы его кто другой спилил.

Б о р о д а т ы й /икнув/. А-а, тогда принимается.

Выпили.

Л ы с ы й. Слушай, Бородатый...

Б о р о д а т ы й. Бородатый всегда слушает.

Л ы с ы й. А зачем пней столько?

Б о р о д а т ы й. Где?

Л ы с ы й. У нас. Вон. Ты посмотри только – куда глаз не поверни, всюду – пни. И высокие, и низенькие...

Л ы с ы й. Правда: пни. А я не видал как-то. И толстенькие, и худющие, как моя Зинка. А зачем?

Б о р о д а т ы й. Здесь что-то, Лысый, не так. Подлог.
/Привстал/. Дурят нас. Дурят!
Л ы с ы й. Нас? Дурят? Дурят... нас? Меня? Тебя? Нас? Кто
посмел? Быть не может!
Б о р о д а т ы й /задумчиво/. Одно дерево среди пней стоит, и
то заставляют спилить. Каково? Намёк есть?
Л ы с ы й. Нет намёка.
Б о р о д а т ы й. И, видать, самое лучшее дерево. С хорошей
характеристикой. Если бы оно было дерьмом, то на него никто
бы не обратил внимания. Кому-то же так надо?
Л ы с ы й. Кому? Только мне скажи!
Б о р о д а т ы й. Леснику нашему? Президенту?
Л ы с ы й. Что-то ничего я не пойму.
Б о р о д а т ы й. Думай! Думай!
Л ы с ы й. И так уже волос на голове нету. Футбольный мяч.
Пусть другие думают. Моё дело – пилить. А зачем пилить, для
чего, какому чёрту... это меня мало интересует.
Б о р о д а т ы й. Значит, волосы правильно сделали. Нечего им
делать на дурной башке.
Л ы с ы й. Я тебе завидую...
Б о р о д а т ы й. Вон они, вон... пни... смотри... везде пни...
Л ы с ы й. Вижу... С этими пнями твоими... опьянеешь...
Б о р о д а т ы й.... пни и пни... как песка в Сахаре...
Л ы с ы й. Вижу...
Б о р о д а т ы й. Пни и пни...
Л ы с ы й. Кого пнуть? /Опомнившись/. Да вижу-у-у! Что я, не
в лесу живу-у-у?!
Б о р о д а т ы й. А может нам двоится, троится? /Ищет
глазами поддержки у Лысого, но тот не реагирует/.
Затемнение.
Появляется Лесник.
Л е с н и к. А где же они, мои лысые - бородатые? Вот и пусти

их одних. /Зовёт/. Лысый! Бо-ро-да-тый! /Выдержав паузу/.
Негодяи! Мерзавцы! Мироеды!.. Сорвут ответственное задание.
Сорвут, подонки. В порошок сотрут договор. И не лишь бы
какой – международный! Меж-ду-на-род-ный / /Постучал по
Дереву/. Это не дерево - живая валюта! Валюта-а! Знай
наших! /Вспомнил/. Ну так где же они, алкоголики -трутни -
подлецы? Не вижу. Нету. Ох и достукаются у меня!..
/Исчезает/.

Д е р е в о. Ай-яй-яй-яй! Век, говорят, расти, век учись, а
дураком умрёшь. Ай-яй-яй-яй! Так вот что они задумали,
малочистивцы. Ну, коль за доллары, то и спилят. Рано,
получается, я радовался. Поторопился. Тогда лучше бы там
посадили меня родители – за границей. Они, капиталисты, не
дураки: свои деревья берегут, а наши уничтожают,
оказывается. Так что, старый пень, держи язык за зубами, а то
накаркаешь. Притаюсь. Затихну. Погляжу, что дальше будет..
Вон, вон они идут... бородатые-лысые...

Появляются Бородатый и Лысый.

Б о р о д а т ы й. Пускай, пускай поищет нас лесник.

Л ы с ы й. Лес большой – хрен найдешь. Он, конечно, будет
возле этого дерева крутиться... нас караулить.

Б о р о д а т ы й. Придумаем, что сказать. Дозволь мне! Не
привыкать. Заводи!

Л ы с ы й. Ага /Запускает бензопилу, но она не подаёт
признаков жизни/. Чёрт, а!

Б о р о д а т ы й. Что, не фуричит?

Л ы с ы й. Что-то не хочет.

Б о р о д а т ы й. Дай-ка я.

Л ы с ы й. На ты.

Б о р о д а т ы й /запускает, но и у него тот же результат/. А
бензин? Бензин – нормальный? У кого брал?

Л ы с ы й. Я что, его сам делаю?

Б о р о д а т ы й. Может, и бензин пропил, а воды напузырил?
Вода, поди, бесплатная.

Л ы с ы й /обиженно/. Нет, ну ты знай меру!

Б о р о д а т ы й. Если бы... Дёрнуть сто граммов – не за стоп-кран рвануть: не остановишься. Не фуричит.

Л ы с ы й. Только зря цепь покупали, падла!

Б о р о д а т ы й. Что же делать будем? Д... думай!

Л ы с ы й. Сам думай. Где бутылку взять – я думай, как это дерево спилить – я! Всё я, всё я! Если бы ты тещу имел, то бы мне её, точно, на шею пересадил. /Агрессивно/. Да надоело мне всё! Надоело! /Исчезает/.

Б о р о д а т ы й. А кто же думать должен? Я? /Хватает бензопилу, исчезает/.

Д е р е в о. Не спится, не лежится. Да и разве же заснёшь в наш век? Хорошо, что хотя поблизости не стреляют... с неба ничего не падает, кроме дождя и снега. Но мельгешат перед глазами у меня одни и те же морды. Одни и те же... И перегаром прёт. Фу-у! Кто-то всё время обязательно прячется за меня, а другой, как правило, этого кого-то ищет... И, случается, застаёт на месте преступления с орудием труда – бутылками, и обязательно, почему-то, с луковицей или килькой. Сейчас, правда, порожние бутылки не оставляют – с собой волокут. А раньше же!.. Горы их, горы! Подорожали, наверно. Не слышал, говорить не буду. Сколько живу, одна у людей проблема – выпить... И почему-то все хотят выпить в рабочее время, днём. Я думал над этим... и дошёл своей старой кроной, что к тому времени, когда заканчивается рабочий день, некому пить: все пьяны в дрибодан. /Выдержав паузу/. Кто-то снова идёт. Помолчу. Я, когда люди поблизости, молчу, как рыба, потому как можно выдать себя. Тогда точно уничтожат. За язык. Хотя другой раз, признаюсь, если сдерживаюсь... внутри меня клокочет от всего, что видишь и

слышишь... и тогда хочется вырваться из земли да так притопнуть, чтобы всё затряслось от гнева, мать вашу!.. /Спохватившись/. Цыц! /Исчезает/.

Появляется Бомж.

Б о м ж /вытряхивает из сумки все свои вещи: сандалет, пустую бутылку, рубашку, кусок хлеба. Зло/. Мать их так, людей! Ничего не жертвуюю, а воровать не умею. Если бы воровал, давно бы на "Мерседесе" ездил и в особняке жил. Как тогда. /Грызёт хлеб/. Позапрошлый он, что ли? Последние зубы потеряешь... Почему меня мать – надо бы спросить было, когда жила, – не родила какой-нибудь дикой скотиной? А лучше домашней. Тяпой или Шариком. Спал бы рядом с хозяином на одной постели. А лучше с хозяйкой. Как тогда. Эх! /Подложил под голову все свои вещи, лёг/.

Ночь. На небе мигают-колышутся звёзды, поёт соловей. Д е р е в о /светятся в темноте, словно фонарики, глаза/. Спит, отдыхает земелька. Спит... Я в такую пору, когда люди отдыхают, прислушиваюсь, чем живёт земля, как дышит... Если ветер дует, не трогай ветер, он знает, куда дуть... Бомж храпит.

Этот бездомник меня спросонья ногой пнул. Храпит. Ну-ну. Пусть поспит. Только чтобы потом на мне не нацарапал, что здесь был Вася. Хотя этот без ножа ходит. У него, как говорят, ни ши-ша... только тело и душа. Нету у него, видите ли, и крыши над головой. Если бы была, то здесь не храпел бы... Лишний человек...

На небе вспыхнула луна.

Сейчас хоть жёлуди собирай... Мне ночью далеко всё окрест видно... Вот стог сена из колхозного луга поехал куда-то... впереди трактор... Днём пьют, ночью работают... Загадочный народ вокруг меня... Очень загадочный... Инопланетяне. Здесь поблизости когда-то воинская часть стояла. Пехота -

матушка. Генерал один у них был... грузин. Мужик интересный. Когда разговаривает – все ветки мои на страже, ушки торчком, слушают, ага... с акцентом говор ведёт, с юмором. Как-то собрал он всех командиров, по городку ходят, что-то рассматривают, постоят-постоят, да и дальше идут. А тут прямо перед ними на дороге куча лежит... Не буду говорить чего, вы догадались. И все, как по команде, остановились, на кучу смотрят. А генерал спрашивает: "Чей солдат наделал?" Полковники и подполковники пожимают плечами, переглядываются: кто его знает, чей, только не мой, кажется. Тут командир полка, по территории которого они идут, сообразил наконец-то, что если куча на территории его полка, то и солдат, значит, его. "Мой...– " сказал растерянно, со страхом в голосе. – "Молодец! Дай руку!" – и генерал пожал растерявшемуся было командиру полка ладонь. – Хорошо солдат кормишь! Смотри, какой большой куча!"

Бомж зашевелился, встал.

Б о м ж. Разговаривал кто? Или показалось? Померещилось, поди. Как тогда. /Приложил ухо к дереву/. Звенит, звенит, дерево! Оно – живое, а я – ходячий труп. Скоро и кровь остынет. Неделю не ел. Маковой росинки во рту не было. /Поднял с земли жёлудь, взял на зуб/. Нет, его только свиньи едят... и то дикие. Не человечья это жратва.

Появляется Бородатый. Бомж спрягася за дерево, но его заметил Бородатый.

Б о р о д а т ы й. Ты... ты куда, нищенская морда? /Схватил Бомжа за ворот рубахи/. Говори, кто такой?

Б о м ж. Отпусти. Мне уже не больно. Меня все лупят – привык. Как дерево это – дубовым стал.

Б о р о д а т ы й. Говори!

Б о м ж. Чё говорить-то? Бомж я. Бродяга. Весь свет обсвистел, и вот... и вот вернулся на родину, а здесь – ещё хуже: никто не

подаёт. Как тогда.

Б о р о д а т ы й. Земляк?

Б о м ж. Отсюда... этот дуб помню. В Журавичи ходили на базар, то отдыхали возле него. Сейчас нету базара. И дороги... нету. Только тропка.

Б о р о д а т ы й. Лысого не видел?

Б о м ж. Спал. Только проснулся. А чего... Лысый?

Б о р о д а т ы й. Он, похоже на то, и обычную пилу... "Дружбу-2" пропил, гад. Я что, грызть это дерево должен? Одним зубом? Последним?

Б о м ж. И у меня нету. Как тогда.

Б о р о д а т ы й. Гад! /Выдержав паузу/. А ты, если присмотреться, то ещё молодой человек?

Б о м ж. По паспорту...

Б о р о д а т ы й. Тебя помыть, причесать, нос высморкать... и на деревенский аукцион можно выставлять. Глядишь, какая-нибудь вдовушка возьмёт за ведро картошки. Слушай, земляк! Появится здесь Лысый – взбирайся на дерево и привязывай вот этот флаг. /Подает кусок красной материи/. Держи. И держи Лысого до моего прихода. Понял?

Б о м ж. Ясненько.

Б о р о д а т ы й. Держи верёвку! /Бросил Бомжу верёвку/.

Б о м ж. Зачем?

Б о р о д а т ы й. Привяжешь Лысого, если что... А мне надо быть дома – жена на сносях, беременная, ни сегодня-завтра родить должна. Сына. Так что мне надо побыть дома чуток, пока жену в роддом не заберут.

Б о м ж. Отвози. Рожай. А мне всё равно некуда дёргать. Я пришёл. Даже, чувствую, дерево, как магнитом, притянуло. И не отпускает. "Сидеть!" За ворот держит, как мать или отец. Как тогда.

Б о р о д а т ы й. Дерево пусть тебя держит... договорились... а

ты Лысого... Я быстро! /Исчезает/.

Б о м ж /размотал верёвку, сел у Дерева/. Ну, где тот басурман лысый? Пусть только появится – будет, как тогда! /Кашляет/.

Вот те на! Бронхит. /Перебирает вещи, крутит перед носом сандалет/. А где же, интересно, другой? Есть где-то же. Может, бедняга какой носит сандалет с левой ноги... мыкается. И не может встретиться. Как тогда. Эх, рабочая крестьянская!..

Появляется Лесник. Нервный, энергичный.

Л е с н и к. Где... где они?

Б о м ж. Кто?

Л е с н и к...И вообще, с кем имею авторитет разговаривать? /Придирчиво осматривает Бомжа/. Та-а-а-к. Мельчают, мельчают люди... /Вспомнил, за чем пришёл/. Как сквозь землю провалились! Дерево, дерево спилить не могут, болваны! Р... работнички!

Бомж подходит к Леснику, срывает у него фуражку и видит, что у того лысая, как толкач, голова. Молча берёт верёвку. Уже, понимаешь, не знаю, какое слово подобрать, чтобы их, лодырей и проходимцев, этот гегемон наш, охарактеризовать? Бомж привязывает Лесника к Дереву.

Что... что всё это означает? Я на чьей территории? Я что, в зарубежье? Тогда в каком – в ближнем или дальнем, едрёна вошь? Где я?..

Бомж не обращает внимания на Лесника, а тот особенно и не сопротивляется.

Я... я не понимаю, что здесь происходит. Кто вы такой? Из-под какого корча взялись? С... самодурство! Деспотизм! Я при исполнении! Я в своём лесу! Развяжите! Сейчас же! Кому сказал, а?

Бомж взобрался на дерево и прикрепил флаг. Соскочил на землю, сел и крутит перед носом сандалет.

Отпустите! Развяжите! Последний раз напоминаю! А то будет...

/Трясёт на Бомжа угрожающе рукой/. Бомж... Как тогда.
Л е с н и к. Ты что, непонятое создание, за решётку захотел?
Как дважды два! За решётку? Я у тебя спрашиваю. Я пан леса-
а-а-а-а!

Эхо повторило: пан леса, пан леса, а потом - у-у-у-у!
Б о м ж. Один вот сандалет у меня, товарищ пан. Босой топаю,
а у вас, извините, два. И новые. Нога у вас, пан леса, какая?
Сорок второй?

Л е с н и к. Тебе народ нашей Ериловки и других близко
пристроившихся населённых пунктов никогда не простит. А?
Они за меня отомстят любому. Обязательно. Потому как это я
их, подонок, а не ты, обеспечиваю древесиной.. Если бы не я,
они давно замерзли бы зимой. В старых избушках жили бы. В
землю, в землю ложились бы без гробов. Как мусульмане.

Б о м ж /снял с ног Лесника сандалеты/. Ты себе ещё купишь.
Хватит мне жить, как жил. Баста. Упёрся головой в потолок,
дальше некуда. Продашь лес – и купишь. Не обижайся, дядька.

Л е с н и к. Остановись! Остановись! Отпустишь, вернёшь
сандалеты – и я на тебя заявлять не буду. Принимай мир!..

Б о м ж /натягивает сандалеты/. В самый раз. Аккурат на
меня. И надо же... мы, оказывается, один размер носим.

Л е с н и к /кричит неистово/. Верни сандалеты, ворюга-а-а!

Б о м ж /в движении, восхищается обувью/. Как тогда!..

Появляется Лысый. Заметив привязанного Лесника, сначала
испугался, дёрнул было назад, но затем опомнился, посмелел и
даже бросил на его уничтожающий взгляд. И плюнул.

Л ы с ы й. Я сейчас тебя не боюсь.. когда привязан. Могу и
ещё плюнуть. В рожу. Только ленюсь. /Потряс Бомжу руку,
похлопал по плечу/. Спасибо. Твоя работа, вижу. Спасибо.

Б о м ж. Пришлось привязать. Попросили. Я всегда... Люблю
привязывать.

Л е с н и к. Ты у меня ещё попляшешь, Лысый! Попляшешь!

Л ы с ы й. Могу и сейчас. /Танцует/ Трали-вали, тили-дыли, этих нам не обеща-ли, этих мы не закадрили! Р-раз, два! Р-раз, два! Опа-опа, вся Европа!..

Б о м ж /Лысому/. Погоди, и ты... лысый?

Л ы с ы й. Здесь лысый один я. Я лысым родился.

Б о м ж /кивнул на Лесника/. А он?

Л ы с ы й. Он не тот лысый. Он – шпана! Я могу сегодня его даже укусить. За палец. На ногу. Он в клетке, а тигров, которые в клетках там разных, я не боюсь. Кнут мне! Кнут!

Б о м ж. Нету. Чего нету, того нету.

Л ы с ы й. Хорошо. Тогда мы его пощекочем. /Щекочет Лесника, тот сначала сердится, а потом смеётся/. Ты завёл нас в болото... ты!

Л е с н и к. Не заводил. Врёшь. А если и так, то колья есть болото, там должны быть и черти... извини, люди. Моя территория проходит как раз по болоту...

Л ы с ы й. А говоришь, не заводил.

Л е с н и к. Они сами... как стадо... и влопались...

Л ы с ы й. Вот! Говори, говори!

Л е с н и к. Лысенький, отпусти. Всё прощу тебе. Всё ! Всю неделю разрешаю пить Нет , две, две!

Л ы с ы й. Мало!

Л е с н и к. Пей, пока не выпьешь всю водку.

Л ы с ы й. Леса не хватает. А само болото в чистом виде никто не купит.

Л е с н и к. И пилу можешь не возвращать. Знаю, пропили. Я тебе дам ещё одну... шведку... только развяжи.

Л ы с ы й. Мало!

Л е с н и к. Проси ещё, чего пожелаешь. Проси!

Л ы с ы й /выдержав паузу/. Похмели.

Л е с н и к. Бери. Бери. Сдачу не возвращай. В правом кармане. Все деньги бери. С кошельком.

Лысый. Кто бы отказался? /Взял деньги, Бомжу/. Сбегай. Магазин найдёшь. Ты ветром пропах – знаешь, поди, карту любой местности.

Бомж. Да, да. Да!

Лысый. Только не исчезни. Из-под земли достану.

Бомж. Сбегаю, почему ж... /Хочет что-то сказать, но не решается/. Сбегаю. Но сначала развяжи пана лесника. Я привязал его ошибочно... он на твоём месте...

Лысый. На моём?

Бомж /часто кивает/. Да, да, да.

Лысый. Ты чего это околесицу несёшь, пацан вчерашний?

Лесник. Он в точку, в точку!.. Прислушайся, Лысый!

Лысый /бросил Бомжу кусок хлеба, тот жадно ест/.

Отработаешь добросовестным трудом. Служи хорошо – и займешь кусок сала.

Лесник. Вы разобрались или нет, в конце концов? Быстрее разбирайтесь, п... падлы-ы! /Часто и нервно топает ногами – так, когда сильно хочется по нужде/. А то поздно будет...

поздно... поздно... Лысый! Отвяжи, я за дерево сбегаю, тогда снова привязывай, чёрт бы тебя побрал! /Топает ногами ещё более решительно/. Я прошу... как друга... га-га-га-га-га-га-га... как подчинённого... га-га-га-га-га-га... Нету, видимо, страшнее наказания быть привязанным к дереву в самый критический момент... Пощадите. Пощадите. О, Господи!..

Руки заняты... прости... не могу перекреститься...

Дерево /строго/. Уведите его от меня! Уведите! Уведите!..

От услышанного все переглянулись, удивлённо и откровенно.

Лысый. Кто... кто говорит? У кого голос прорезался?

Дерево. Дерево говорит!

Лысый. Ка... какое такое дерево?

Дерево. То, что перед тобой, остолоп. И хватит ко мне привязывать разных... воняющих... пахнущих не понятно

чем!..

Б о м ж. Это у меня от постоянного недоедания. Дожился-я! Каюк! Амба! /Бегают вокруг дерева, а потом падает на землю/.

Л ы с ы й. И я допился. Деревья начинают разговаривать. Деревья-я!.. /Дико кричит и бегают по одному месту, высоко поднимая ноги/. Верните Горбачёва! Хватит пить! Заткните этим деревьям рты! Кляпы им! Когда и они ещё языки распустят, то очумеет вся нация, которая полвека назад нагёрла сопатку самому Гитлеру! Спасайтесь! /Заткнул уши руками, упал, словно подкошенный, возле Бомжа/. Аминь!.. Л е с н и к. А кто меня спасать будет"? Кто-о-о-о? /Вдруг проглотил язык, виновато/. Ой! Зачем... зачем так громко крикнул?

Д е р е в о. Ну, вот... получайте. А мне тут нюхай... Загадили весь воздух вокруг меня. /Громко, зло/. Уберите этого в фуражке от меня! Лысый!

Л ы с ы й /спохватившись/. Я... я... сейчас... сейчас... Будет сделано... чин по чину... /Развязывает Лесника, тот, словно стреноженный, потопал подальше от Дерева/.

Б о м ж /поднял взгляд на Лысого/. Бежать? В магазин?

Л ы с ы й /с оглядкой на Дерево/. Дай, дай подумать. /Ходит, думает/. Дерево против ничего не имеет... кажется... Значит, надо, надо, братан!

Б о м ж /энергично/. Понял! Да, да... Я на одной ноге! Как тогда! /Исчезает/.

Д е р в о. Опять на меня, антихристы, флаг повесили. На этот раз – красный. А вешали за мою жизнь всяких цветов... какие только есть на земле... и каких нету. Одни прикрепят, другие – сорвут. Хуже того, по флагу, бывало, лупят из винтовок... Пулю в флаг, десять – в меня. Стрелки. Терплю. Что поделаешь – такова судьба... деревянная. /Лысому, который слушает, разинув рот/. Ты кто такой, шалопут?

Лысый. Лысый!

Дерево. Да это я вижу. И что не ангел – тоже. А работаешь где? Или только водку пьешь?

Лысый /растерянно/. Ра... рабо... таю... ем... работаем.

Выдаём. А водку... то это поменьше, чем работаем. Погоди, Дерево! Дерево, значит? Я правильно?..

Дерево. Дерево, Дерево.

Лысый. Дай подумать. Думаю. Так, так, так, так... А, ты знаешь, и затрудняюсь я сказать тебе, чего больше делаем – работаем или квасим? Ага!

Дерево. И меня, значит, спилить хотите?

Лысый /испуганно/. Не я, не я! И Бородатый не хочет. Это всё он, Лесник! Он! Тот, который только что возле тебя воздух испортил. Или, проще говоря, в штаны наложил... Он! Он!..

Дерево. Начальник ваш?

Лысый. Да какой начальник! Но... боимся. Когда не привязан... Он для нас – Бог. Захочет – казнит, захочет – помилует.

Дерево. Тогда его слушаться надо. Что ж, пилите и меня, если приказал Лесник.

Лысый /удивлённо/. Что, и ты не против?

Дерево. Чему быть, того не миновать.

Лысый. И не боишься, что срежем? Чик-чирик – и тебя нету! Нету! Нету!

Дерево. Не боюсь.

Лысый. А вот в это не поверю. Не поверю. Не поверю, чтобы Дерево само хотело быть спиленным...

Дерево. Само не буду. Вы спилите.

Лысый. Мы? /Почесал за ухом/. Или... посышалось? Да, правильно: мы А... чем?

Дерево. Чем пилят все нормальные люди.

Лысый. Да что ж нормальные! Пока живи. Мы, скажу тебе

по секрету, пилу пропили. С потрохами. Ну, невыкрутон был!.. Ага!..

Д е р е в о А вот этого делать не стоило бы.

Л ы с ы й. Нет, чтобы радоваться, так оно нам мораль выдаёт?

Ничего не могу понягь. Ни на грамм.

Д е р е в о. Вишь, у тебя одна мера измерения – грамм.

Л ы с ы й. Ага. Только грамм – мало. Ерунда. Так, лизнуть... А лучше в сто пятьдесят раз – сто пятьдесят! А?

Д е р е в о. Спасибо, я пожил. Надоело. Ничего хорошего в этой жизни нету. Снег, холодный ветер... И вы...

Л ы с ы й. Притворяешься, да? А начнёшь пилить – как врежешь со всего размаха по котелку... последние мозги вышибешь Знаю тебя. По одному голосу не трудно определить – дуб. Металл! Ого-го-о!..

Д е р е в о. Мне даже, признаюсь, интересно стало, спилите всё же вы меня или нет? Осилите ли?

Л ы с ы й. Э, знаю, знаю... И ты, значит, за границу захотело? Вишь, куда харю-то повернуло. /Тихо, словно выдаёт большую тайну/. Тебя наш Лесник уже продал... Кому? Куда? Да, да, за границу... спилим, под-считаем, сколько листочков имеешь, и за каждый листочек... зелёнький – зелёнькая бумажка. Вкусно? Нет, совсем не лавровый листок!.. Тут не Грузия!.. Вкусно, а?..

Д е р е в о. Не очень. Потому как пользы мало. Только возле меня ещё больше аромата этого будет... /Представив, содрогнулся/.

Прибегает Бомж.

Б о м ж /ушнётённо/. Как тогда! Как тогда!..

Л ы с ы й. Где водка?

Б о м ж. Я же и говорю: как тогда. Отнял Лесник у меня деньги. И в придачу пинка дал. Влепил так... вот сюда, что я через макушки деревьев перемахнул, кажись!..

Лысый. Где он?

Бомж. Возле реки штаны моет.

Лысый. И чтобы ты, уважаемое Дерево, сделало с тем хозяином всего вот этого объекта... массива?

Дерево не отвечает.

Посоветуй, если умное!

Дерево молчит.

/Отчаянно/. Все вы такие, демократы! Все! Только когда под нос вам... тогда начинается фыркать... шевелить губами...

/Исчезает /.

Бомж /вдогонку Лысому/. А мне чего ж? Человек? Лысый?

/Садится под Дерево. Скучает /.

Затемнение.

Солнечное утро. Пение птиц. Под Деревом спит Бомж.

Появляется Бородатый со свёртком на руках, немного отстала от него Жена. Жена у Бородатого значительно старше, чем он, когда идёт – волочит ногу и поэтому помогает себе палочкой.

Бородатый /весело, торжественно/. У меня сын родился! Сын! Сын!

Бомж вскочил.

Видишь? Протри глаза! Я сейчас богатый человек!

Бомж. А кто... а кто желудь бросил

Бородатый. Да желающий было много!..

Бомж. Поздравляю, если так.

Бородатый. Так, так! Да каждый двадцать пятый мужик чужого сына растит. Но я двадцать четвертый. А это его мама, моя – жена.

Жена /кивает, не надевая Бомжа взглядом/. Э-ге, э-ге.

Бомж. Что она сказала?

Бородатый. Э-ге, э-ге. Запомни : чем меньше говорит баба, тем легче мужику.

Бомж. А-а! Буду знать!.. Из роддома, получается, путь

держите?

Б о р о д а т ы й. Чтобы из роддома возвращаться, туда надо сначала попасть. А мы... скажи, любимая... /Целует Жену/.

Ж е н а. Э-ге, э-ге.

Б о р о д а т ы й... не доехали. Правильно. На пол - дороге бензин кончился. Пришлось мне самому принимать роды. Но овчинка выделки стоит. Дай я тебя, ягодка, ещё разок поцелую. За сыночка. /Передал свёрток Бомжу, целует Жену с космической скоростью/. Это у меня первый сын, Бомж ! И, надеюсь, не последний! Да, ягодка? И не комом, а комочком, заметьте!.. А это две большие разницы!.. Или три!..

Ж е н а. Э-ге, э-ге.

Б о р о д а т ы й. А у тебя, любимая?

Ж е н а. Э-ге, э-ге.

Б о р о д а т ы й. Ну, вот!..

Б о м ж. Что она сказала?

Б о р о д а т ы й /забрал свёрток у Бомжа/. В последнее время и у нее первый... ребёнок. Не обращай внимания. Пошли, пошли, любовь моя. Нам главное – дойти... дотопать...

Ж е н а. Э-ге, э-ге.

Бородатый и Жена исчезают.

Б о м ж /с завистью/. Хотя и старая, хотя и солома вместо глаза торчит, но после неё же останется Бородатому дом. Мне бы!

Д е р е в о. Человек должен сам построить дом, посадить дерево, дожждаться внуков.

Б о м ж. Это в мой адрес, Дерево? Я тебя правильно понял?

Д е р е в о. Как хочешь, гак и понимай. А что касемо Жены Бородатого, то я помню её ещё с тех пор, когда и сам и сам приплясывал... Все умерли давно, первые женихи её, а она рождает... Говорить разучилась, а – рождает...

Б о м ж. Дом, дерево... Всё это я сделал. Поверь мне. А ночью

возле тебя... под голым небом. Когда белые мухи полетят, надо будет бежать куда. Раньше в Среднюю Азию, в Ашхабад, на зимовье... там тепло... и люди хорошие... а летом – сюда... там – жарко...невыносимо жарко... Но сейчас перед зимней обителью поставлен шлагбаум.

Д е р е в о. А чего ж один? Или не способен на семейную жизнь?

Б о м ж /с достоинством/. Кто – я? Да брось ты это, Дерево! Брось! Полноценный! Как тогда!

Д е р е в о. Я не хотел тебя обидеть, человек.

Б о м ж. В тюрьму попал. Пока коротал там, моя кастрюля замуж за дружка выскочила. Мне фигу под нос от обоих. Вот такую. /Показал/. Вернулся к разбитому корыту. А золотая рыбка не попадается чего-то...Прописки нету, квартиры – тоже... Вот и болтаюсь с того времени. А дом есть... Сам строил квартиру кооперативную... И дерево где-то растёт... Не одно... А больше спилил в тайге... Так что спасибо нашему государству. За мудрые законы. Спасибо ему. Как тогда. Сейчас, говорят, вроде бы жена не имела такого права выписывать меня... в тюрьме ты или в Антарктиде...

Д е р е в о. Прижимайся ко мне, браток, поближе. Ещё рано. Поспи.

Б о м ж. Мне бы к чему потеплее прислониться. Ты – Дерево. А дерево оно и есть дерево. В дождь под тобой хорошо.

Д е р е в о. Это так. Это да. Дерево – ни мужик, ни баба. Среднего рода оно.

Прибегает чем-то взволнованный Лысый.

Л ы с ы й. Слыхали? Нет, вы слыхали? И правда, ити их за ногу, у Бородастого бабка сына родила! Сам видел! Сам! Вот этими! Вот те крест! /Перекрестился/. Я думал, что она в таком возрасте не способна, а она... ити их за ногу! Все же говорили, что подушку подкладывает. Вот она, подушка, – три

семьсот! И не кашляй! Всё это бы ничего, до лампочки, но я же побился с Бородатым об заклад... на ящик водки...

белоголовой... что его старуха никогда, ни за что не сможет забеременеть... у неё же ничего уже, выдать, нету...

Д е р е в о / кашляет /. Извините. Поперхнулся.

Л ы с ы й. Ничего. Я тоже чуть не подавился было, когда Бородатый мне под нос ткнул. Смотрю на его, а ящик с водкой вижу. Нет, что ни говорите, а всё зависит не от бабы – от мужика, от жеребца -производителя. Ити их за ногу!

/ Исчезает /.

Б о м ж. А правда, в том свёртке сын был?

Пауза.

Получается, что так. Да и не я же спорил на ящик водки. Не квакал вроде бы. Сверток?

Д е р е в о. Видишь, что делается. А ты на себе крест поставил. Рано. Одумайся, человек.

Появляется Шугалей.

Ш у г а л е й / энергично, воинственно /. Какой мерин запёр флаг на самую макушку? Этот дуб – рейхстаг? Или сельсовет? Я у вас спрашиваю, гражданин? Ты кто, Контария или Егоров? На грузина, вроде бы, не похож? Егоров, говорят, на «Волге» разбился...

Б о м ж. Дак... как тогда... ага...

Ш у г а л е й. Если на каждое дерево по флагу, сколько это мануфактуры понадобится? Не будет чем интимные вещи прикрывать. А у нас народ такой: стоит пример подать, стоит увидеть флаг на дереве у соседа, и все отфлагуются...

понавешивают флагов на яблони, груши, вишни, не говоря уже про берёзы да сосны, партизанские сестры... и на них похожие. А в лесу сколько деревьев? Или это, может, твоё отдельное государство здесь, под деревом? Молчишь. Не находишь, что сказать. Так-так. Со своими атрибутами, так

сказать? От Хусейна какого сбежал и основал у нас свою республику?

Б о м ж. Вы мне государственный переворот не шейте. Как тогда.

Ш у г а л е й. От фактов, уважаемый, никуда не денешься. А насчёт шитья, так знай: что надо, то и пришпандорим! Было бы кому!..

Д е р е в о. Зря ты так на этого человека...

Услышав голос Дерева, Шугалей испугался, и не нашёл ничего более существенного, как спрятаться за само Дерево.

Не его вина... Сразу после войны подле меня сапёры стояли... Шугалей перекрестился.

Проверка у них была. Построили всех под шнурок, амуницию проверяют. У одного солдата взяли лопатку, начали делать замечания: она и грязная, и тупая, и черенок, мол, треснул. Офицер насчитал, таким образом, пятнадцать недостатков. Тогда солдат не выдержал, вырвал у проверяющего лопатку и забросил за забор. Пишите, говорит, один недостаток: нет лопатки!

Ш у г а л е й. А флаг надо снять. Флаг – не лопатка. Байками меня кормить не надо. Я сам был в войсках замполитом.

Д е р е в о. Ну и сними, если тебе больше надо, чем другим. Мне флаг не мешает. Привык.

Ш у г а л е й /удивлённо-нагло/. Я? Ты, Дерево, обо мне?

Д е р е в о. Как послышалось.

Ш у г а л е й. Этот флаг уже увидели далеко. А коль мне приведётся его снимать, то... выдерну из земли вместе с Деревом! Чей он? Чей флаг?

Д е р е в о. Мой.

Ш у г а л е й. Ты, старикан, много на себя берёшь.

Надорвёшься.

Д е р е в о. Не больше, чем некоторые...

Б о м ж /вскочил на Дерево, сорвал флаг/. Пиши, дядька, один недостаток: нету флага. Что болгается он, что нет, от его пользы не очень много. Пользы больше от буханки хлеба.

Повесь её, я сорву без напоминаний.

Ш у г а л е й. Вот сейчас другое дело. Я буду интересоваться, как у вас тут жизнь идёт. Для того и щука в реке, чтобы карась не дремал. /Исчезает, важно задрал голову, армейским шагом/.

Б о м ж /аккуратно разостлал флаг/. Пусть будет мне вместо скатерти. Позавтракаю. Как тогда.

Д е р е в о. Приятного аппетита.

Б о м ж /грызёт всё тот же чёрствый кусок хлеба/. Как же ты столько, Дерево, живёшь?

Д е р е в о. Ты мне?

Б о м ж. Тебе, Дерево.

Д е р е в о. Живу-у...

Б о м ж. Надоело?

Д е р е в о. Надоело.

Б о м ж. Понимаю. От всего, что видело, наверно, рехнуться можно?

Д е р е в о. Можно. Но всё равно, друг мой, корпеть под небом хочется. Не верь, человек, тому, кто говорит: скорее бы умереть. Не верь. Умереть не страшно – жить хочется.

Б о м ж. Хочется. Даже мне, бездомному. А ещё хочется хорошо жить.

Д е р е в о. Живи, кто ж не даёт?

Б о м ж. Судьба. Как тогда.

Пауза.

Д е р е в о. Вон, видишь, пни... То мои родители, дети, внуки... соседи... На моих глазах их порешили... мало кто сам сгнил.

Это всё, что от деревьев осталось. На моих глазах окончился их жизненный путь... Че-ловеку хотя бы можно было отвернуться

или глаза закрыть, чтобы ничего не слышать и не видеть... Мне же – нет... Я – Дерево... Можно подумать, что нам, деревьям, не больно. Больно. И за вас, бездомных, выброшенных на свалку, под корой ноет... Не думайте, что середина у нас насквозь дере-вянная. Когда пить или дышать хочется, мы – живые. Так, как живым, и больно. С какой стороны ветер дует, холодный он или нет, – мне хорошо знакомо... Когда тёплый ветер, и я за людей радуюсь: хорошо им, когда тёплый ветер. Сдаётся мне, видится, что ты, человек, хороший... добрый... то тебе и покажу, что у меня припрятано. /Протягивает свёрток/. Держи. Держи, держи. И сбереги. Меня могут и в самом деле спилить. Это я заношусь только, но от таких людей, как Лысый и Бородастый, всякого ждачь можно. А там, в бумажках, много чего хорошего... интересного. На меня повесят объявленьице, повисит - поболтается оно, свою службу сослужит, я тогда и беру эту бумажку себе. О-о, ко мне много людей приходило – объявления те читать. Много-о!..

Б о м ж /взял свёрток/. Я не дам тебя, Дерево, погубить! Не разрешу!

Д е р е в о. А кто ты такой? Ты хотя бы себя защитил, человек. Да и не ты здесь начальник – Лесник. Ему решать, жить мне или нет.

Б о м ж. Жить! Жить, Дерево! Жить!

Д е р е в о. Ты просмотри, просмотри эти бумажки.

Б о м ж /читает заглавия/. " Все на войну с французами!", " Все на бой с белополяками!", " Все на войну с фашистами!", "Приглашаем на концерт с... с..." /Не может разобрать, что написано/. С Шаляпиным, или как?

Д е р е в о. Я многих слышал. Пусть у тебя будет этот свёрток.

Б о м ж /возвращает/. Нет, я не возьму. Я ненадёжный человек.

Д е р е в о /забрало свёрток/. Первый раз встречаю человека,

который даёт себе объективную, справедливую характеристику. Обычно даже дурак считает себя умным созданием.

Б о м ж. Где я буду завтра, что буду делать – неизвестно. Может таких, как я, начнут отлавливать, как беспризорных собак, и отправлять на мыло. А бумаги – ценные...

Появляется Бородатый.

Б о р о д а т ы й. Лысый был?

Б о м ж. Нет.

Б о р о д а т ы й. Поросёнок! Никак встретиться с ним не можем. И дома все углы обшнырял. Снего же ящик водки!

Д е р е в о. Только не пейте возле меня.

Б о р о д а т ы й /поморщился/. Да и тебя ещё спилить надо, ё-моё! Когда всё успеть? Столько дел сразу навалилось! Лесник нам плешь перегрызёт.

Появляется Лысый. На спине несёт ящик водки.

Д е р е в о. Они подолгу один без одного не могут. Братья-близнецы.

Б о р о д а т ы й. О-о-о! А мы тут тебя только что вспоминали! /Лицо озарилось радостью/.

Л ы с ы й. Каким словом вспоминали, я слышал. Молодцы.

Д е р е в о /строго/. Пить возле меня не разрешу!

Л ы с ы й /как держал ящик на спине, так и застыл, медленно и важно повернул голову на Дерево/. Кто-то что-то сказал?

Б о р о д а т ы й. Дерево против, чтобы мы здесь пили.

Л ы с ы й /поставил ящик на землю/. Дома жена пилит... тьфу ты, про пилу ни слова!.. Дома жена командует, на работе – Лесник, на природе – Дерево. Не много ли командиров для одного Лысого? От такого внимания у меня, чувствую, могут волосы на голове вырасти.

Б о м ж. Проходи, проходи! Как тогда!

Л ы с ы й /Бомжу/ Ты, шмакодявка, мне?

Д е р е в о. Ясно, что тебе.

Л ы с ы й /Дереву/. Помолчи! А то заткну рот раз и навсегда!
/Бомжу/. Ты что, паскуда, захотел постоять там, где и Лесник?
Запасные штаны есть?

Д е р е в о /дало пинка Лысому, тот распластался/. Вон
отсюда! Вон, негодяй!

Л ы с ы й /медленно встаёт/. Это Дерево совсем нагим стало,
как только пилы пропили. Разве таким оно было? Кто мне
скажет? Борода? Бомж? Молчите. Ну, дубяра, погоди!

Б о р о д а т ы й. Молчу. Я молчу. Если вдруг все деревья
объединятся в какой-нибудь профсоюз...

Лысый смеётся.

.. и начнут нас бомбить, людей, то место себе они смогут найти
только на небесах. Но туда мне пока не хочется. Загалкивай,
Лысый, снова ящик на свой горб и пошли отсюда. Подальше от
греха.

Л ы с ы й. Принципиально не пойду Насмерть стоять буду!..
Как панфиловцы!..

Д е р е в о. Переколочу все бутылки. До единой. Так и знайте.

Б о р о д а т ы й /закрыл собой ящик с водкой/. Дерево
сделает! Разве же не видишь, что оно за фрукт? Уносим ноги!

Л ы с ы й /сопит, скрепит зубами, взваливает ящик на спину/.

А ты, Бомж, соси лапу, если такой умный.

Б о м ж. Как?

Л ы с ы й. А так!.. (Показал).

Б о м ж. Давай, давай! Как тогда!..

Л ы с ы й /Бородатому/. Они здесь спелись. Два сапога – пара.

Один в землю врос, другой – землёю зарос. /Дереву/. Смотри,
поосторожней. Если пилу пропили... так что, издеваться
можно?

Д е р е в о /поправляет/. Две.

Л ы с ы й. Пусть так. Если две пилы пропили, то у нас лопаты

есть –подкопаем корни, долго не постоишь... покашляешь, покашляешь, и отбросишь копыта... Но помучаешься, пада!!! /Исчезает/.

Б о р о д а т ы й /тихо, чтобы не слышал Лысый/. Не связывайся ты с ним, Дерево. Помолчи. Проиграл мне человек ящик водки. Поставь себя на его место. А? /Исчезает/.

Д е р е в о. Можно жить спокойно. А ты, человек, в баньку сходил бы. Сегодня в Ериловке – день чистоты. Банный день. Сбегай.

Б о м ж. Денег нету. Как тогда.

Д е р е в о. Здесь я тебя не выручу.

Б о м ж /решительно/. Но пойду! Так и быть! Смою всю грязь. Когда-то же надо. Свет не без добрых людей – кто-то найдётся и пустит в свою баньку. Не горюй, друг Я не задержусь. Только одно плохо – в этой Ериловке меня собаки не знают.

Д е р е в о. Познакомишься.

Б о м ж. Не хотелось бы. Но придётся. Вещи мои посторожи. Как тогда.

Д е р е в о. Иди, иди. Помойся, помойся, человек. Мне в этом плане полегче – дожди идут часто...

Бомж исчезает.

На одном месте живу и живу себе помаленьку. Не летун. И хорошо. И хорошо! Чего я там, дальше, не видал? Такой же лес, такая же земля, такие люди, должно быть. Вон и камень возле меня, сколько помню, лежит и лежит на одном месте... Мхом оброс... Старый... Лежит и не шевелится... Сопит, видать, себе под нос, песни про свою горестную долюшку напевает... А может, про счастливую? В чужую душу не заглянешь... Когда подхватится ветер с той стороны /показал на Запад/, и ветки мои растревожатся, то новости со всего света поступают ко мне, как по заказу... на любой вкус, только хватать успевай... По всем каналам... со всех Америк и Германий...

Сейчас не трещит, как раньше... чисто поступает информация... Интересуюсь жизнью планеты, а как же. Я же Дерево – не пень... Изю всех людей мне Нострадамус нравится. Умник. Эти, последние, помельче, помельче. Мне, если честно, лётчики и космонавты тоже нравятся. Импонируют. Они высоко А кто всё время на земле, тому там, за облаками, хочется побывать... Чкалов, Гагарин Юрка... В небе, в небе летали. Счастливые. Там что ни сделаешь – не видно... Делай, что хочешь. Эти же, на земле, возле меня которые трутся всё время, словно рыба в нерест, ох и опротивели. Напасть какая-то. Жугъ. Мошкара надоедливая. Хотя, бывает, когда настроение есть – и с ними хорошо, негодьями. Я тоже хорош: капризный. Грех на людей дурные слова говорить, а говорю. Бог их пустил на землю, чтобы они помыкались тут, чтоб хлебнули... Бог и заберет. Как и всё живое. Вечные, видать, только небо, земля, солнце...

Вон, вон над Ериловкой баньки дымком небо достают...

Появляется Шугалей.

Ш у г а л е й. Ну, как тут у вас? Тихо? Спокойно?

/Внимательно и придирчиво осматривает всё, что только можно/. Флага больше нету. /Задрал голову/.

Д е р е в о /пессимистически/. Ничего у нас больше нету.

Ш у г а л е й /настороженно/. Ну-ну! Тише говори, Дерево, а то услышат вражеские элементы, разнесут всё по белу свету.

/Громко, артистически/. У нас всё есть! Всё! Даже доллары! А как же? Но на первом плане – демократия! Она, родимая! На втором – колбасы! Если бы не было колбас, не было бы и демократии. А где все твои?

Д е р е в о. Вон... пни.

Ш у г а л е й Пни пнями. Здесь, насколько мне помнится, люди ошивались. Между прочим, а кто тот, грязный? На Будулая похожий? Не лишним было бы у него и документик

потребовать. Может, шпион из Украины. Или из других стран ближнего зарубежья. Замаскировался здесь в отрепья и ходит себе, понимаешь, вынюхивает нефть, а может и того больше – газ, цветные металлы.. или, даже, наши бутылки собирает?.. Есть у него документ?

Д е р е в о. Не проверял.

Ш у г а л е й. А зря, а зря! Бдительность! Только бдительность! /Запел/. «На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят...» Так что, Дерево, в сельсовет, в сельсовет всех и каждого, кто появится в нашей зоне. Ясно? /Прикрепил к Дереву бумажку/. И нам плюс: пусть кто скажет, что не работаем! /Исчезает/.

Д е р е в о. Обормот!

Появляется Лысый. Под "мухой", с хозяйственной сумкой. Л ы с ы й /бросил воинственный взгляд на Дерево, достаёт бикфордов шнур и динамит/. Рыбалка подождёт. Я покажу этому Дереву, как меня, аборигена, не уважать, под корень затаптывать. Здесь не пей, там не кури. А жизнь человеку даётся всего один раз, и её надо прожить так, как сказали Корчагин с Островским в один голос... чтобы потом не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы Подготовься, Дерево! Лысого помнишь? Это я, я! Сейчас ты наконец-то узнаешь, что такое смерть. Она с косой ходит. С девяткой. У нас есть, кроме пилы, другое средство... ещё более действенное. За это не волнуйся. /Подложил под Дерево динамит, растянул по поляне шнур/. Будет Хиросима. И Нагасаки. Сейчас. Подожди немножко. Дыхни последний разок, дыхни. Прощайся, Дерево, с жизнью. Молчишь. А что тебе сказать? Ты всё сказало. Нечего. Не то время. Поехали-и! /Но спички, все как одна, не загораются. Нервничает. Злится/. Да, чёрт! Когда уже научатся?.. Руки бы им, гадам!. Бракоделы!.. /Бросил спички, сгрёб бикфордов шнур, динамит

и заголкал в сумку/. Погоди. Особенно не веселись.

Д е р е в о. Плакать, плакать хочется!

Л ы с ы й. Я вернусь! Жди! Ещё поплачешь!.. Чего-чего, а этого добра у нас хватает! Слёз! Передачу смотришь «Ищи меня»?

/Исчезает/.

Д е р е в о. Приходи, приходи, Лысый. Без тебя скучно. Бог вас разбросал по несколько человек, Лысых и Бородагых, на каждую деревню... городу побольше подсыпал... /Вздыхнув/.

Эх, парни, парни!.. Бабу обнять вы хотя бы можете? Вряд ли.

Пустоцветы. Раньше были мужики – богатыри, не сравнить. На моих глазах пить научился народ, на моих. Все пьют – от... и - и - и до уборщицы.

Наплывает счастливый женский смех. Появляются Бомж и Настя. Бомжа не узнать – в новой одежде. Настя катит тачку.

Н а с т я /весело, счастливо/. Ну, показывай, где твои вещи?

Б о м ж. Сейчас. Сейчас. /Взял торбу/ Вот они. Здесь. Как тогда.

Н а с т я / от увиденного выпустила из рук тачку/. И для всего этого богатства я свой тарангас тянула? Сказать не мог?

Б о м ж. А я, чудак, думал, что тебе тачка нужна для других целей. Как тогда.

Н а с т я. Покажи, что у тебя хотя там? Хвались! /Вытрясла из торбы сорочку, трусы, сандалет. Хочет ещё хотя бы что вытряхнуть, но бесполезно). Богато живёшь. Шикарно.

Сандалет с какой ноги?

Б о м ж. С правой.

Н а с т я. Отдашь Никону. Размер не беда – приспособится. У него одна нога, а какая... я и сама не помню. Знаю, что на костыле скачет. Тебя-то хотя как звать-то?

Б о м ж. Колька.

Н а с т я. Колюнчик? Сжечь барахло, Колька!

Б о м ж. Нет, нет! Не разоряй! Я заберу. Не могу выбросить –

привык. Они, эти вещи, со мной прошли полсвета.

Н а с т я. Нет, и правда: ты, Колька, стал на человека похож. /Восхищается им/. Налюбоваться тобой не могу. А первый раз увидела тебя, чуть не крикнула: спасайтесь, кто может, чёрт лезет! А ещё если б тебя отмыть тем порошком, который по телевизору рекламируют, от баб отбоя бы не было. Даже мне захотелось тебя... /Обняла Бомжа/. Ты ещё ничего... тёплый... как вчерашний блин...

Б о м ж /отбивается/. Не тут. Не надо. Нас видят. Как тогда.

Н а с т я. Кто нас здесь видит? Какая сволочь?

Б о м ж. Тише, не буди Дерево.

Н а с т я /приложила руку ко лбу Бомжа/. В моей бане ты, случайно, не перегрелся?

Б о м ж. Слышишь, посапывает?

Дерево сопит во сне.

Тише.

Н а с т я. А всё равно я тебя изнасилую. Ни тут, так там...

Б о м ж. Там. Там. Я согласен.

Н а с т я /энергично/. Загружай сандалет! /Взяла тачку/.

Бомж положил на тачку сандалет и другие вещи.

За мной!

Б о м ж /тихо/. Ты едь. Я догоню. Как тогда.

Н а с т я. Что, и ты сбежать решил?

Б о м ж. Нет, нет.

Н а с т я. Знаем таких. Учёные. Как только про что серьёзное, не говоря уже о сексе, намекну, ваш, мужики, и след испаряется!.. На этот раз я привяжу тебя к своей руке. Куда я, туда и ты.. куда ты, туда и я. И так буду ходить, пока на огороде все работы не закончим. За мной!

Б о м ж. Иду, иду.

Д е р е в о /тихо, чтобы не слышала Настья/. Иди, иди. Потом поговорим. Время будет. Я рад за тебя, человек. Рад. Беги.

Беги за своей Настей... Будьте счастливы!

Бомж часто кивает и торопится за Настей.

А то совсем голову повесил. Была бы шея – хомут всегда найдётся.

Пьяного Лысого тянет на веревке Лесник.

Д е р е в о /сиронией/. Лысый, как и обещал, вернулся.

Л е с н и к. Веселее, веселее! Почти пришли, почти притопали.

Ты же раньше очень весёлый был... храбрый, как заяц.

Л ы с ы й /поёт/. "А я лягу прилягу-у у-у... край гостинца старого-о-о-о..."

Л е с н и к. Ляжешь, ляжешь. Только сначала постоишь. Как и я. У Дерева

Появляется Бородатый. Он не идёт – плетётся.

Л ы с ы й /заплетающимся языком/. Петрович, ну прости, прости. Немного повеселились. Сын родился... у Бороды. С кем

не бывает? Ты же нормальный мужик. Таких мир не видал.

Выходишь даже с этим Деревом на международную арену. А Дерево спилим. Как дважды два! И наши в дамках! "А я лягу прилягу-у-у-у..."

Б о р о д а т ы й. Кого... кого спилить надо? А-а, всё Дерево это... А мы что, его разве не спилили ещё? Надо же!.. Ничего.

Родина скажет – Бородатый и Лысый тут как тут. Спилем, Петрович! Не всё сразу. Сразу всё не получается. Не-е-ет.

Рассуди, как мужик: что важнее – ящик водки или вот это Дерево? Что... что важнее? А? /Упал. И замолчал/.

Л е с н и к /привязал Лысого к Дереву/. Один успокоился. И ты не навредишь. Так и стой. До утра. Тогда побалакаем. /Исчезает/.

Л ы с ы й. А что? И неплохо. И постою. Почему бы и нет?

Дерево, а ты почему меня, интересно, не встречало? Где фанфары? Почему без аплодисментов? Плохо, что у меня руки привязаны, я бы показал, как надо. Отгони от меня этих

зануд... Фу-у, загрызут комары. Отгони. Бородатый, спасай!
Бородатый! /Дует, крутит головой/. Дере-во-о-о-о-о! Защити!
Кто-нибудь есть здесь, кроме комаров, или нету? Погибаю-ю-ю-ю!..

Затемнение.

Действие второе

Утро следующего дня. У Дерева. Все спят. Первым проснулся
Лысый, который всё ещё привязан.

Лысый /истерическим голосом/. Бо-ро-да-а, мать твою-ю-ю!
Паскуда-а-а-а!

Бородатый /потягивается, поднял голову/. Где мы?

Лысый. На том свете.

Бородатый. Не может быть! Быть не может! У меня же
сын! Наследник! Его же на ноги поставить надо!..

Лысый. Стань хотя бы сам.

Бородатый. Бо-бо-бо-бо-бо... бо-же!..

Лысый. Да не бойся ты – живые, живые... У Дерева.

Подмочили только маленько репутацию... Протри глаза. А
как... а как мы сюда попали? Сами пришли? Вроде бы сидели
у тебя за ящиком водки.

Бородатый. И мне так кажется.

Лысый. А хорошо, что ты родил. Так никогда бы ящик водки
не выиграл у меня.

Бородатый. За ящик водки можно рожать.. Любую бабу
можно уговорить за ящик..

Лысый. А почему это я привязан?

Дерево смеётся.

Бородатый. Это я у тебя первый об этом хотел спросить. А
голова-а! Спасай, мама! /Обхватил голову руками/. Не моя –
чужая! Фу-у! Моя так не болит. Осталось там хоть немного... эй
ты, остолоп... зелья?

Л ы с ы й. А об этом я у тебя первый хотел спросить. Да ты что, паскуда, не видишь?

Б о р о д а т ы й. Тебя что, отвязать?

Л ы с ы й. Он ещё и спрашивает! Допился. Только осторожно...

У меня одна кличка моя, всё остальное пришито рыбацкой леской. Я напоминаю, видачь, памятник возле сельсовета. Чуть дотронься – развалюсь...

Бородатый развязывает верёвку.

Осторожнее!.. Больно!.. Осторожнее!.. Ой! Мать твою!..

Бородатый освободил Лысого, тот, как сноп, упал.

Б о р о д а т ы й. Ты чего, пьян ещё?

Лысый стонет.

Эй, братан, вставай, вставай!..

Л ы с ы й /полушёпотом/. Не могу. Всё тело заклинило...

зацементировалось. Привяжи назад. Выручай. Удружи. Стоять лучше. Закаменел – и хорошо... привяжи, паскуда-а! Сделай из меня Ленина!..

Б о р о д а т ы й. Не говори глупостей. Давай, давай, приходи в себя и пошли. Там должно быть. Там должно оставаться. Если моя баба не допила.

Л ы с ы й. Она что, ещё и пьёт?

Б о р о д а т ы й. Скажи спасибо, что не курит.

Л ы с ы й. Я тогда её задушю. Своими руками.

Б о р о д а т ы й. Успеешь... Не могли же мы с тобой одни с ящичком водки справиться.

Л ы с ы й. А помощников... не было?

Б о р о д а т ы й. Ты не помнишь, а я чего?..

Л ы с ы й. Тогда амба. Кричи караул. Ой, подожди, пусть кровь равномерно разойдется... /Перевернулся на спину, 'бежит" в воздухе ногами/. Скажи что-нибудь. Пока бегу.

Б о р о д а т ы й. Яблоко.

Л ы с ы й. Мама мыла раму...

Б о р о д а т ы й. Ты же просил... /Морщится/. Голова-а! Лучше бы я того сына не рожал. И голова бы не болела.

Л ы с ы й. Тебе же всё мало.

Б о р о д а т ы й. А тебе?

Л ы с ы й. Да пошёл ты, кретин! /Встал, осторожно, как и Лесник когда-то, уходит от Дерева/.

За Лысым, разгоняя перед своим носом воздух рукой, потопапал и Бородатый.

Д е р е в о /ворчливо/. Ну, вот!.. Хорошо день начался.

Хорошо. Фу-у. /И радостно, возвышенно/. Доброе утро, лес!

Доброе утро, поле! Доброе утро, люди! Что во сне вам виделось?

Какие чудеса снились? А может, паскудство какое? Или наша жизнь? За свой век я этих снов насмотрелся!.. Кого только не

видел! И пилили меня часто. Часто. Проснусь быстренько, весь мокрый от страха: ан нет, живой, живой! Они, дураки,

думают, что на мне много денег заработают. Как бы не так.

Вот что они заработают на мне! /Показал фигу/. Я же весь

изранен... в осколках весь... в пулях. Ко мне магнит пристанет.

Пустое место уже я, Дерево, хотя и дуб. Пустое. Поломают,

поломают на мне они зубы. Пробовали уже. Не получилось. Кто это там? /Всмагривается/. А-а, знакомая личность... один из

пильщиков. Можно сказать, главный...

Появляется Лесник.

Л е с н и к /энергично/. Где? Где?!

Дерево молчит.

Есть здесь кто живой?

Дерево молчит.

Есть кто живой, или нет в этом дурацком лесу, едрёна шиш?

Дуб! А ты чего? Спишь? Дрыхнешь? Хватит, хватит спать!

Поспали! И при Хрущёве, и при Брежневеве, и при Андропове, и

при... /Вспоминает/. А при ком это ещё?.. А кто ж там ещё

был? Какая?.. Неважно. Лишь бы был. Не это главное – пора

зарабатывать. Самим. Не подадут. Наподавались.

Наподавались. А я лодырей этих, лысых-бородатых, не могу никак приспособить к работе. Всё им некогда. На всё есть время, на работу – нету. И хоть ты что им. То праздники разные... по календарю которые... то сами напридумывали праздников этих. Ты слышишь, Дерево? Слушай, слушай! Я тебя глупостям не научу. Повальные праздники. А тебя, понимаешь, повалить не могут, богатыри-осилки!.. Я их из-под земли достану! Пора! Пора! Пора! /Исчезает/.

Д е р е в о. Если бутылку перед носом будешь держать, то достанешь, возможно... вылезут из-под земли, будто бы черви в дождь.

Настя везёт на тачке Бомжа. Тот сидит важно, как на троне. Н а с т я. Будешь, будешь, Колюнчик, царьком у меня. А чего? Николашка же был. И ты Николашка. /Остановилась/. Тёзки. Он, правда, Россею сдал. А я тебе не позволю сдать кому-нибудь меня другому.

Б о м ж. Вперёд! Вперёд, Настя!.. Заре навстречу!..

Н а с т я. А...а в какую это сторону?

Б о м ж. С тобой – в любую! Хоть в левую, хоть в правую! Там и заря!..

Н а с т я. Ага. Поняла. Поняла, родненький мой! Тачка сама, сама катится, как колобок, на наш огород. А лопаты у меня там спряганы... Вперёд так вперёд!

Исчезают. Появляются Бородатый и Лысый. С пилой и топором.

Б о р о д а т ы й. Я просил, кажется, на дуб флаг повесить.

Бомжа. Нету флага. Не вижу.

Л ы с ы й. Зачем флаг?

Б о р о д а т ы й. Нашёл на свалке. Кто-то выбросил. Пускай бы повисел.

Л ы с ы й. Здорово, дуб!

Д е р е в о. Очухались?

Л ы с ы й. Представь себе.

Б о р о д а т ы й. Очухались, очухались. Прости, Дерево, но сегодня мы тебя уже точно завалим, и делать нечего!..

Л ы с ы й. Наконец-то спилим!

Д е р е в о. А что надо мне предпринять, чтобы спастись?

Л ы с ы й. Магарыч!

Б о р о д а т ы й. Ищи магарыч.

Л ы с ы й. И будешь жить. /Скучно/. Только где же ты его возьмёшь?

Б о р о д а т ы й. Жить захочет – найдёт. Из-под земли достанет. /Дереву/. У тебя же, кроме пня, и ещё что-то есть.

Д е р е в о /продолжая игру/. Сколько дней даёте?

Л ы с ы й. Дней?

Б о р о д а т ы й (тоже потерял дар речи). Д...дней?

Д е р е в о. Дней, дней.

Л ы с ы й. Нет, оно, Дерево, совсем того... дошло...

Вольтанулось, поди?

Б о р о д а т ы й. А ты постой на одном месте триста лет. Ночь постоял, всего одну ночь... Хорошо было?

Л ы с ы й /Бородатому/. Погоди ты!.. /Дереву/. Нам, кореш, если что надо, то – сейчас, теперь, ещё раньше, чем сегодня!

Д е р е в о. Тогда пилите. Тогда сдаюсь!..

Б о р о д а т ы й. И будем. Будем, капризник!..

Л ы с ы й. Не отходя от кассы. /Точит напильником пилу/.

Натерпелись от тебя. Хватит. Сколько можно?!..

Б о р о д а т ы й. Ты нам как бельмо на глазу!..

Л ы с ы й. Кость в горле!

Д е р е в о. Дайте хотя последнее слово. Можно?

Л ы с ы й. Да это – пожалуйста!

Б о р о д а т ы й. Хоть два.

Д е р е в о. Спросить приспичило. Чем закусывать будете

завтра? Послезавтра?

Лысый. Найдём. Было бы что хлебнуть. А закусить!..

Дерево /строго/. Не перебивать! Когда вы пилить меня будете, я буду молчать.

Лысый. Договорились.

Бородатый. Молчим, как рыба. Говори.

Дерево. Нет, не буду. Передумал. Перед вами говорить – толку мало.

Лысый /Бородатому/. Слыхал?

Бородатый. Пришлось, не глухой.

Лысый. Оно, Дерево, нас уже и за людей не считает. Видал?

Дерево. Вы же мои враги. И если бы только мои. Так почему же я перед вами буду шапку ломать, а?

Лысый. Думай, что хочешь. Твоё дубовое дело. Ду-бо-во-е!..

Дерево. Моё, моё. Так, так. Жаль, что не ваше.

Бородатый. И говори, что на язык навернётся.

Лысый. А дело своё мы туго знаем! Х-ха!

Дерево издевательски смеётся, смех возвращается эхом. И стоит такой гул, что Лысый и Бородатый закрывают уши руками.

Бородатый. Пила... готова?

Лысый. Айн момент, сударь. Айн момент.

Бородатый. Ух, руки чешутся!

Сломался напильник.

Лысый. Не, ну видал, Борода? /Показывает, что осталось от напильника/. И пилу не наточишь. Бракоделы, а!.. Хотя вроде бы импортный напильник...

Бородатый. Давай тупой. Хоть поцарапаем. Пускай покрутится.

Лысый. Можно и так.

Дерево. А говорите: спилим, спилим! Сколько же обещать можно, едри вас в корень? У вас совесть, в конце-то концов,

есть? Честь?

Лысый и Бородатый удивлённо переглядываются.

За себя? За работу? За землю, которую, несчастную, топчете и загрязняете? За Родину?

Пауза.

Лысый. Давай, давай, лектор! Гони волну!

Бородатый. Где, где мой топор? /Взял топор/. Сейчас у тебя я зубы посчитаю, падла! /Замахнулся на Дерево/. Все тридцать два.

Появляется Бомж. Он в той же одежде, в которой и появился впервые у Дерева. И с той же торбочкой. Заметив его, Лысый выпустил из рук пилу, а Бородатый – топор. Стоят, разинув рты.

Бомж /заслонил собой Дерево/. Не дам! Не позволю!.. Все слышали? Убирайтесь отседова! Вы, вы, лесорубы!

Лысый. Он чокнулся.

Бородатый. Вижу. Опять в своём тряпье.

Бомж. Оставьте Дерево! Как тогда!

Дерево. Ты, человеке, зря за меня не волнуйся: они ничего не сделают. Они – импотенты. Одни импотенты находятся в постели, другие, как вот эти, на производстве... в лесу...

Лысый /агрессивно, но не без боязни/. Ты, дубовая морда, на кого бочку катишь, а?'

Бородатый /Бомжу/. Исчезни. А то зарублю. И перед этим Деревом истлеют твои собачьи кости.

Лысый /напевая/. "И никто не узнает, где могилка твоя..."

Бомж. Убирайтесь. Считаю до трёх. Как тогда.

Лысый. Он ещё... ты, Борода, послушай... и считать умеет. До трёх.

Бомж /взял в торбе бутылку с бензином, линул на землю/. Раз!..

Лысый /облизнулся/. Нет... не разливай! Что у тебя там,

братишка? Коньяк... ночной?

Б о м ж. Два!..

Л ы с ы й. Гад!

Б о р о д а т ый. Лысый! До трёх мало осталось! Что будем делать?

Л ы с ы й. А что он нам сделает? На хвост соли сыпнёт?

/Нюхает/. Бензин! Бен-зин! Семьдесят шестой! Ну, кретин!

Б о м ж /взял спички/. Три!..

Бородатый и Лысый отступают.

Б о р о д а т ый. Ничего... ничего... цыплят по осени считают.

Лысый, дёргаем? Но не сдаёмся.

Л ы с ы й. Гад!

Исчезают.

Б о м ж /улыбаясь/. А спички-то наши были... Как тогда.

Д е р е в о. Но всё равно ты их напугал хорошенько, х-ха-ха-ха-ха!

Б о м ж /прикрепил к Дереву сандалет/. На счастье. Вместо подковы.

Д е р е в о. Всё это хорошо. Но где же твоё, человек, счастье?

Куда, в какую сторону поплыло-покатилось?

Б о м ж. Моё счастье, видашь, там, где ветер, холод, голод... Не могу жить, когда всё есть... Не могу жить в доме... да ещё если рядом такая дебёлая баба, как Настя. Воздуха мне там не хватает. Задыхаюсь. /Громко, нервно и откровенно/. Не моё там! Не моё! Я своё всё растерял, по свету растряс!.. Стыдно мне нахлебником быть!..

Прибегает Настя.

Н а с т я. Колька! Колька, ты чего – удрал? Дезертировал? И снова своё тряпье натянул? Сожгу!

Б о м ж. Нет.

Н а с т я. Почему - нет?

Б о м ж. Не сожжёшь. Если только со мной. Вместе...

Н а с т я. Ты долго чадить будешь. Всё небо закоптишь. А я, между прочим, у тебя спрашиваю: сбежал? И концы в воду? /Хмыкнув/. Хотя у тебя уже и концы... /Махнула рукой/. Но руки крепкие – плуг держат. И косу тоже. Мне и этого достаточно. С руками в деревне не инвалид. Давай, давай, собирайся! /Срывает сандалет/.

Б о м ж /нервно/. Катись отседова! А сандалет – на место! Как тогда.

Н а с т я /повесила сандалет/. Да ты же – мужчина! Ура-ура! Тебе цены нет – голос, а? А я думала, ты и мухи не обидишь. А ты – нормальный!.. Он нормальный!..

Б о м ж. Не подмазывайся. Не пойду к тебе. Не привык на чужое... А здесь вот – всё моё...

Н а с т я. Можно подумать, что там всё моё. Да мужиково всё, вечная ему память, пьяница.

Б о м ж. Я всё сказал.

Н а с т я. Как тогда?

Б о м ж. Как тогда. Как тогда!

Н а с т я. Ну и волочись, меси землю и дальше, бродяга, когда нормально тебе жить не хочется. Волочись!

Появляется Шугалей.

Ш у г а л е й. Кто звал?

Н а с т я. Кому ты нужен? Здесь не замполиты нужны, а работяги. Время замполитов прошло.

Ш у г а л е й. Кто, кто вам разрешил повышать на меня голос?

Н а с т я. Дед, отстань!

Ш у г а л е й /удивлённо/. Дед? Это я – дед? Все слышали?

Оскорбление все слышали?

Н а с т я. А кто ты? Баба?

Ш у г а л е й. Муж-чи-на-а!

Н а с т я. Хватит разбрасываться этим словом. "Мужчина". Оно и так дефицитное!..

Ш у г а л е й. Мужчина!

Н а с т я. А мать твою... /Легла на спину, задрала подол/.
Давай, показывай, какой ты мужчина. Давай, давай!

Ш у г а л е й. У нас, между прочим, проституция запрещена.

Н а с т я. Я бесплатно.

Ш у г а л е й. Законы знать надо.

Н а с т я. Дак ты что, не будешь... доказывать? Или законы
учить пойдёшь? /Поднялась/. Мужчина. Где он, тот мужчина?
Покажите мне его!

Бомж медленно уходит.

Вон ещё один мужчина хвостом вильнул. Так тот хотя не
ерепенится. Не хвалится. Пора себе цену знать. /Плюнула в
сторону Шугалея и ушла/.

Ш у г а л е й /увернувшись от плевка/. Поосторожней,
мадама!.. Поосторожней! /Дереву/. Развело тут... публичный
дом устроило, понимаешь! /Уходит/.

Д е р е в о. Ну, вот... опять я виноват. Они отношения
выясняют, а мы, деревья, должны гнуться до земли, чтобы
угодить всем этим живым существам. /Кричит вслед/. Да
дураки вы, дураки, люди! Вам жизнь дана, а вы жить не
хотите! Загемнение.

К Дереву подходит Бомж. Взял сандалет, подержал, повесил
назад на Дерево.

Д е р е в о. Вернулся?

Б о м ж. Вернулся. Как тогда.

Д е р е в о. Ну, и как там, где нас нету?

Б о м ж. Там всё, как и там, где мы есть.

Д е р е в о. Присядь. Отдохни.

Б о м ж. Даже прилягу /Лёг/.

Д е р е в о. Приляг, приляг.

Б о м ж. "Спокойной ночи, малыши" можешь для меня

организовать?

Д е р е в о. А ты чего ж, за свою жизнь разве сказок не наслушался?

Бомж. Привык к ним, как к воздуху. Без сказки не усну. На голодный желудок получается, а без сказки – ну никак!..

Д е р е в о. Сказок не знаю. Легенды... это мне ближе.

Б о м ж. А мне разницы нету. Мне лишь бы лапша на уши.

/Храпит/.

Д е р е в о. Заснул и без сказки, бедняга. Было это давно на исходе лета. Поехали мужик с женой на луг. Весь день косили, сушили, ворочали траву, а вечером стали нагружать воз домой отвезти. Пока нагрузили, стемнело. А дорога их домой лежала через болото.

Вот проехали они немного, как слышат: где-то свадьбу справляют. Сначала думали, что в соседней деревне, но вскоре навстречу им показали люди: с гармошкой в руках, со свадебной песней на устах. И стали эти люди приглашать их с собой, те начали отказываться, что устали, в грязной одежде, что ноги их мокрые, но незнакомцы так настойчиво приглашали, что они согласились и поехали с ними. Ехали долго, незнакомцы угощали их водкой, разными яствами. Прибыв на место – как им показалось – в большое село, в котором они ни разу не были, незнакомцы вежливо обратились к ним, сняли с них мокрые сапоги, повесили портянки сушить. И так было им хорошо, что не заметили, как уснули. Хватились тогда, когда солнышко уже высоко было. Раскрыли глаза и обмерли от страха: они были в такой трясине, что даже не знали, как выбраться. Глянули по сторонам, где же их сапоги с портянками, а те так далеко висят на страшно высоких корчах, что и достать невозможно. Выбрались эти люди из болота или нет, никто не знает.

Смотрите, чтобы и вы, жадные на чужие угощения, лесники

разные, в болото не попали... засосёт трясина.. затянет., особенно слабых... которые без гордости и чести за свой уголок живут. /Выдержав паузу/. Спишь?

Б о м ж. Проснулся.

Д е р е в о. Просыпайся, просыпайся. Пора

Б о м ж. Завтра поеду. Почему не спрашиваешь, куда?

Д е р е в о. А зачем? Зачем мне спрашивать? Едь. Иди. Лети.

Плыви. Ты – вольная птица.

Б о м ж. Не обижайся, Дерево. Я бы взял тебя с собой. Но ты же –Дерево..

Д е р е в о. Дерево на тебя, человеке, не обижается. И не думает обижаться. Я не летун. Чем и горжусь. Каждое дерево сильно своими корнями. Как, должно быть, и человек. Одно плохо, что люди, как и мы, деревья, больны сегодня одиночеством... каждый - один, сам по себе... Вот это, человеке, страшно... Очень... Нету того, что раньше было...

Нету... нету... нету... Дух не тот. Да и какой может быть дух от лысых-бородатых? Тьфу!

Появляется Лесник. Сразу же обращает внимание на сандалет.

Л е с н и к /зло/. Ещё не хватало на моём объекте этого мусора! /Сорвал сандалет, забросил за Дерево/. Понацепляли разного дерьма тут!.. Сандалеты – для ног, а не для того, чтобы портить внешний вид в моём лесу. Свалки не будет! Повторяю: свалки не будет!

Бомж исчезает.

/Вслед Бомжу/. А этот всё ещё живёт?

Пауза.

Он что, всё ещё здесь?

Д е р е в о. Нету уже. Ушёл.

Л е с н и к. Мог бы и раньше это сделать. Ещё мне тут лес не поджёт. Вон тайга горит. За Уралом.

Д е р е в о. Он не курит. И спичек у него нету.

Л е с н и к /с недоверием/. Знаем. Знаем А у нас пожар тушить одно ведро. И то дырявое.

Д е р е в о. Он не напакостит.

Л е с н и к. Он не напакостит, тот не напакостит, а у нас всё валится, всё горит синим пламенем!..

Д е р е в о. Я, между прочим, предупреждаю: если меня вы не спилите, в конце концов, то буду жаловаться.

Л е с н и к. Куда?

Д е р е в о. Президенту.

Л е с н и к /испуганно/. Не надо. Спилим. Спилим. Если ты так сильно хочешь... /Недоумевая смотрит на Дерево, крутит головой/.

Д е р е в о. Давайте. Пора от слов переходить к делу. Хватит меня дурить. Баламутить хватит. Не ребёнок я. Не дитя. А имею, худо-бедно, триста лет. Иначе, если и дальше за нос водить будете, то..

Л е с н и к /нетерпеливо/. То... что? А? То что будет-то?

Д е р е в о. Объявляю голодовку! Засохну! На корню! Думаете, не знаю, чем вы, люди власти, берёте? И ни вам пользы, и капиталистам... или как их там – фигу.

Л е с н и к. Погоди, погоди, не делай глупостей. На глупости больно ума не надо. Не делай. Сам, сам спилю. Веришь?

Д е р е в о. Нет, не верю.

Л е с н и к. Мне?

Д е р е в о. Ты же такой гнилой, как все.

Л е с н и к. Ошибаешься, дедушка, ошибаешься. Сделаю, сделаю! Только когда снова на своих работничков не положусь.

Сам. Только сам! Где моя пила? Ага. Я, значит, за пилой...

Добывать пилу.

Б о м ж /появившись с сандалетам, повесил его на Дерево.

Спокойно, уверенно/. Дерево спилить я вам не дам.

Л е с н и к. Так оно же само просит: спили меня, браток.

/Дереву/. Скажи ему, скажи!

Б о м ж /Леснику/. Слышал?

Л е с н и к. Слышал. Но... /Дереву/. Закинь словцо, закинь.

Чтобы потом никто меня не называл бандитом.

Д е р е в о /Бомжу/. Не трать зря энергию, человече. Думаешь, он, Лесник, меня спилит? /Смеётся/. Как бы не так!

Л е с н и к /обиженно/. Вы что, мне, пану леса, не доверяете? Мне?

Появляется Настя.

Н а с т я. Тебе тем более.

Л е с н и к. А тебя вообще сюда не звали. Без баб разберёмся.

Кыш, кыш!

Н а с т я. А ты – пан разве? Или показалось? Я никогда пана не видела. /Огядывает Лесника, обнюхивает/. Да какой ты пан, Петрович? Не пахнешь. У нас же огороды с тобой рядом.

Пугало одно на двоих.

Л е с н и к. Огороды, может, и рядом, а мы – на расстоянии.

Д е р е в о. А разве я об этом не говорил? Вы, люди, как и мы, деревья, на расстоянии живём, подальше один от одного. Я слушаю иногда радио... Не с неба беру факты... До неба не достану, хотя оно и над головой... Беда ещё в том, что мы никогда – ни при царях, ни при генсеках – не жили в условиях демократии, которую вы там строите... А вы хотите меня спилить? Нет, не боюсь я вас. Жил и жить буду. Хотя и осточертело. Три поколения советских людей были заложниками системы. Где враньё, демагогия, насилие вводились в ранг государственной политики. Всё это время нами руководили люди, больные властолюбием. Борьба за власть развалила Советский Союз. Не знаю, как вам, а мне плакать хочется. Так делятся ненормальные люди. Надо было всё взвесить... А мы сначала отрезали, а потом отмерили.

Потому что не люди на первом плане, а личные интересы тех,

кто делил... точнее, уничтожал. Их бы на моё место... на триста лет... чтобы за жизнью понаблюдали... чтобы научились жить. И сейчас борьба между властями, между центрами и регионами, борьба за право командовать, распределять, контролировать, боюсь, развалит и новые наши создания... новые наши страны.

Л е с н и к. Ты не лезь, куда тебя не просят! Ишь!

Н а с т я /дёрнула Лесника/. Стой, поп Гапон!

Д е р е в о. Снова правит балом тот, кто не сеет и не жнёт, кто не лечит и не учит, а тот, кто разрешает и запрещает. Больно. Скучно. И горько.

Л е с н и к. Соблюдай, Дерево, субординацию, понимаешь! Не суй нос, куда не просят! Мы тут сами разберёмся. Без сопливых.

Н а с т я /агрессивно/. Что, правда глаза режет? Тогда я тебя сейчас насубординирую, что век помнить будешь!.. Посажу голой жопой в муравейник, тогда погляжу, как запоёшь?

Л е с н и к. А муравейник, между прочим...

Н а с т я...разрушать нельзя. Знаю. Это не СССР.

Л е с н и к. Вот-вот! Помнишь!..

Н а с т я. Да... Наел. Твоей всех муравьев в порошок потрёшь. Боюсь, принесу непоправимый вред лесу, в котором ты... пан.

Л е с н и к. Пока так, пока да!

Н а с т я. Всякое "пока" когда-то заканчивается... благодаря Богу.

Прибегают, чем-то взволнованные, Лысый и Бородатый.

Л ы с ы й /радостно/. Наконец-то! Наконец-то дождались!..

Б о р о д а т ы й. Танцуй, Дерево! Танцуй!..

Д е р е в о. А если я не хочу танцевать?

Л е с н и к. И мне, может, прикажете танцевать?!

Л ы с ы й /безнадёжно махнув на Лесника/. А тебя я совсем не вижу. Пошёл вон! Брысь! Ты невидим для меня, как микроб...

как атом. Ты – воздух... ты прозрачен и тонок, как кишка поросёнка, высушенная на солнце и нагёртая чесноком.
Л е с н и к /ищет поддержки/. Что он плетёт? Что он за чепуху несёт?

Н а с т я. Он умеет. Поэтому и лысый. Умные волосы оставили дурную голову.

Л ы с ы й. И перекочевали на бороду Бородатого.

Б о р о д а т ы й. Поиздевался, товарищ Лесник, над нами. Хватит!..

Л ы с ы й. Всё, хана!..

Л е с н и к. Я? Это я поиздевался? Да другой бы вас, алкашей – профессионалов, давно бы разогнал. С треском. А я терпел. Терпел я! Зубы сжимал, а терпел! Так что сейчас мне за это – фигу? В лицо плюнуть можно? Так? Да? Под нос... фигу... сейчас?

Л ы с ы й. Две. И от меня тоже.

Л е с н и к /в движении/. Вся жизнь, говорят, учишь, а дураком умрёшь. Тьфу! Давно, давно надо было бы от вас избавиться.

Л ы с ы й. А избавились от тебя.

Л е с н и к /не сразу/. Не понял.

Б о р о д а т ы й. Объясни ему, Лысый.

Л ы с ы й. Ты больше над нами не начальник.

Б о р о д а т ы й. Пока ты Дерево это собирался отвезти за границу, оттуда приехали и сами и купили весь этот лес.

Л ы с ы й. С нами.

Н а с т я. Во дают, а! Во колупают!.. Колька, а ты почему молчишь? Вот что де-лать надо на этой святой и грешной земле, а не таскать в вонючей торбе сандалет с правой ноги.

Л е с н и к. Не отдам... не отдам... /Крутит фигу/. Вот им... вот им... печать.

Все смеются.

Д е р е в о. Зачем кому твоя печать, если леса нету? Зачем?
Л ы с ы й /громко, победно/. Гуляй, Родина-а-а-а! Пока есть
за что!

Б о р о д а т ы й. Ура-а-а! Сейчас капиталистов за нос водить
будем!.. А там и пенсия! Ура-а!..

Приходит Жена со свертком на руках.

/Жене/. Слыхала, любовь моя?

Ж е н а. Э-ге, э-ге.

Появляется Шугалей.

Ш у г а л е й. С сегодняшнего дня на этом Дереве будет висеть-
красоваться вот это флаг!.. /Развернул, показывает. Флаг
белый, как снег/.

Б о р о д а т ы й. А какого... государства?

Ш у г а л е й. Нашего. Нашего государства. Был бы лес, а
государство придумаем!

Вдруг пошёл сильный дождь. Все спрятались под Дерево.

Н а с т я. А мне, а мне куда стагь? Колька, можно рядом?

/Стала рядом с Колькой, прижалась к нему/.

Д е р е в о. Всегда мы так... все... И лес, и земельку... А если
что... если конец – в ней, в земельке, вечное пристанище
находим... Уютно нам там... И от дождя прячемся под
деревья... которые, когда нет дождя, мешают нам... Здесь,
дома, всем хорошо под родным небом... и нам, деревьям,
тепло, солнечно, привольно... Спаси и сохрани нас, Боже...

Бомж сорвал сандалет и забросил. А потом вернулся к Насте. А
дождь идёт. Под Деревом его нет. Дерево на время стало
зонтиком. Или – Родиной?..

ЗАНАВЕС.

ШКИРДЮКИ ЗАНИМАЮТ ОБОРОНУ

Комедия в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Квач	—	старик, 70—75 лет.
Мишулиха		
Королиха	—	старухи неопределенного возраста.
Белка		
Снопок	—	сотрудник музея.
Шурик	—	бывший шкирдюк, 20—25 лет.
Кнауц	—	немецкий гуманист.

Место действия — забытая людьми и Богом деревня Шкирдюки.
Наши дни.

Действие первое

Сельская улица. На переднем плане хата деда Квача. Перед окнами растет береза, на ней болтается динамик. Около березы — скамейка. Дед Квач подметает метлой на улице возле своего двора.

Квач (*в хорошем настроении*). Сколько ж мне... и правда... сколько ж мне годков-то? Точно помню, что после заварушки на свет божий выпорхнул... после революции, значит. До революции какой бы меня дьявол произвел? Аккурат, видать, в первой пятилетке вынырнул... Определенно! (*Смеется*). Кому я тогда, до революции, нужен был? Вот, вот... и не вспомню. Хоть

плачь. Так могли бы и медаль дать — за военную тайну. Это если бы моя баба была жива, та б сказала... Дом Советов — не голова... А у меня память прохудилась... что решетом... в дырках вся. И смешно, и грешно — не помню, хоть застрели, сколько ж мне годков-то? Скажи кому — засмеют. Ох, жизнь! Да что мои, личные года-то? Какой день сегодня по календарю, какой месяц... а уж про год, в котором обитаю, так и совсем вспоминать не пробую — не получится. Тьфу! Все в один клубок утрамбовалось и куда-то катится, катится... Прости, Господи!.. Тьфу!

Появляется Мишулиха.

Мишулиха (*осторожно*). Это ты, Квач, сегодня пьяный или нет? (*Внимательно присматривается к старику*). Что-то я никак не могу понять. Вроде бы и нет.

Квач. Да брось ты, Мишулиха. Брось отсебятину нести. Оставь... ага. Ты вот лучше скажи мне, молодица, какой год сейчас? По нумерации?

Мишулиха (*призадумалась*). Ой, и правда... а какой же год теперичи?

Квач. То-то. Тут, девка, посерьезнее де-ла, чем пьяный не пьяный... Определенно!

Мишулиха. Или девяносто седьмой... или девяносто восьмой... или...

Квач. Что-то больно уж ты вперед запрыгнула. Шибко много взяла. Девяносто седьмой не может быть. Не спеши.

Мишулиха. Это почему же не может?

Квач. Дай еще немножко пожить. Отпусти чуток. В девяносто восьмом я помирать буду.

Мишулиха. Да какая тебя холера возьмет. Во... во... истоптался весь, а верткий, как ужелок. В любую дырку просочишься... как вода в песок.

Квач. В любую — нет. (*Почти строго.*) Говори, чего притопала. Если год не помнишь, в каком живем... то говори.

Мишулиха (*неуверенно*). Ты вот что... ты вот что, Квач. Приходи сегодня... Пообедаем вместе...

Квач (*удивленно*). Неужто накормишь?

Мишулиха. Мишулю моего помянем. Год сегодня, как помер.

Квач (*бодро крикнул*). Дело нужное. Буду, буду, Мишулиха. Вот как время пролетело — уже год землю парит твой хозяин, а! И мой...

Мишулиха. Собутыльник.

Квач. Ну-ну! Не шевели покойника!

Мишулиха. Только не обижайся, дед Квач, но без вина помянем.

Квач (*бросил на землю метлу, сердится*). Ёствою нехай, а! Ёствою! Тогда давай тут, на скамейке. Я ведро воды вынесу. Кружку. Луковицу. Определенно! И выпьем. А?

Мишулиха. Нет, за столом. Я приготовилась.

Квач. Эх, бабы, мать вашу! Мужика помянуть — и без вина. Он же перевернется там, в гробу, Мишуля, от такого поминания...

Мишулиха (*грустно*). Ты же знаешь, что за человек был Мишуля. Пусть хоть сейчас на столе у меня ничего не будет. Ты, я, Королиха, Белка... и вспомним.

Квач. Что ж это делается? В каком государстве живем? Традиции на корню рубим! Сук, можно сказать, на котором сидим. Что ж это делается, ай-яй-яй! До чего докатились! Иди, иди готовься. Но я дружка своего закадычного с водой не буду, как того хочешь. У меня на черный день есть. И вот он, кажется, тот день настал.

Мишулиха (*строго*). И не вздумай припереться с бутылкой! И не вздумай! Разобью!

Квач. Мое дело! Мое!

Мишулиха. Тогда лучше совсем не приходи.

Квач. Ну и... катись. Скатертью дорога. Катись!.. Дак зачем тогда поминки те? Картошки налопайтесь втроем, и песню... «а

я лягу-прилягу»... затяните. Иди, иди... прибуду, как шгык... без бутылки — не переживай. Так и быть. Уговорила.

Мишулиха. Не опаздывай же. *(Исчезает)*.

Квач *(махнул вслед рукой)*. Такая уже наша, мужицкая, долюшка: скопытишься — и не помянут как нужно, определенно! Впереди мы только с винтовкой. Сейчас мы... сейчас... *(Исчезает)*.

Проехал на велосипеде, для чего-то подурачился со звонком Шурик. Появляется Квач, в руке бутылка, стакан, кусок хлеба. Свалил все это на скамейку. Вытер кончиком рубахи стакан, посмотрел на свет, чист ли. Достал из кармана рюмку, налил в нее — для Мишули.

Квач. Мишуля, ты как там... меня слышишь? Просыпайся, просыпайся, хватит дрыхнуть. За год можно выспаться. Подготовься. *(Налил в стакан)*. Сегодня, говорят, год, как ты утопал от нас, дружок ты мой, корешок закадычный. И выпить нету с кем. Один остался, не считая баб. Спи спокойно и не вспоминай лихом. *(Опрокинул содержимое стакана)*. Как слово давал тебе при жизни — за тебя, браток, и дернул. А вот кто за меня осушит стакашку-другую? Трудно сказать. Не вижу такого кандидата. Кстати! Твоя баба, Мишулиха, не поминает тебя сегодня как нормального человека. Ну, ты же знаешь ее, не мне тебе говорить. Заныкала самогон. Воду будет ставить на стол. Конпот. Курвы они, бабы! *(Вздыхнул)*. У нас, Мишуля, жизнь такая, что и собаке не посоветуешь. После Чернобыля — ты же его захватил, помнишь — разбежались все кто куда, так и собратья до сих пор не могут. Живем без магазина, без читаний и без телевизора. Хлеб на всех Королиха выпекает. На жерновах пшеницу крутим толокой. Забыли даже, какой год во дворе. Подожди, а ты не помнишь, когда помер? Нет, говоришь. Тогда давай опрокинем еще по одной... стол на одной ножке не стоит, определенно! Потянем? Смешно даже мне стало — когда ты отказывался? *(Налил в стакан)*. Чтобы лежалось тебе там, Мишуля, мягко. *(Выпил)*. Удачно, удачно ты сбежал на тот свет, Мишуля. Вовремя. Чутье есть. А тут ни яблока тебе укусить, ни огурца... Загрязнено все цезием вроде

бы. Ну, да ладно. Кусаем помаленьку. А другой раз, между прочим, и радиво хочется послушать.. чтобы оно хоть сказало, в каком году мы живем и кто нами руководит. А ему, радиву, дыхание сперло — молчит! *(Агрессивно)*. Ты будешь говорить или нет? Где это у меня включатель был... *(Взял метлу, ударил по динамику)*. Антихрист! Непослушанец! Паразит! Я тебе!.. *(Когда Квач ударил по динамику еще раз, он прохрипел: «... почти три дня в Корме немцы...» Старик насторожился)*. Ты... ты слышал, Мишуля? Нет, ты слышал? Война, война началась никак, а мы тут сидим в своих Шкирдюках и ничего не знаем. Боже Милостивый! Праведный! Уже три дня немцы в Корме, совсем рядом! *(Снова ударил по динамику, тот прохрипел: «... В Борисове... четыре танка... если дело так пойдет и дальше... будут уничтожены все танки...»)*. Бабы-ы! Бабы-ы, на сборный пункт! Война началась!.. Наших бьют! *(Бросил метлу, понесся по улице, только долетают его слова: «Война!... Война!... Война!...»)*

ЗАТЕМНЕНИЕ.

В хате Мишулихи, где все скромно, просто. Здесь, кроме хозяйки, Королиха.

Мишулиха *(выглядывает в окно)*. Это кто кричит или мне показалось?

Королиха. Ну, кто же еще будет кричать? Квач!

Мишулиха. Чего он, интересно, хочет, горлопан старьй?

Голос Квача: «Бабы! Бабы! Хватит спать! Немец снова напал! Немец!.. Немец сдурел снова!..» Старухи удивленно переглядываются.

Мишулиха. Что он плетет, пень старьй?

Королиха. Не иначе... война началась?

Появляется Квач. Сразу же сел-упал на табуретку, что-то хочет сказать, а не получается — не хватает воздуха.

Квач. Это... ага... сам слышал... только что... по радиву... ага... самолично... Внимание!

Мишулиха. Какое у тебе радиво? Где оно?

Королиха. Одурел Квач, не иначе.

Квач. Слухай сюда! Сюда... слухай! Передало радиово, что немцы в Корме... а в Борисове... Это под Минском, столица... основной стратегический пункт... объект... танки вражьи забросали гранатами. А мы что ж — так и будем сидеть, носами шморгать, ждать, пока нас голыми руками возьмут? Живьем? Как раков под корчами?

Приходит Белка.

Белка (*говорит, как всегда, только сама, не дает сказать другим и слова*). Сегодня проснулась... картошки отварила... А кто это, бабы, кричал только что?

Квач. Залопотала, молотилка. С последними новостями не пробьешься.

Белка (*как и не слышит*). Наперлась картошки и лежу... а тогда прикорнула... и сплю себе... а про кур забыла, дура старая... а они в гряды... что б им затлумило, курам тем! И поклевали... Что ж это они у меня, непутевые, поклевали? Капусту... Ага! Огурочки и листья свеклы.. Гадавки они, куры! И кормлю же! Не поверите!

Квач. Все у тебя?

Белка. А собака что-то выть начал. Погоди, Квач, не мешай. С утра. Ву-у-у! В-у-у-у! В-у-у-у!

Квач. Ты сама остановишься или мне тебя остановить, коза рогатая? Чего воешь? Довылись уже, можно сказать! «Ву-у-у!»

Белка. Вчерась три яйца снесли курки мои, золотинушки... а позавчера удачный денек был — пять сразу... а как-то, бабы, восемь! Восемь, ай-яй-яй...

Квач. Да остановись же ты, тарахтелка!

Мишулиха. Зря. Пока не выговорится — не трогай. Бесполезно.

Королиха. Это ей — как нормальному человеку с утра за угол сходить. Нужда такая у человека...

Квач (*Белке*). Едь в свой город, там тарахти вместе с троллейбусами и автобусами. Все у тебя?

Белка. Петуха надо одного убить, бедолагу. На восемь кур хватает одного, зачем два? По очереди на кур скажут, на

спинках у тех площадки повыгапгывали, повыскубли хохолки у кур, ноги им погнули... Здоровые же!

Квач *(сделал из ручника кляп и засунул Белке в рот)*. Объявляю полную мобилизацию. Все слышали? С сегодняшнего дня будем готовиться к отпору супостата! Не дадимся! За свои Шкирдюки я буду биться до последнего дыхания! Тут наш Сталинград!

Мишулиха и Королиха вдруг заплакали-заголосили.

Цыц, я сказал!.. Не время нам, бабы, нюни распускать. Будем занимать оборону. Командование беру на себя. Поскольку я один мужичьего роду и имею кое-какой опыт ведения боевых действий... операций, можно сказать, взятый в составе Первого Белорусского. Вытрите слезы. Слезами беде не поможешь. Вот такие, едрена шиш, дела. *(Вытянул кляп изо рта у Белки.)*

Белка. Что-то теперь все развоевались. Хоть Чечню возьми, хоть Боснию... У Боснии же босые все... по телевизору в городе говорили... Ой, я же вам совсем забыла сказать! Сон приснился... нехороший сон, я сразу и подумала так... Вроде бы иду я...

Квач. Ты еще долго идти будешь. *(Снова заткнул рот кляпом.)* Расстудыгтвою!.. Слова не дает сказать. И надо же такому человеку уродиться. Все поняли, бабы?

Королиха. Что-то я не верю твоему радиву.

Мишулиха. И я. Брешет оно.

Королиха. Ни с того, ни с сего — и война. Это ж надо чтоб кто-то толкнул кого...

Мишулиха. Ага. Или по морде дал.

Квач. И война! И война, пани Королиха и господинша Мишулиха! Не глухой пока! Определенно!

Мишулиха. Разреши послухать радиво.

Королиха. Правда. Разреши, Квач.

Квач. Разрешаю, принцессы! Разрешаю! На березе висит... Пожалуйста! *(Показывает рукой на дорогу, которая ведет туда, где динамик)*. С войной, бабы, не шутят. Война — дело

серьезное. Лучше бы я не ворошил то радиво. Жили тихомирно... А то вот на старости лет повоевать придется. А за что? За кого? Идея есть у нас теперича, а? Нету. Дадут медаль... а потом украдут.

Исчезают.
ЗАТЕМНЕНИЕ.

Возле хаты деда Квача. Подходят Квач,
Мишулиха, Королиха и Белка.

Квач (*с достоинством*). Вас пока носом не ткнешь — не поверите. (*Взял метлу, шевелит динамик*). Ну, говори, говори, дорогуша. Собрал народ тебя послухать. Говори, паразит!..

Мишулиха. Вот видишь, как мы собрались, так оно и молчит. Не скажешь, почему, Квач?

Квач. Да тише вы, бабы! Балоболки! Нужную волну ловлю.

Королиха. Лови, лови. Не мешай, Мишулиха. Не путайся перед Квачом.

Мишулиха. Дак я что... мешаю или как?

Квач. Сыпало же про войну на одном дыхании. Как из меха. Зараза-а! Ды было, было, было! Что я, про войну выдумывать буду?

Мишулиха. А кто тебя знает!

Королиха. Ты можешь наплести и бочку арестантов. Фантазер еще тот!

Квач. Прошу не обзывать всякими чужими словами! Это во-первых. А сейчас про радиво. Оно же у меня, как вы все знаете, молчало сколько годков — как все равно воды в рот набрало. А тут сегодня — буль-буль-буль, и объявляет, что началась война. Священная. А вы мне говорите! Рука занемела. Отдохну немножко, тогда снова подшевелю его. Заговорит, куда денется. Если сказало «а», скажет и «б».

Королиха. Его уже, оказывается, шевелить долго надо, как и тебя, Квач!

Женщины смеются. Смеется и сам Квач.

Квач (*вытянул кляп изо рта Белки*). Говори пока хоть ты.

Белка. У нас в городе одна семья живет.

Квач. Всего одна?

Мишулиха. Тихо, тихо.

Белка. Он на заводе работает, а она — в магазине, бананы продает на углу. Сын у них жил в России и добровольцем в Чечню пошел, так и не вернулся. Вот вам и война. Там и похоронили. А жонка с малым дитенком осталась, плачет чуть ли не каждый день, плачь не плачь, а дело не поправишь. Война — оно дело поганое, ну ее, войну! А кто пенсию теперь будет платить? Какая власть? И концов не найдешь — кто.

Подрывает на велосипеде Шурик.

Шурик. Дед Квач, у тебя есть квач?

Квач (*махнул на Шурика рукой, как на назойливых мух*). Едь, антихрист, куда ехал! Едь! Нету у деда Квача никакого квача! Понял, городской нездоровканец?

Шурик. Прости, дед... Не хотел обидеть...

Квач. А кто меня обидел? Ты, никак? Х-хе!

Королиха. Откудова ты, Шурик, взялся?

Квач. Городской нездоровканец, подъехал и даже не поздоровался.

Шурик. Извините. Задумался.

Мишулиха. Да по голове видать, что много думаешь. И большая, и лысая.

Квач. Как арбуз. (*Смеется*).

Шурик. Ага. Это же приехал вот... кисточку ищу... Оградку на могилке... где батька с мамой... покрасить надо. А кисточку забыл. И надо же!

Квач. Немец придет — он тебе все тут выкрасит. В один цвет.

Шурик. О, я тогда ему бутылку поставлю.

Квач (*с иронией*). Поставишь, поставишь. И свечу...

Белка. А у одной у нас там горе-горечко горячее... Он на фабрике работает, а она — в бане...

Шурик. Так что — нету кисточки? Кто выручит?

Мишулиха. Откуда у нас, детухны?

Белка. А дети, правда, уродились хорошие...

Квач. Не дай бог, были бы такие как ты...

Белка. И все умные... в школу ходят.

Квач. Зачем же они в школу ходят, когда умные? Дураков надо учить уму-разуму.

Белка. Однажды, как сейчас помню, на спас это было...

Шурик. Поехал я дальше. Объеду все деревни, но кисточку найду! *(Уехал.)*

Квач *(кричит вдогонку Шурику)*. Нету у меня квача! Нету! Эй ты, хлопче!.. Все, не слышит. Хотел посоветовать ему от любой кобылы отхватить на кисть...

Мишулиха. И от жеребца можно.

Королиха. Кстати.

Белка. Приходит цыганка прямо в избу и говорит: давай я тебе погадаю...

Квач. Нет, это радиво глушить надо! Глушить! *(Заткнул рот Белке кляпом.)*

Мишулиха *(спохватившись)*. А чего это мы, раззявы, у Шурика про войну не спросили?

Королиха. И правда же! Он же из города приехал.

Квач. Сейчас, сейчас, молодницы... потерпите еще малость. *(Трогает динамик метлой.)* Больше терпели. Сейчас. Отдохнуло — говори, говори. Да говори ж ты, стерва! Народ дожидается. Ты уважаешь народ, гад? Давай, давай, хороший мой, ненаглядный. Скажи, чтоб вот они, бабы, услышали, что война началась... *(Динамик вдруг прохрипел и сказал: «... из Германии... лекарства... аппаратура... на вооружении... операции... много больных...»)*

Квач *(поправляет)*. Раненых, раненых. Мало нам того Чернобыля, так вот и немец напал... дождались... Тьфу!

Динамик... а теперь... Хойникский район...

Квач. Вот уже куда пламя войны переметнулось. На излом головы прет супостат по нашим городам и селам. Но Шкирдюки не сдадутся! Я правильно говорю, бабы?

Королиха. Шевели и слухай, слухай.

Квач. А как же — шевелю, шевелю.

Динамик....бой ведется на колхозном поле... в урочище Соловьиные свадьбы... с утра до вечера...

Квач (*советует*). В лес переходите. Там поудобнее. Есть где спрятаться.

Королиха. Много ты знаешь.

Квач. А то ж нет! Ты, разве, воевала?

Мишулиха. Тише! Тише, а то самое главное пропустим.

Квач (*бодро*). Шевелю, шевелю, бабы.

Динамик....А теперь про шар, который сбит около Березы... Как стало известно из официальных источников, в нем были обнаружены двое американцев...

Квач. Так что... и американцы прогив нас поперли? Они же в союзниках были. Неужели... неужели предались? А, бабы?

Мишулиха. Правда... Война проклягущая началась!..

Королиха. Чтоб ей глаза повылазили! Чтоб ей муторно стало! На той войне Королек мой погиб, а сейчас и деток подгребет...

Квач. Еще раз жалею... на этот раз публично... что подшевелил радио... Правду говорят... не вороши кучу... она и вонять не будет... Не послушался... Висело бы ты еще сто годков на этом дереве... Так нет — подшевелил. А сейчас вот думай, как обороняться... Да с кем! Это разве вояки? (*Безнадежно махнул рукой*). Слушай мою команду, бабы.

Мишулиха. Вишь ты, не забыл.

Королиха. А когда воевал? Мхом уже покрылся, как у меня крыша.

Мишулиха. Талант. Талант командира.

Квач. Р-разговорчики! Первым делом приказываю тебе, Мишулиха, истопить сегодня баню. Если придется бой принимать... то приму в чистых подштанниках...

Королиха. А не замараешь, Квач?

Квач. Запомните на будущее: когда разговаривает командир — все молчат. Свои языки в одно место. Ясно? Что тут

непонятного? Я потом предоставляю каждому слово высказаться... каждому бойцу... или бойчихе. На войне, голуби мои, все может быть. Надо умыться.

Королиха. А кто спину тебе потрет? Я? Или Мишулиха?

Квач. Обойдемся. Кружку воды за спину — и порядок. Как всегда. Определенно!

Королиха. Эх, Квач! Размазня ты. Война же... неизвестно еще, что еще с нами со всеми будет, а ты себе и тут цену набиваешь?

Квач. Кому война, кому мать родна. Или не так?

Королиха. Может и так.

Квач. Хватит, что на Чернобыле нажились и жук и жаба.

Мишулиха. Он, Королиха, отвоевался, похоже. Только командовать способен. На наблюдательном пункте стоять.

Королиха. С биноклей.

Мишулиха. Ага. И другим показывать, что делать надо.

Квач. Цыц, сказал! Мишулиха, ты задачу вразумела?

Женщины посмирнели.

Мишулиха. Так точно!

Квач. Бой должны принять чистыми. А вдруг?.. Чтоб меня потом не раздевали... в бой иду после бани... чистым.

Королиха. Боже! А если вдруг... тебя, Квач, и всамделе укокошат?

Квач. На войне все может быть. На то и война. Умру как герой. Определенно!

Мишулиха. С музыкой тебя... прикажешь... хоронить-то или как?

Королиха. Вопрос важный. Ага.

Квач (*не сразу*). А вы что скажете? Подсоветуйте.

Королиха. С музыкой более солидно... важно.

Мишулиха. Командиров всех с музыкой хоронили раньше.

Квач. Тогда с ней, окаянной! Я не против.

Королиха. А чтобы ты хотел послушать?

Мишулиха. Ага!

Квач. Хватит... понимаете... болоболить. Ставлю следующую задачу. Всем лопаты в руки — и на окраину Шкирдюков. Будем рыть инженерные сооружения. А проще сказать — ров... а тогда окопы. На Езеповым Грудке... с той стороны всегда по два-три раза на веку супостат прет. *(Вытянул кляп изо рта Белки, она проснулась)*.

Белка. А может, земляки, пушай приходит немец в наши Шкирдюки? Консервов привезет с собой. Накормит.

Квач. Все слышали? Все? И это говорит наш человек?

Мишулиха. Может, она и правду, Белка, глаголит?

Королиха. Тебе остограммитесь привезут, Квач.

Квач *(сел)*. Э-хе-хе! Капут. Пропали. С таким войском только блох на собаках бить. Пропали наши Шкирдюки. Аминь! *(Перекрестился)*.

Мишулиха. А если подумать, то жалко и этой земельки, которую радиация засыпала и все кинули. Жалко. Надо послушаться Квача и братья за оружие.

Королиха. Давай, Квач, нам оружие.

Квач. Пока, женщины, с лопатами повоюем... с лопатами. Оружие будет. Как штык. Близко совсем супостат. Рядом. А почему, почему от так прет?

Мишулиха. Почему, Квач?

Квач. Берет, видать, всех по отдельности за холку. Чего ему теперь нас не брать? Кулака нету. Одни пальцы. А чего стоит палец сломать? Щелк — и нету, и дальше потопал. А кулак — он и есть кулак: хоть по лбу им, хоть в лоб — почувствуешь. А пальцем только в носу ковыряться...

Белка. Ой, забыла же совсем! Письмо в город... своим... соскучились, поди, они по мне... начала писать... то забуду, что хотела... Побегу... Как стрелять начнете, я буду здесь. *(Исчезает)*.

Квач. И вы верите, что она вернется? С такими солдатами, как Белка, шею захватчикам не намылишь.

Королиха. От городских нам пользы мало. Не было до войны, не будет и в войну. Только взять.

Мишулиха. Это так. И город им чужой, и Шкирдюки забыли.

Квач. Они теперича за лимузин батьку родного убьют или на суку повесят, а защищать свою хатку... свою первую тропинку... свою яблоньку... колодец, из которого лечебную воду сосали... не станут. Не-а. Так что, бабоньки, пока не поздно, пока линия фронта к нам еще не подкралась, я должен отвернуться...

Королиха. Куда?

Квач. За оружием.

Мишулиха. За оружием — иди.

Королиха. Ступай за оружием.

Квач. Что-нибудь раздобуду. Есть варианты. Бутилок у каждого из нас порожних мало... не принимают нигде, то насобиралось, что ими можно сегодня укокошить любую танковую армию любой державы. Даже американскую. Хватило бы только в сельсовете керосина. Соли тоже принесу. Натерпелись вы тут в войну без соли. Надо запастись. Что еще принести?

Мишулиха. Может, пенсию нашу забрал бы?

Королиха. Правда, Квач, правда. За-бери.

Квач. Цела будет ваша пенсия. И без нее не помрете. Живем же как-то, а! Белорусы — нация живучая.

Королиха. А может, твоя правда. Пускай уже лежит пенсия. Отвоюемся, тогда и погуляем, победу отпразднуем. Будут деньги.

Квач. А что, бабоньки, если на вашу пенсию... извиняюсь, на наши пенсии самолет для фронта купить? Или танк?

Женщины удивленно переглянулись.

Мишулиха. Или одурел ты, Квач?

Квач. А что такое?

Королиха. Да на нашу пенсию... хотя ее там и наберется много... телегу в колхоз не купишь, видать.

Квач. А раньше же... помню... да... как-то же люди... даже солдаты складывались и покупали танки и самолеты.

Мишулиха. Раньше, Квач, и ты был ловкач! *(Ущипнула Квача.)* А сейчас — пшик да и только, что с того детского шарика...

Королиха. Весь дух из тебя вышел. Спущенный ты.

Квач. Глупости говорите, бабенции! Глупости! Дальше прошу на полном серьезе. Переходим, можно сказать, на военное положение, а вы про дух... Дух должен быть самый что ни есть крепкий дух! Вот как! И не подрывать дух! Я на материк. Думал, что никогда уже людей не увижу, кроме вас, старьх перечниц...

Мишулиха. А ты, а ты кто?

Королиха. Сказала бы, да стыжусь!

Квач. Тихо вы, раскудахтались! Говорю дальше. Но приходится показываться на люди. Снова эта война!.. В мое отсутствие выполнять поставленную задачу — копать! А врагам, если вдруг объявятся здесь раньше времени... не приведи господь... ничего из продуктов питания не давать. Вот им! *(Показал фигу).* А сейчас за дело!

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Мишулиха и Королиха копают траншею. Мишулиха, облокотившись на лопатку, задумчиво смотрит вдаль.

Мишулиха. Королиха, ты слышишь меня?

Королиха *(подходит, тяжело дыша)*. Что ты хотела, девка?

Мишулиха. Сколько живу на этом свете, а только сейчас заметила, какая у нас красивая земля. Ты посмотри только. Посмотри, посмотри.

Королиха. Ты уже, похоже, в детство впала. Я думала, важность какая у тебя. Ну, и что ты там увидела? Лес да поле.

Мишулиха. А ты погляди, какой он красивый, важный какой, наш лес. Посмотри, молодича.

Королиха *(вглядываясь, крутит головой)*. Что-то я ничего такого не замечаю... Захламленный лес, ноги поломаешь.

Мишулиха. Нет, ты не видишь, какой он красивый.

Королиха приложила ладошку ко лбу Мишулихи.

Не видишь... Не замечаешь...

Королиха. Да вроде бы температура нормальная...

Мишулиха. Неужто правда, что у нас тут все загрязнено той радиацией, что ни есть, ни пить?

Королиха. А мы же едим!

Мишулиха. То ж мы. Мы списанные...

Королиха. Что ты мелешь, Королиха? Какие мы списанные? Жили, живем и будем жить! Если только вот немец не постреляет... не пустит в расход. Родная земля нам силы даст. А даст ли она тем, кто уехал, кто изменил ей, кто предал? Пусть себе она и грязная. А больных, тем более, обижать нельзя.

Мишулиха. Правда, какая ни земля... а она — наша... Тут и деды наши жили, и прадеды, и много веков до них жили наши далекие предки...

Королиха. Кинули вот нас одних... а сами куда побежали? В какой свет? Зачем? Да и кто скажет правду, где оно лучше... может специально людям голову задурили тем атомом, в свет сорвали, чтобы нажиться на взрыве... Немного денег людям дали, остальные себе забрали...

Мишулиха. И если бы у нас уже так плохо было, то какой бы завоеватель полез? А то ж вот почему-то лезут.

Королиха. Копать давай, молодица, копать, а то захватят Шкирдюки наши, дед Квач потом все внутренности переест.

Мишулиха. Никому не отдадим всего этого. Оно — наше потому что. Наше и поле. Наш и лес, пусть себе и захламленный...

Королиха. Тебе вот уже и слово нельзя сказать — придерешься.

Мишулиха. Наше. Твое. Мое. Квача...

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Возле хаты деда Квача. Дед Квач катит настоящую пушку.

Квач. Я же сказал... меня они, супостаты, голыми руками не возьмут. Дудки. Смолы им. Трасцы. Вот пушка! Пригодилась, а то, вишь ты, в музей поставили. Рановаго. Железок в том музее

хватает. Разного. А пушек — мало. Она — вещь нужная. (*К пушке*). Думала ты, гадала ли когда-нибудь, что снова повоевать придется? А кто ж думал! Я? А вот оно как, дорогуша, повернулось. Нужно. Нужно, молодича. А коль нужно, то старая гвардия тут как тут. Снова на передовой. (*Запел*). «Ой, березы ды сосны, партизанские сестры... Шумел сурово брянский лес, спускались синие туманы...» (*Протирает пушку кепкой*). В музее еще настоишься. Музей подождет. Запылилась, запылилась ты немножко... пока тянул тебя на своем горбу. Ничего, ничего — подпудрим. Подпудрим, дорогуша.

Прибегает Снопок. Он чем-то встревожен.

Снопок. Ты... Квач, зачем у меня полную бутылку водки спер, а? Гад! (*Хватает старика за грудки*). Зачем, спрашиваю, бутылку увел? Или тебе жить надоело?

Квач (*испуганно*). Не... не брал. Не брал. Бог свидетель.

Снопок (*отпустил старика*). Доказать?

Квач пожал плечами, ничего не понимая. (*Вытаскивает из ствола бутылку*). А это что? Что это?

Квач. Сдается мне, что она... ага. Определенно.

Снопок (*передразнивая*). Определенно. И нечего, понимаешь, чужие вещи брать. Средь бела дня, между прочим.

Квач. Так я же пушку взял.

Снопок. Пушку — бери, бутылку — не трогать! Эх ты, дед! Для чего у меня в музее пушка стоит? Для какого форсу? Я же в ней от своей жены всегда выпивон прячу.

Квач. Иди ты! Не зря, вижу, с высшим образованием. Дурак... он бы обязательно в ствол снаряд запер, а вот образованный человек... знает что. Бутылку. Определенно.

Снопок. Стакан есть?

Квач (*энергично*). Найдем. Это.. кхе-кхе... найдем. Такое богатство у нас имеется. Боекомплект держим.

Снопок. Жду!

Квач. Ага. Сейчас. (*Исчезает*).

Снопок. Гляди ты, и тут, в Шкирдюках, люди живут? Удивительно. Везде же написано — эвакуированы.. выселены. Гм, я уже и забыл совсем, что эти Шкирдюки есть.

Квач (*возвращается со стаканом и закусью*). Есть. Живут и будут жить. Врагу не сдадимся. Наливай.

Снопок (*набивает себе цену*). Сейчас нальем.

Квач. Мне только граммულку. Нельзя. При исполнении. Командирствую. А то невзначай переберу, тогда не с той стороны защищаться начнем. Еще по своим из пушки шандарахну. Хватит. Доза, доза.

Снопок. А разве я тебе? (*Свысока глянул на деда, выпил*). Хороша-а! Фу-у! А ты, старик, закуси вместо меня.

Квач. Так что — не капнешь?

Снопок. Нет. Мне самому мало.

Квач. А за стакан? За хлебушек?

Снопок молча налил в стакан, протянул Квачу. (*Взял стакан*). Вы садитесь, садитесь, товарищ музейный экспонат...

Снопок. Экспонаты не пьют.

Квач. Ага. А я выпью. (*Выпил*). Запекло сразу. Поведай нам, заброшенному и забытому люду, товарищ, значит, музейный...

Снопок.... работник.

Квач. Работник, определенно.. что там, на материке, на Новой земле делается. Кроме войны. Про войну наслышаны.

Снопок. Курить можно?

Квач. Кури, кури. Тра... травись. Ага. Разрешаю.

Снопок (*закурил*). А об чем тебе, Робинзон, сказать-то? Президента выбрали.

Квач. Неужто? Самого... президента? Ай-яй-яй! И кого же?

Снопок (*налил, молча выпил*). Высокий. Красивый. И, главное, с коррупцией борется.

Квач. А кто он этот... коррупция?

Снопок. Со всеми сразу бандюгами.

Квач. Ага. Так, так. И кто ж кого?

Снопок. Еще борются.

Квач. А почему ж мне... а почему ж мне урну не принесли? Раньше приносили. Находили и в больницах, и на хуторах.

Снопок. И без тебя, стало быть, хватило голосов. Дак его же, президента, год назад еще выбрали. Не слышал разве?

Квач. Никто не говорил. Раньше же бюллетень тот и покажут даже, в какую дырочку кинуть... нацелят точно...

Снопок. А недавно референдум был.

Квач. Гляди ты! А... что это... референдум этот?

Снопок. Выпьешь?

Квач. А почему на дурницу и не выпить? Какой же дурак не пожелает?

Снопок выпил. Квач ловит в воздухе рукой стакан.

Снопок. Так на чем это мы остановились?

Квач. Грозился дать сто граммов.

Снопок. Вечно ты, дед, как выпьешь, то начинаешь лишь бы что говорить. Так на чем это мы остановились?

Квач. На референдуме.

Снопок. Правильно. Голосовали за язык.

Квач. Как это?

Снопок. А очень просто. Все белорусы выбрали себе два языка, а ни на одном говорить не могут.

Квач. Иди ты! Ишь! Так что мне теперь... это... на каком языке балакать?

Снопок. На каком говорил, на том и сыпь.

Квач. Э не, тут дело серьезное. Еще не на том языке ляпнешь — заберут в кугузку, и с концами. Знаем!

Снопок. Тебя, старую тетерю, не заберут. Кому ты нужен? Бензина нету, чтобы с тобой возиться. Водки больше, но слабая — не зальешь. *(Заткнул бутылку, спрятал в ствол пушки).* Когда надо, тогда и бабахнем.

Квач. Прямой наводкой. Ты, вижу, парень не промах, мимо рта не пронесешь. *(Спихватился).* Подожди, а где ж мои бойцы? Где ж мои бабы?

Снопок. Тебя что... когда выпьешь, еще на баб тянет?

Квач. Вынужденная ситуация. Определенно. Я один мужчина в Шкирдюках...

Снопок. А-а, тогда понятно.

Квач... и все командование взял на себя. Взвалил. Хочешь, я и тебе задачу поставлю?

Снопок *(безразлично)*. Давай.

Квач. Подежурь у приемника. Может еще сказанут что новенькое? Должны же какие-то сообщения Совинформбюро передавать. На то и война.

Снопок *(он прилично захмелел)*. Согласен. Однако же оно, твое радио, молчит. Как его слушать? Ухом или чем?

Квач. Научу, научу. Здесь наука простая. Берешь инструмент в руки *(взял метлу)* и шевелишь... ловишь, значит, волну, определенно. *(Пошевелил, из динамика вылетело: «...очередь на границе... три километра... военная техника...»)* Слышал? Все прут, нахалы!

Снопок. Ну. Слышал. *(Икнул)*.

Квач. Так что шевели радио и сообщай, какие новости. Но лучше записывай. Есть чем?

Снопок. А как ты думаешь? *(Ковыряется в карманах)*.

Квач. А я в свое войско. Будем занимать оборону.

Снопок. Нравишься ты мне, дед, честное слово. А почему тебя, мне интересно, нету в музее? Ты заслуживаешь. Твое место — там!

Квач. Наверстаем. На той войне не отличился шибко, отметимся на этой.

Снопок. Нет, твое радио, дед, пусть другие шевелят. Сейчас мы лучше запишем.. Я привык работать. В любых условиях. А почему бы и не записать? *(Достал наконец-то блокнот, ручку)*. Я для тебя, дед Квач, целый стенд в музее отведу.

Квач *(серьезно)*. Рановато. Рановато... определенно!

Снопок. Тут вопросы задаю я. За базар отвечаю лично. Так, начнем с семьи. Жена. Как звать? Где она?

Квач. Маруся. Как еще звать? У нас тут одни Маруси были да Дуняши, Евдокии. А где? Запиши адресок, запиши: деревенское кладбище, первый ряд в шестой шеренге... от лесу.

Снопок. Пишу, пишу, не так быстро. Я те не машина, а живой человек. Дети. Графа: дети. Где?

Квач. Вопрос, брат, серьезный. Спросил бы что полегче. Дочь где-то в городе.

Снопок. Пишу, пишу, айн момент.

Квач. Слушай, а интересная она, моя Нинка, холера. Я так помню, как первый раз с Марусей поцеловался, а она не помнит, как ее первого мужика звали.

Снопок. Пишу, пишу. Не так скоро.

Квач. А сын у меня очень большим начальником работает. Тоже в городе. Ехать не едет, а иногда на письмецо не покупится. В последнем письме сообщил: работаю, папаша, снабженцем — снабжаю работой милицию и суд.

Снопок. Записал. А как же быть нам с пушкой? Она же — главный экспонат в музее.

Квач. Окончится война — тогда и заберешь.

Снопок. Война?

Квач. Война, война!

Снопок (*энергично*). Мы выполним любой приказ! Говори, куда идти! (*Патриотично постучал в грудь*).

Квач. За мной! За мной... вояка...

Снопок, пошатываясь, идет за Квачом. Исчезают.

Квач сразу же появляется.

Один отвоевался. Слабак. Я давно заметил, что интеллигенция пить не может. Стакашку шморганет — и с копыт. Слабоват народишко пошел. Жидеет. И с кем тут оборону занимать? (*В отчаянии бросил оземь кепку*).

Появляются Мишулиха и Королиха. Они несут столб, на котором написано: «Шкирдюки».

Мишулиха. Куда его, Квач, столб этот?

Королиха. Надо спрятать, а то по нему определяют, где находятся наши Шкирдюки, и припрутся.

Мишулиха (*Квачу*). Чего глядишь, как баран на новые ворота? Что, думаешь, Шкирдюков наших нету на карте?

Королиха. Есть! Коль живет здесь дед Квач, то они, Шкирдюки наши, всюду помечены. Как и Минск.

Мишулиха. Бросай, Королиха!

Бабы бросили столб.

Квач (*лицо светится в улыбке*). Определенно. А я уже думал, с кем тугова занимать оборону. Бедовал, что не с кем. Есть, вижу, с кем. Мы, бабы, где из ружьишка, где из пушки, а где и головой по врагу шандарахнем! (*Положил руки на плечи женщинам*). Аж из трех голов шандарахнем! А пока — перекур, родненькие мои! Как и в настоящей армии — до утра! И слушать мои команды. Дед Квач подаст знак. Вопросы есть?

Мишулиха и Королиха (*вместе*). Нету!

Квач. И у меня к вам. Определенно.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Действие второе

Возле хаты Квача. Дед Квач сидит на скамейке, в руке держит кепку. В разных местах стоят Мишулиха, Королиха и Снопок.

Квач. Товарищи! Граждане! А как быть, если вдруг... сами понимаете... жизнь есть жизнь... война есть война... если вдруг я смертью храбрых... вдруг... лягу на поле боя... где косил и сеял... за свои Шкирдюки... Как, так сказать, мне быть?

Наплывает траурный марш.

Мишулиха (*промокнула слезы*). Схороним... как героя...

Королиха. В новых подштанниках.

Снопок. А я в музее новый стенд выставлю. Перед входом. И напишу аршинными буквами, чтобы бросалось потомкам в глаза: «Дед Квач — герой последней войны».

Квач. Спасибо. Это все хорошо. Я верю, что так и будет. Но я о другом. Если, не дай Бог, погибну, кем вы меня будете считать?

Королиха. Мы же сказали — героем!

Мишулиха. Разве мало?

Снопок. И стенд! В музее! На видном месте! Читайте, потомки! Дед Квач — это наш дед Талаш!

Квач (*сморщившись*). Нет... нет... нет! К какой... поймите же вы в конце концов, меня запишите партии?

Мишулиха. Вот ты о чем запел, соловушка!

Королиха. С далеким прицелом. А какая тебе разница, с какой партией в гробу лежать? Это если бы с бабой...

Снопок. А в его желании, между прочим, зерно есть. Говори, дед, говори! Развивай!

Квач. Так что... если что... считайте меня партейцем. *(Перекрестился.)*

Мишулиха. Будем, будем, Квач, считать.

Королиха. Считать не трудно.

Снопок. А я в музее, как и обещал, нарисую твой боевой путь.

Приходит Белка.

Белка *(протягивает Квачу белый платочек)*. Держи, дед.

Квач *(взял)*. Что это за портянка?

Белка. Пригодится, пригодится. А вдруг сдаваться надо будет? А вдруг не осилим фрицев? Тогда и высунем на твоей метле белый платок... чтоб зря не гибнуть.

Квач. Ага! Платочек! Белый! Еще не воюем, определенно, а она уже сдается! Товарищ Снопок! Товарищ музейный...

Снопок *(подсказывает)*... работник.

Квач. Гы-эм... Как вы оцениваете поведение Белки, Клавдии рожденной?

Снопок *(напустил на лицо важность)*. Ну... так сказать... если можно так сказать... а сказать надо... что товарищ... или товаришка... ша... еще не вступила в бой, и здесь правильно отмечалось, агитирует нас, понимаете, кажется... Что это значит, я спрашиваю у вас?

Королиха. Дак чего ж ты у нас спрашиваешь? Х-хы, у нас спрашивает. А чему тебя в институте или где учили?

Мишулиха *(строго)*. И покороче говори! А то развел тут!

Квач. Тише, бабы, тише. *(Снопку)*. Ну, ну.

Снопок. Что это значит, я спрашиваю? Ага. А это — деморализация...

Белка *(ищет глазами поддержку)*. Вой! Гляньте! Приписал какое слово, паразит! Боже! И кто ж это агитирует? Я? Да

зачем мне вас агитировать, людцы добрые? Я ж могу, пока не пришли эти... те... кто будет, Квач?

Квач. Это мы уточним.

Белка...пока те немцы с американцами в наши Шкирдюки задрюпаннные...

Мишулиха (*грозно*). Ну-ну, ты-ы!

Квач. Стоять, Мишулиха! Стоять!

Мишулиха. А то я тебе покажу «задрюпаннные»!

Белка. Чегой-то она? А какие ж они, Шкирдюки?

Мишулиха. Для меня самые лучшие!

Королиха. Правда, правда, Белка.

Белка. Ой, гляньте вы! Я же могу к себе в город поехать и там переждать войну... в подвале же. Город они, агрессоры те, не проглотят. Подавятся.

Квач. Так. Так. (*В движении*). Если я не дурак, а я себя таким не считаю, то Белка повернула оглобли в сторону города... определенно... хочет чесануть с передовой.

Королиха. Под арест ее, и весь разговор.

Мишулиха. Посидит — поуразумеет.

Белка. Ты разве кур моих будешь кормить? А если окочурятся?

Квач. Вот-вот! Под арест. Давай, давай, Белка, иди в мой погребок. Женщины, отведите ее. Как опасную.

Мишулиха (*берет Белку под руки*). Пошли.

Белка. Прошу культурно. Это тебе, Мишулиха, не тридцать седьмой. Сейчас, может, демократия.

Снопок. Демократия — не лучшая форма руководства, но лучшей нету. Черчилль.

Белка. Сейчас — делай, что хочешь, и болтай, что хочешь. И на кого хочешь. Могу и на самого президента лунуть из ведра. На Клинтона.

Квач. Разогналась! Товарищ музейный...

Снопок. Понял. Я понял. (*Болезненно*). Я вот думаю... мои дороги избиратели... простите. А думается мне сегодня плохо...

Мишулиха. Что... тебе, может, таблетку принести? От головы?

Снопок (*машет на Мишулиху руками*). Нет-нет! Ой, фу-у! Нет-нет!

Квач. Не надо таблетку. Не поможет (*взял в стволе пушки начатую бутылку*). Эта таблетка поможет. Определенно.

Снопок (*взял у Квача бутылку*). Ага. Эта... она покрепче... и как раз от головы... (*Сделал несколько глотков*).

Мишулиха и Королиха по очереди заглядывают в ствол.

Квач. Сейчас дело пойдет. Эта пушка знает, когда выстрелить.

Снопок. В этом ей не откажешь. (*Засунул бутылку в ствол*). Так, товарищи-граждане, продолжим нашу экскурсию... простите, а на чем я остановился?

Квач. На Белке.

Снопок. Ага. Правильно. На ней. Думаю, домашний арест — мера оправданная...

Квач (*решительно*). Отвести!

Снопок... и необходимая... я бы так сказал.

Квач. Исполнять!

Мишулиха. Пошли.

Королиха. Пошли, пошли.

Белка. Ой, испугали бабу... не буду говорить чем. И посижу! А между прочим, Квач, многие в тюрьмах и пересидели войну. Это, может, получше, чем на передовой...

Женщины исчезают.

Квач. Где лучше, мы знаем. Не первый день замужем. И так будет с каждым... с каждой, кто дрогнет... надломится.

Наплывает гул самолета.

Началось, едри твою в корень! Попер супостат!

Снопок (*суетливо*). Холера, а! Куда ж?... Показывай, Квач, куда прятаться? Под какой корч голову засунуть?

Квач. Прятаться дома будешь бабе под юбку. Тут воевать надо. Запускай пушку!

Снопок. Дак я ж ее боюсь. Как и своей бабы. Одинаково. Да и в ней же заряду нету. Снаряд учебный, видать. Уже сколько лежит. Сгнил, поди.

Квач. Потренируемся. Самолетов развелось, как колорадских жуков. Нам хватит. Запускай пушку!

Гул самолета нарастает.

Снопок (*нервно*). С тобой пропадешь, дед! Уже близко!.. Не ты его — так он нас! А-а-а! Подожди! (*Вспомнил про бутылку в стволе, подбежал, забрал ее*). Все. Можно.

Квач (*сам наводит пушку*). По моей команде будешь тянуть за шворку. Подготовиться... так-так...

Снопок. Я? Я?...

Квач. А кто тут есть еще, кроме тебя?

Гул самолета нарастает.

Снопок. Ага! (*Почти дрожащей рукой взял шворку*).

Квач. Подготовиться!... Пли!...

Снопок медлит.

Тузай! Тяни!... Или ты только из бутылки можешь тянуть, защитник Отечества?

Снопок (*у него дрожат руки*). Ага... сейчас... подожди... Где ж он, тот самолет? (*Задрал голову*.)

Квач. Тяни, мать твою!... (*Потянул сам за шворку, оттолкнув Снопка, и пушка... выстрелила. Все вокруг заволокло дымом, пушку куда-то забросило, нету и Квача. Снопок лежит на земле, не дыша. А самолет взревел — так, как и подбитые в настоящем бою, и где-то далеко за деревней прогремел взрыв*).

Появляются Мишулиха и Королиха.

Мишулиха (*испуганно*). Боже!

Королиха. Что это — по нам бьют? Или мы по ним?

Мишулиха. А где ж Квач, командир наш?

Королиха. Этот, из музея, тут... (*Потыкала в Снопка ногой*).

Живой.

Мишулиха. Ему нельзя умирать — у него после войны самая работа начнется: увековечивать будет...

Королиха (*зовет*). Квач! Ты где, голубчик?

Снопок (*с трудом приподнял голову*). Под... подбили?

Мишулиха. Да похожеже! Похожеже! За лесом что-то ухнуло.

Королиха. И горит вон.

Снопок. И так будет с каждым! (*Голова рухнула на землю*).

Королиха. Но что-то и пушки нашей не видать.

Мишулиха. Квач найдет.

Королиха. Сначала Квача самого найти надо. И куда его могло закинуть? На какой сук?

Голос Квача. Иду, бабы-ы! Иду-у!

Мишулиха. Живой!

Королиха. Он пока всех фашистов не передушит — не умрет. Женщины бросились навстречу Квачу, обнимают его, целуют. Даже не обращают внимания, что одежда на старике — одно рванье, а на голове нет привычной кепки.

Мишулиха. Живой. Дай я тебя поцелую, бусенька моя.

Королиха. Разреши и мне, Квач. С боевым крещением тебя, дед!

Снопок пробует подняться, делает это с большим трудом. Все же становится на ноги.

Квач (*строго*). Где пушка?

Мишулиха. Так это мы у тебя должны спросить.

Королиха. Ты же из нее, кажется нам, самолет подбил.

Квач (*гордо*). Ну. Было. А после того, как шандарахнул, куда она девалась?

Снопок. Я только помню... что она стояла, пушка... в музее... на переднем плане...

Мишулиха. Ой, и правда же, куда могла пушка подеваться?

Королиха. Она что — вслед за самолетом улетела?

Квач. Не допущу, чтобы было так, как в настоящей армии. Там оружия много — могут терять, продавать налево и направо, а нам надо беречь.. как зеницу ока. Определенно.

Королиха. Так и кепки твоей, Квач, что-то я не вижу? Или я может уже ослепла?

Квач (*лапнул голову*). Кепка... не пушка, у меня их много, кепок, на печи. Супостата однако кепками не закидаешь.

Снопок. Да вон она, вон, кепка. *(Показывает на дерево, где застряла кепка.)*

Мишулиха. Куда забралась. Сильный заряд, видать, был, что вы все как после свадьбы... в себя прийти не можете.

Квач. Учебный.

Королиха. А пеканул!

Снопок. Свыше сорока точно было...

Квач *(снял метлой кепку с дерева)*. Слушай мою команду, товарищи народные ополченцы. Как видим, воевать мы можем. Не разучились. Нам даже по зубам мощная техника.. даже воздушная... в чем мы убедились собственными глазами.

Мишулиха. За твою голову, Квач, скоро враги назначат награду... такую цену заломят, что все бросятся тебя искать. Чтобы денег заработать. Ни в каком лесу не спрячешься.

Квач. Кхе! Дудки они меня найдут. Дудки. Тем более в лесу. Я в ту войну там, было, спрягался, что свои не нашли.

Снопок *(спокойно, но твердо)*. Ищите пушку. Ищите пушку. Она у меня главный экспонат.

Квач. Ис... кать. *(Заметив Шурика, остановился на полуслове.)*

На велосипеде подкатил Шурик.

Шурик *(весело)*. Слыхали? Тыр-р-р! *(Соскочил с велосипеда.)*

Мишулиха. Смотря что.

Шурик. Да самолет сбили дураки какие-то!

Королиха. Туда ему и дорога!

Мишулиха. Не будут летать над чужой территорией.

Королиха. Разлетались тут! Еще трубу не зацепили!

Шурик. Не знал, что вы такие, земляки, бессердечные. Люди же погибли. Весь экипаж, говорят.

Мишулиха. И это люди? Какие же это люди? *(Наступает на Шурика)*. И ты еще, молокосос, их защищаешь?!

Королиха. Не трогай, девка, хлопца. Своего задушишь.

Шурик. Что это на вас напало, тетки? Вы же были нормальными... кажется.

Мишулиха. Тут дойдешь.

Квач *(довольно потирает руками)*. Боевой счет открыт. Запомните этот день! Определенно!

Шурик. Видать, что-то в самолете взорвалось.

Квач (*кивает в сторону Шурика, улыбается*). Слыхали? «Взорвалось» не в самолете, а где надо.

Шурик. Скорее всего разборка была прямо в воздухе.

Квач. Какая... разборка?

Мишулиха. Они, молодые, знают.

Шурик. Обычная. Что-то, видимо, между собой не поделили криминальные авторитеты. Пускай бы уже хоть на земле разбирались, так нет же, места им здесь мало, в небо поднялись. Чудаки.

Квач (*обводит всех таинственным взглядом*). Ты что хочешь сказать, городской мерин, что тот самолет, который грохнулся за лесом, сбил не я? А?

Шурик (*смеется*). Ох, и насмешил, дед! Ох, и даешь! А ты, вижу, хочешь мне сказать, что самолет тот ты сбил, так?

Квач. Я! Как есть я! И вот он, товарищ музейный...

Снопок... работник.

Квач. Да какой ты работник, я подозреваю...

Мишулиха. Они, они, Шурик.

Королиха. Напились и подбили. С пьяну чего не сотворишь.

Квач. Как тебе не стыдно, Королиха?

Королиха. Ну, немного же выпили?

Квач. Как и положено, по сто фронтových граммов взяли.

Снопок. По сто, по сто. (*Икнул.*)

Квач. Во, вся правда.

Шурик. Чем же ты, дед, тот самолет сбил? Палкой?

Королиха. Его палкой собьешь!..

Квач (*вспомнил про пушку*). Искать! Искать, я сказал!

Женщины и Снопок исчезают.

(*С хитринкой к Шурику.*) Ну, ну, что ты еще там про самолет слыхал? Говори. Я слушаю.

Шурик. Короче, дед. Тому, кто сбил тот самолет, если только они сами себя не порешили в воздухе, хана будет. Каюк. Из-под земли достанут. Криминальные авторитеты не шутят.

Квач (*немного испугался*). Неужели? А?

Шурик. А ты как думал! Это если бы сбили самолет с государственнымими мужиками... я уже не говорю о простых пассажирах... с банкирами там разными... с гендиректорами... то все сошло бы с рук. Некому искать виноватых — на их место много желающих, надо побыстрее тепленькие места захватывать. А в криминальном мире все наоборот — там такого не простят. Там каждый человек голову имеет...

Квач. Голову?

Шурик. А она, голова, дорого стоит. А все, что дорого стоит, охраняется. Как памятники.

Квач. Да памятников вон много повалили.

Шурик. Ты не виноват.

Квач. Я уже, можно сказать, одной ногой там, на том свете... даже если не паду на войне...

Шурик. На какой такой войне?

Квач. Можно подумать, что, сукин сын, не знаешь. Не притворяйся, Шурик! (*Пригрозил пальцем*). Не хочешь воевать, поэтому и делаешь вид, что вокруг ничего не происходит.

Шурик. Плети, плети, дед. Ты когда-то, помню, хорошо лапти плел.

Квач (*строго*). Не перебивать! (*Выдержав паузу, мягко*). Вот сейчас послушай меня, старого дурака.

Шурик. Слушаю, слушаю.

Квач. Конец мой скоро.

Шурик. Живи, дед, живи.

Квач. Сам знаю, что делать. Не перебивать. Я же за вас волнуюсь. Как жить будете? Вот рехерендум тот... от языка отреклись.

Шурик. Молчу, молчу!

Квач. Молчи, молчи. А кто будет говорить? Я? Мишулиха? Или Королиха? Так мы не шибко-то говоруны активные. Нет, вы, молодые, должны думать сами про завтрашний день. Сами. Как это можно отказываться от языка, который нам Бог жаловал? Если он пальму посадил в Африке, то она там и растет. А посади ты ее, пальму, у нас... что вырастет? Что?

Хрен с маком! Нет, ничего не переделаешь без Всевышнего. Он — Бог, наш главный президент. А этих, на земле, много будет... Много... Поставь меня вот президентом — так я, с позволения сказать, все быстро на свои места расставляю. Мигом! Шурик, слушай сюда...

Шурик. Слушаю, слушаю. Ты, вижу, дед, политинформатор еще тот.

Квач. А как же! Государством же еще легче руководить, чем бабами в Шкирдюках. Тут же не тот механизм... А в общем масштабе, определенно, только и подавай команды в общем направлении... Одному конкретному человеку труднее сделать что-то, чем всем вместе, сразу. Всем вроде бы и делаешь что-то, чтобы хорошо было, чтобы лучше жилось, и никому ничего не делаешь. А? Как?

Шурик. Задурил ты мне голову, дед Квач. Ладно, воюй. А я поеду кисточку искать. Уже возвращаться надо, а я еще оградку на могилках не могу покрасить. Воюй. *(Уехал)*.

Квач. Кому твоя оградка нужна сегодня? Отбиваться надо! Ох, и непутевые же все, гляжу!

Снопок катит колесо от пушки.

Что... это?

Снопок. Ну колесо же от нашей пушки.

Квач. А-а-а-а!

Снопок. На болоте нашел. В ступице лягушка-царевна сидела и стрелу ждала...

Мишулиха, согнувшись, несет ствол.

Мишулиха *(утомленно шлепнулась у ног Квача)*. С твоей, Квач, войной! Тьфу!..

Королиха тоже катит колесо.

Квач. Давай, давай помогу.

Королиха. Не надо, сама. И что это за пушка такая, которая после первого залпа рассыпалась, как сухой комок земли?

Снопок. Давайте, женщины, все запасные части в кучу... будем пушку собирать. Она у меня на особом учете. Главный экспонат.

Собирают пушку.

Квач. В нее и в самом деле, в пушку эту, только бутылку от жены прятать.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Белка в погребе. Она сидит на ящике перед большой бочкой.

Зачерпнула кружкой из бочки, с наслаждением пьет.

Белка. Вкуснище! Вино, какого и в Молдовии не сыщешь. Ну, Квач! Ну, винокур! А молчал, паразит! Да я здесь буду сидеть до конца жизни. Нет, не выйду. Никогда. Притянутся за мной, начнут упрашивать: «Выходи, Белка». А я им: «Пошли вы, старые б... старые тетки, одним словом, со своим старым дедом на хутор бабочек ловить. Слыхали? Вот и ловите». Вино что надо. И, главное, бесплатное. Х-ха-ха-ха-а-а! *(Кричит воображаемым сельчанам.)* За вас, родненькие! Чтобы вам хорошо жилось, чтобы вам пилося, елось и еще хотелось. *(Пьет).* Вроде бы слабенькое... *(икнула)*... а градус имеет. *(Икнула).* Имеет. Берет хорошо. Они меня с той стороны заперли, а я — с этой. *(Заперлась).* Пусть теперь возьмут. Не дамся. Этот погреб Квача — моя крепость! *(Когда идет, пошатывается, а потом и вовсе упала на четвереньки, так и ходит, как заведенная игрушка).*

Подходит Квач. Прислушивается.

Квач *(смотрит в дырочку)*. Арестованная Белка, у тебя есть возможность выйти на свободу.

Белка *(отвернулась, с отвращением)*. Да пошел ты!..

Квач *(потянул на себя дверь, та не послушалась)*. Ты мне нужна. Определенно.

Белка. Тебе? Х-ха-ха-а-а! Я... городская женщина... постоянный участник танцев... для тех, кому за тридцать... и где у меня, разумеется, отбою нет от кавалеров разной масти... вдруг стала нужна этому старому пердуну? Х-ха! Катись отседова, катись, котелок лысый, я сказала!

Квач *(пробует открыть дверь, но ничего не получается)*. Открой. Открой, Белка. Это будет учтно.

Белка. Я здесь без тебя кайф ловлю. *(Пробует подняться — не получается: так и стоит на четвереньках).*

Квач (*почти взмолился*). Белочка, Клавочка, выручай. Побудь за пушку. Вот... ага. Ты так стоишь, как пушка. Аккурат. Побудь, золотце. Нам хотя бы не выстрелить, нам хотя бы запугать супостата. На тебя немцы глянут — и сразу деру дадут. И наши Шкирдюки сберегутся, враг не займет.

Белка (*наконец-то встала, однако на ногах стоит неуверенно*). Захотел... баламут старьей... меня одну подставить против целой армии... А если не испугаются, не повернут назад? А если они, мать их... наоборот... обратят на меня... или на пушку внимание? Чем мне тогда отбиваться? Чем, а?

Квач. Сдурела? Или как понимать? Какой дурак на тебя глянет? Самый закоренелый враг бросится назад, только пятки будут сверкать. Выручай. Иначе наши Шкирдюки останутся без вооружения... без пушки. Побудь за пушку.

Белка. Нет, не уговоришь. Меня всегда, когда помоложе была, долго парни уговаривали. Но... уговаривали. Поддавалась. Душа добрая. Всех жалко. Что, может, и ты зайти хочешь?

Квач. И зайду. Зайду, Клавдия.

Белка (*открывает*). Заходи. Будь как дома, но не забывай, что ты у меня в гостях в своем погребе.

Квач (*возмущенно*). Так ты что, все мое вино попила?

Белка. Война все спишет. Ну, действуй. Действуй. Как на войне. Принимай решение...

Квач. Сначала, правда, давай-ка по граммулке.

Белка (*весело*). О! Дак и ты другой раз правильно шурупишь, бывает. Не все мозги высохли. Немножко осталось. С кого начнем? (*Зачеркнула кружкой из бочки*).

Квач. Дак тебе... может... хватит?

Белка. Откудова ты знаешь, сколько мне надо?

Квач. Ну, выпей, выпей.

Белка. Нет, мочи ты.

Квач (*выпил*). Во-о! И сам запомнил, что у меня такое лекарство есть.

Белка (*взяла у Квача кружку, допила*). За твою победу выпила, Квач.

Квач. Больше не пей. Не разрешаю. Под арестом ты или где, а пить больше не разрешено... бабам.

Белка. Тогда дай я тебя, Квач, поцелую? Это хоть можно?

Квач. Во... начинается наступление сразу по всему фронту. Изнасилуешь еще, чего хорошего, деда.

Белка потянулась к старику.

Отставить!

Белка (*испуганно дернулась*). Фу-у! Напугал, однако! Холодно тут у тебя, Квач. Погрей.

Квач. Вот кончится война...

Белка. Мне так мой мужик говорил... вот кончу учебу... вот кончу работу... вот съезжу на рыбалку... Сам кончился, а я, старая и дурная баба, все жду чего-то. И чего, если спросить? И дождалась войны. Послушай, дед, так с кем хоть воевать будем-то? Как его звать, того захватчика?

Квач. А кто придет, тому и намылим шею.

Белка (*пнула воздух кулаком*). Получай, гад!

Квач. Не трать энергию. Пригодится. Не трать.

Белка. Шкирдюки без боя не сдадутся. Как думаешь, дед?

Квач. Понятное дело.

Белка. Давай за это выпьем. Утощая.

Квач (*замахал руками*). Нет-нет-нет-нет! Баста!

Белка. Бесплатное. Не подумай, дед, что я пьяница... Что-то на меня нашло, а что — сама не знаю. Это все, похоже, война проклятая! Войной дыхнуло — вот я и развязалась.

Квач. Завязывайся, завязывайся, девка.

Белка. Я тогда в норме, когда начинаю стриптиз давать. Не даю стриптизу — значит, пить можно. Ты это чего задумался, старый булькач?

Квач (*в движении*). Где-то, возможно, враг уже на подходе.

Белка. А знаешь, о чем я думаю?

Квач. Ты всегда не туды думаешь.

Белка. Сдамся в плен.

Квач (*потеряв дар речи*). Пов...пов... повтори!

Белка. А в плен сдамся.

Квач. Видишь, видишь, какая ты стерва, а? В плен.

Белка. Попрошу не оскорблять.

Квач. Правильно ты сидишь в моем погребе! Умно! Заслуженно! И сиди! Без тебя бой примем. Вишь ты какая! Вишь ты какая! То белый плажок приперла, то уже в открытую заявляешь: сдамся в плен!

Белка. Что, они там меня одну не прокормят?

Квач. Когда вы уже нажретесь все? Это ж надо! Это ж надо! Одно в голове... у мужиков — бабы, у баб — мужики, а у всех вместе — жратва! Тьфу! И ни морали, и ни чести! Боже, удержи еще хотя бы на пару деньков вражью стаю, не подпускай к нашим Шкирдюкам, а то возьмут без боя. Побежал, побежал искать оружие... у меня там в лесу припрятано... есть у меня там... с той войны... как знал, что пригодится... Больше не на кого надеяться... только на себя... буду отбиваться... Хватит вооружить мой батальон в количестве четверых человек... (*Исчезает*).

ЗАТЕМНЕНИЕ.

У хаты деда Квача. Появляется Квач. Он несет пулемет и два автомата ППП. Заметил пушку.

Квач (*улыбается*). Как игрушка! Вы только посмотрите! Красавица! (*Рядом с пушкой положил оружие*). Пулемет. Автомат. Второй... Теперь никакой самолет не просочится в небе, а на земле... пусть и не мылятся. Замок!

Появляется Шурик.

Шурик (*соскочил с велосипеда*). Дед, я тебе очки привез. На, держи. Держи, держи!

Квач (*взял*). А... зачем... очки?

Шурик. Чтобы видеть, какие самолеты сбивать. Ты же, правда, кокнул наш самолет.

Квач (*поперхнулся*). Наш? Как... наш?

Шурик (*заметил оружие*). Ничего себе! Ты что, в Чечне наворовал?

Квач. Так, говоришь, не тот я самолет шандарахнул? И они теперь на меня все свои аварии спишут?

Шурик (*как и не слышит, не сводит замороженный взгляд с оружия*). Нет, я пошел... меня здесь не было и нету... я в армии не служил и не хочу... я не знаю, как стрелять из твоих, дед, пулеметов и автоматов.

Квач (*наконец-то пришел в себя*). И ты, негодяй, откупился от службы?

Шурик. Пусть другие служат.

Квач. А война же... кто тебя защищать должен? Я? Бабы?

Шурик. Дураков хватит! (*Исчезает*).

Квач. Ах ты, негодяй! (*Хватает автомат, целится в сторону Шурика*). Мне б еще патронов! Я бы тебе показал, где раки зимуют!

Прибегает Снопок.

Кто за тобой гонится?

Снопок. До меня докатились слухи, что мы и в самом деле кокнули самолет, в котором летели круглые ребята. А может, и сами они что сотворили, а наш выстрел совпал... Но сейчас попробуй докажи. Вот. Ищут, значит, главного виновника. Тебя. Обещают на первой березе повесить.

Квач. А это видал? (*Кивнул на оружие*). Пускай приходят. Будет с ними то же на земле, что и в небе. Броня крепка и танки наши быстры!..

Снопок. Не хорохорься. Сначала тебя, как командира, а тогда уже и меня, потому что за шворку ту идиотскую помогал тянуть. Но это же ты меня заставил, ты! Я не хотел! У меня еще дел здесь, на земле, много и мне нечего на той березе делать. Прячься, дед! Прячься!

Квач. Так ты что, мне предлагаешь убежать, драпать?

Снопок. Обязательно! Без промедления!

Квач. И это я, Квач, должен убежать из своих Шкирдюков от каких-то там хлопцев... от круглых ваших. Не знаю я никаких круглых и знать не желаю. Я знаю только круглые яйца. Куриные. Это которые хорошо сварились. Я, можно сказать, буду держать оборону от врагов, которые с минуты на минуту нападут на нас, а ты, крыса музейная, хочешь, чтобы я бросил все здесь, мозолем нажитое, и задал деру.

Снопок. Я, извини, не крыса, не крыса!

Квач. Прощу оставить боевую позицию! Даю тебе десять минут. Не допущу, чтобы вносился разброд в наши боевые порядки! Определенно!

Снопок. Я один не уйду — только с пушкой.

Квач. Жалко, что у меня один погреб, а то и тебя запер бы туда. Хотя тебя опасно — утонешь в бочке...

Прибегает Мишулиха.

Мишулиха. Тревога! Тревога-а-а!

Квач. Что у тебя?

Мишулиха. Хуже не придумаешь. Белка сбежала.

Квач. Куда ж она... разве что в город? Говорила. Мечтала. И пугала, что дезертирует.

Снопок. Белка ваша сидит возле дороги на самой высокой сосне и всматривается вдаль... руку вот так... козырьком... *(показал)*... и всматривается.

Квач *(решительно)*. Наводи пушку на то дерево, на ту сосну, где сидит Белка. Мы ей сейчас орехов подкинём.

Снопок *(наводит пушку)*. Да навести нетрудно.

Появляется Королиха.

Королиха. Что, боевая тревога?

Квач. Она, она. Мишулиха, тебе пулемет. Королиха, получай автомат.

Женщины разбирают оружие.

Королиха. И где ты раздобыл такое красивое оружие?

Квач. Отставит пустую болтовню. *(Снопку)*. Поймал цель?

Снопок. Ловлю. Когда же сосен много. И все высокие.

Квач. Лови, лови. Граждане, земляки. Почему Белка, рожденная Клавдия, сидит на дереве? Что, думаете, ей в моем погребу плохо было?

Мишулиха. А чего она, Квач, туда забралась?

Королиха. Какая холера ее туда занесла?

Квач. Дождется врага. Как только они покажутся на дороге, она и выбросит свою белую тряпку... и сдастся в плен.

Женщины засокотали, осуждая Белку.

Мишулиха. Корова! Прости, Господи! Видали ее?

Королиха. Ищи, ищи, Снопок, где она сидит. Сбить надо обязательно. Как и самолет. Иначе сдастся в плен и поедет жить куда-нибудь за океан. А мы что — хуже?

Квач (*бросил на Королиху такой взгляд, что она пожалела о сказанном*). Отбой!

Королиха. Извини, Квач, вырвалось... не то хотела сказать... не то... само... само...

Мишулиха (*Квачу*). А что она сказала? Я прослушала. Королиха, ты что сказала, а?

Квач. Ставь, Снопок, пушку на прежнее место. Всех, кто хочет за границу, из одной пушки не перестреляешь.

Подходит Кнауц. По его внешнему виду чувствуется, что он устал. Все удивленно рассматривают его.

Кнауц (*старается улыбнуться*). Гутен таг! Друзья... правильно?

Королиха. Гутен...

Квач. О, так это он поздоровался. Погодите. Что-то тут не так. Приходит немец и гутентакает. (*Приблизился к Кнауцу*). Ты кто такой будешь?

Кнауц. Их? (*Ткнул себя пальцем*).

Квач. Ты, ты!

Кнауц. Немец, немец я. Германец.

Квач. Слыхали? Немец. Они что, будут по одному их запускать к нам? Как колорадских жуков?

Кнауц. Гут, гут.

Квач (*Снопку*). Чего он хочет?

Снопок. Сказал: хорошо, хорошо.

Квач. А что ему «хорошо»? (*Немцу*.) Тут... у нас... в Шкирдюках ты откудова взялся? На парашюте? (*Тычет в небо пальцем*.)

Кнауц. Нихт, нихт. Нихт!

Квач. Какая тогда холера тебя принесла?

Кнауц. Автомобиль... автомобиль... Правильно?

Королиха. Пи-пип. Ага. Правильно. Это у нас есть.

Кнауц. Мы вам помощь... гуманитарную... крупа... консерва... так, так...

Мишулиха. Давай гони консервы сюда.

Кнауц (*больше Мишулихе*). Понимайт... ниht.

Королиха. Одним словом, и от них нам фига.

Кнауц (*радостно*). О, так, так!

Квач. Кажется мне, что он шпион. Определенно.

Снопок. Попробуй тут разберись.

Мишулиха. Про крупы гергочет, а круп нету.

Квач (*своим, тихо, чтобы не слышал немец*). Может, разведчик? Видите, глазки бегают... туда-сюда. С пушки на пулемет, с пулемета на пушку. Прежде, как на нас пойти, надо же знать, сколько человек, сколько оружия. Так и рыщет глазами. (*Немцу*). Ты не гляди, что нас тут мало. Но мы, как говорится, в тельняшках. Все остальные, а это человек... тысяча пять, не меньше, на полигоне повышают боевую выучку. Практикуются. На занятиях. Палят там из зениток, из пушек... из ракет разной масти. Мастера по боевому делу, а не сидят, сложа руки. Повышаются.

Кнауц. У вас что... война?

Квач. Пока маневры.

Кнауц. Плехо... это плехо...

Королиха. Смотрю я на него... вылитый диверсант. Ничего при себе. Все где-то в кустах попрятал.

Квач. Ты нам, германец, чепуху не носи. Говори, где твои вещи? Где что?

Кнауц. Я гут немец! (*Показал большой палец.*) Гут! Я Кнауц! Шверин... шгадт. Гуманитарная помощь. Так-так. Гут я!

Снопок. Я все понял. Этот немец Кнауц привез нам гуманитарную помощь. Сейчас я узнаю, где она.

Кнауц. Я понял. Так, так. Я вышел... кусты.. нужда... понимаешь?.. Небо... самолет... у-у-у-у!.. и дым над ним... наши ребята и ваши уехали... я в кустах... нужда... остался... честно... Мне можно верить... Я во немец! (*Показал палец.*)

Королиха. Я бы поверила только тогда, если бы он мне дал хотя бы одну консерву. Или кило круп.

Квач. Так что у нас тут... война? Мир?

Приехал Шурик.

Шурик (*энергично*). Погодите. Погодите. Сейчас. (*Достал из кармана фотокарточку, сверяет с Кнауцем*). Он! Вылитый! Как две капли воды! (*Кнауцу*). Я за тобой, пан.

Кнауц. Так, так. Гут.

Шурик. Его обыскались везде. А он у вас. Садись, пан, на мой «мерседес», оттарабаню.

Кнауц (*сел на багажник, помахал людям*). До свидания!

Квач. Шуруй! Определенно! (*Махнул вслед немцу рукой*).

Королиха (*агрессивно*). И что ты сейчас нам скажешь, Квач? Какой автомат дашь?

Мишулиха. Все Шкирдюки на ноги поставил. Давай-ка, Королиха, хоть тумачков ему надаем.

Королиха (*охотно*). Давай, Мишулиха. А вот тебе, Ковпак! А вот тебе, Бляхер! А вот тебе, Буденный!

Женщины разыгрывают «избиение» Квача.

Мишулиха. За войну, которую ты придумал! За оборону, в которую ты нас втянул!

Квач. Я не виноват. Простите. Ой, не так сильно. Это все радиво. Оно.

Королиха. Еще бы штаны с него снять...

Мишулиха. Да по тому месту, на котором сидит...

Квач (*вырвался*). Я сейчас ему покажу! (*Взял метлу, шлепает по динамике*). На! Получай! На! На! Из-за тебя чуть было последние волосы не повыдергивали бабы на голове! На! На! Будешь обманывать, а? Будешь? Оно, бабы, больше не будет.

Королиха. А знаешь, Мишулиха, а в обороне и неплохо было. Хотя немножко от домашних хлопот отдохнули.

Мишулиха. А зачем же мы тогда Квача побили?

Королиха. Чтобы лучше радиво слушал.

Появляется Шурик. На багажнике привез большой бумажный ящик.

Шурик (*весело*). Танцуйте! Этот ящик передали вам немцы, с которыми дед Квач воевать собрался.

Квач. Вы уже это... земляки... нигде не рассказывайте... определенно. Тьфу!

Королиха. Да не будем, не будем. Ну, что там, в твоём ящике, Шурик?

Мишулиха. Показывай, показывай.

Шурик. Сейчас, сейчас, земляки. Что там — и самому интересно. (*Достал кисточку*). О, дак это ж кисточка! Ура! А я ее столько искал! И вот... Кнауц привез. Спасибо. Разбирайте, земляки, дальше посылку сами. Это все вам. А кисточку возьму. (*Исчезает*).

Шкирдюковцы разбирают гуманитарку. Молча. Квачу достался лифчик.

Квач. Эта штукенция, бабы, на ваши мячики.

Мишулиха (*бросила Квачу шорты*). А это, Квач, на твои мослы.

Женщины разбирают посылку, заглядывают в каждый пакет.

Снопок. Каги, дед, назад пушку.

Квач. А знаешь, назад и не докачу. Нет уже того заряда, какой был раньше. Мобилизации той нету.

Снопок. Увидят же меня люди, обязательно спросят, на какую войну я с пушкой ездил. (*Достал из ствола бутылку, хлебнул*).

Квач. Сеять хлеб будем, а не воевать. Бабы!

Королиха. Не мешай хоть сейчас. Дай до консервов докопаться.

Мишулиха. Объяви перекур.

Квач. Однако слушайте. Скажите, бабы, Белке, пусть не сидит на сосне. Войны не будет. Никто ее в плен не возьмет. Только с подходом скажите, осторожно, чтобы с дерева не свалилась, когда услышит. Жалко терять людей в мирное время.

А Шкирдюки снимают оборону! Определенно!

www.kamunikat.org

ЖЕНСКИЙ УЛЕЙ

Комедия в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

МАМКИН.

МАМКИНА.

ВРАЧ.

ИГОРЕВНА.

ПЕТРОВНА.

СТЕПАНОВНА.

АРКАШКА (*лошадь*).

МИЛИЦИОНЕР.

ПЕРВЫЙ САНИТАР—*он же Милиционер.*

ВТОРОЙ САНИТАР—*он же Пчеловод.*

ПЧЕЛОВОД.

Наши дни. Коридор. Комната в больничной палате.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Прежде, чем наберётся свет, слышны неистовый человеческий крик, ржание лошади. И голоса...

1-й ГОЛОС. Куда его?

ЭХО. Куда его? Куда его? Куда его-о-о?..

2-й ГОЛОС. В ад!

1-й ГОЛОС. Он же от Ивана Ивановича!

2-й ГОЛОС. А-а-а, тогда в рай!

ЭХО. В рай ! В рай! В рай-й-й!..

Шум. Гам. Стон...

Наконец-то вспыхивает свет...

Коридор в аллергическом отделении больницы. Два санитаря вносят на носилках больного.

ПЕРВЫЙ САНИТАР. Куда его? Принимайте пополнение! Есть кто живой?

ВТОРОЙ САНИТАР. Человек умирает! Сестра-а!

ПЕРВЫЙ САНИТАР. Дежурная-я-я!

Появляется Врач, молодой, симпатичный.

ВРАЧ (*приложил палец к губам*). Т-с-с! Чего раскричались? Не на улице. У нас тихий час.

ВТОРОЙ САНИТАР. Тяжеловат, между прочим. Куда нести?

ВРАЧ. Слушаю вас.

ПЕРВЫЙ САНИТАР. Как чемодан с кирпичами.

ВРАЧ (*внимательно взглядывается в лицо больного*). Так это... он?

ПЕРВЫЙ САНИТАР. Он!

ВТОРОЙ САНИТАР. Он!..

ВРАЧ. Интересный случай. Очень интересный. И редкий, признаюсь.

ВТОРОЙ САНИТАР. Ещё бы! Рой пчёл напал на несчастного. Лошадь пала смертью героя, а человек – жив! Каково? А?

ПЕРВЫЙ САНИТАР. Если бы лошадь столько выпила, и её бы никакая зараза не взяла.

ВРАЧ. Я с вами согласен. Полностью. Да-да.

ВТОРОЙ САНИТАР. Куда его, доктор?

ВРАЧ. Первую помощь ему оказали?

ПЕРВЫЙ САНИТАР. Известное дело!

ВТОРОЙ САНИТАР. Ну. Нашпиговали лекарствами что надо. Неделю спать будет.

ПЕРВЫЙ САНИТАР. Если не больше.

МАМКИН (*беспомощным, слабым голосом*). Так я уже что... много дней сплю? А, молодые люди?

Услышав голос Мамкина, санитары от удивления едва не уронили носилки с больным.

ВРАЧ (*поддерживает носилки*). Осторожно, осторожно!

ПЕРВЫЙ САНИТАР. Гляди ты, и лекарства не берут.

ВТОРОЙ САНИТАР. Живуч, ничего не скажешь.

ПЕРВЫЙ САНИТАР. Так куда его, доктор? Тяжело ведь!

ВРАЧ. Вот и думаю, куда его. Все палаты переполнены. Ну, битком! В коридоре положить не могу – сами видите... теснота. Да и запрет полнейший. (*Решительно*). Было не было! Рискнём! Пойдём на эксперимент! За мной!

Уходят.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

В палате. Три женщины – Степановна, Петровна и Игоревна – заняты кто чем. Одна любит себя перед зеркалом, вторая ремонтирует транзистор, третья поправляет колготки, обнажила бедро...

ПЕТРОВНА. А если честно, если откровенно, женщины, то уже и мужичка захотелось.

СТЕПАНОВНА. Приснилось? Мерещится что-то тебе не то, Петровна! Забудь! Лечиться надо! Не больно-то больных баб мужички и любят, хорошая моя.

ПЕТРОВНА. А кто сказал, что я больная? Ты, Игоревна?

ИГОРЕВНА. Нет-нет, я ничего такого не говорила.

ПЕТРОВНА. Видишь, Степановна? Она не говорила. Так что не гори огород там, где он совершенно не нужен. Отдохнуть решила Петровна. Отдохнуть! Всего-то. От семьи. От мужа. Интересно, как они там без меня. А то, видишь ли, то это им не так, то другое. Расселись на моей шее, как собаки зимой

на канализационном люке. Тепло! Уютно! И не баба я ещё, между прочим, а женщина бальзаковского возраста. Не путать!

СТЕПАНОВНА. Когда у меня муж к словам начинает цепляться, я уже знаю: выпить хочет.

ПЕТРОВНА. Не пью! Можно сказать...

СТЕПАНОВНА. Слава Богу! Хотя в одном спасены!

ПЕТРОВНА. Много не пью. *(Выдержав паузу)*. И мало тоже.

ИГОРЕВНА. Хорошо, вижу, вам, женщины. Есть с кем поругаться, есть кого захотеть. Есть кого и на шею посадить.

ПЕТРОВНА. А кто тебе, Игоревна, сказал, что мне такого мужичка захотелось, которого ты имеешь ввиду? Молчишь?

СТЕПАНОВНА *(строго)*. Женщины, цыц!

ПЕТРОВНА. Муж... он никуда не денется. Тем более мой. Он так крепко, мёртвой хваткой обхватил бутылку руками, что не оторвёшь. Да и к моим ногам он привязан, как камень к ногам утопленника.

Появляется Врач.

ВРАЧ. Приготовьтесь, женщины. Сюр-приз! Вносите. Вносите, ребята!

Санитары вносят больного.

СТЕПАНОВНА *(расплывшись в улыбке)*. Ёшкина мать!. Мужика! Бабы, мужика к нам! Или это... женщина? Нет-нет, нам хватит! На всех!

ПЕТРОВНА. Не может быть?!

СТЕПАНОВНА. Я что, совсем? Погляди!

ВРАЧ. Может. Может быть всё в наше время.

СТЕПАНОВНА. Везёт же некоторым женщинам. Вот ей, товарищ доктор, захотелось...Петровне нашей, мужичка – ей и подали. Как отбивную на сковородке. Можно его поближе рассмотреть, доктор?

ПЕТРОВНА. Мне подали, а она рассматривать будет. Не получится, Степановна. Не получится!

СТЕПАНОВНА (*подтягивается на носках*). А мне и отсюда хорошо видно.

ПЕТРОВНА (*притворно-недовольно*). Разве это мужик? Куда инвалида подбрасываете, доктор? Таких и в больнице и за больницей... пруд пруди.

СТЕПАНОВНА (*поморщилась*). И я бы так сказала: ничего хорошего.

ВРАЧ. Вот поэтому я к вам его, женщины, и распределил. Мест нет. Кроме как у вас. Поймите правильно. Так что прошу любить и жаловать.

ПЕТРОВНА. Хм. Было бы кого любить!

СТЕПАНОВНА. И я бы так сказала.

ВРАЧ. Так и быть, договорились: денёк-другой пусть у вас полежит. За это время он оклемается. Так что не волнуйтесь. Спите спокойно. Не навредит.

ПЕТРОВНА (*с иронией*). А если... набедакурит?

ПЕРВЫЙ САНИТАР (*почти теряя сознание*). Доктор!

ВТОРОЙ САНИТАР (*поморщился, как от зубной боли*). С... спасайте!

ВРАЧ. Вот на это место больного. А мы ему потом подыщем другое.

Санитары переложили больного на кровать. Вздохнули облёгченно.

ПЕРВЫЙ САНИТАР (*чуть заметно улыбнувшись*). И везёт же некоторым. Среди таких красавиц устроился.

ВТОРОЙ САНИТАР (*Врачу*). Вопросы к нам есть?

ВРАЧ. Вы свободны...

Санитары уходят, оглядываясь.

(*Женщинам*). А у вас ко мне?

СТЕПАНОВНА. Вопросы, по всему чувствуется, все впереди.

ВРАЧ. Возможно, возможно. Не будем торопить события.
(Уходит).

ПЕТРОВНА. Не будем. Д-да, послал нам Бог кусочек сыра.

СТЕПАНОВНА. А причём тут Бог? Как что, так сразу Бог. Врач, врач послал. А кусочек, заметьте, приличный... Гляньте на его нос.

ПЕТРОВНА. Нос способен обманывать... Что он иногда и делает. По опыту знаю.

СТЕПАНОВНА.... а заодно киньте взгляды и на губы оттопыренные...

ПЕТРОВНА. Не губы—грибы... старые подосиновики...

СТЕПАНОВНА. А глаза—как у китайца.

ПЕТРОВНА. Скажешь! Как у японца.

СТЕПАНОВНА. А какая разница?

ПЕТРОВНА. И где он, интересно, с теми пчёлами встретился? Такая большая земля-я!.. Такая огромная-я-я!..

СТЕПАНОВНА. Да горе и пчёлам. Как кое-кому от ума. Горе, девки. Негде им было тот нектар собирать. Гречку не сеят. Всё остальное потравили. Вот и подвернулся им дядька после очень сладкого вина... пчёлы и не разобрались, что к чему. И набросились.

ИГОРЕВНА (*тихо, нежно*). Спит?

СТЕПАНОВНА. Спит. Хорошо ещё, что не храпит.

ПЕТРОВНА. Пусть только попробует!

Больной захрапел.

Слыхали? Захрапел, гад! Сглазили. Да что б ему!.. Дайте что в руки! Дайте! Я ему рог законопачу!.. Или наган!..

ИГОРЕВНА. Не надо. Пусть спит. Он больной.

ПЕТРОВНА. В больнице все больные... (*Вспомнила, поправилась*). Кроме меня.

СТЕПАНОВНА. И я, кажется, поправилась?

ИГОРЕВНА. Тогда помолчите!

ПЕТРОВНА. Гляньте вы на неё! Голос прорезался...

ИГОРЕВНА. И прорезался.

СТЕПАНОВНА. Когда же и надо чему-то прорезаться... Не мешай ей, Петровна.

ИГОРЕВНА. Я его буду колотить, если захрапит. Вот так. *(Показала как, больной замолк)*. Видели? И всё хорошо... и не надо психовать. А бить—нельзя. Больных не бьют.

ПЕТРОВНА. Насколько мне известно, не бьют лежачих.

ИГОРЕВНА. Он же и лежачий. И больной. Он и так, бедненький, хватил лиха.

СТЕПАНОВНА *(закатив глаза)*. Не твой ли он знакомый, Игоревна?

ИГОРЕВНА. Нет. Ну, и что из того?

ПЕТРОВНА. Познакомиться никогда не поздно. Тем более, я вижу, ты близка к цели. Направление взяла верное.

ИГОРЕВНА. Никаких целей, представьте себе, я не ставила. И направлений... не направляла. Просто жалко... Живое... Дышит...

СТЕПАНОВНА. Пожалей, пожалей. Потом локти кусать будешь.

ИГОРЕВНА *(насторожившись)*. Ты о чём это, Степановна?

СТЕПАНОВНА. Потом узнаешь. Он же—булькач! Профессионал. Всё, точка! Нагляделась на него, мне и мужика перехотелось. Перегорела. Ну, посмотрите только, на кого они похожи, эти мужики? Ни лица, ни глянца на щёках. Ещё, чего хорошего, воздух испортит. *(И сама удивилась своему вопросу)*. Бабы, а и правда, если после всего употреблённого...выпитого... испустит дух...пукнет? Это же будет второй Чернобыль.

Петровна и Степановна отходят подальше от больного.

ПЕТРОВНА. Перекрестись, Степановна! Перекрестись! Не откладывай! Немедля!

Женщины осенили себя знаменем. Кроме Игоревны.

Я...я убегаю. Говорите, женщины, что кому надо: бегу в магазин.

ИГОРЕВНА. Мне...а что мне надо?

СТЕПАНОВНА. То, что тебе надо, в наших магазинах не продаётся.

ПЕТРОВНА. До поры до времени.

ИГОРЕВНА. Мне – ничего.

СТЕПАНОВНА. Знаем тебя. А тогда будешь газетъ на нас и слянки пускать. Как верблюдица. Смотри, Игоревна, не промахнись.

ИГОРЕВНА. Худеть буду.

ПЕТРОВНА. Худеть? Ну, даёшь! Ну, шлёпаешь! Полундра! Да у тебя же и так, кроме сисек по кулачку каждая, ничего нету. Маслы одни.

ИГОРЕВНА. Мне хорошо.

ПЕТРОВНА. А мне, можно подумать, от того, что тебе хорошо, плохо? Ну, а тебе, Степановна, чего? Заказывай. Да быстрее же вы, быстрее! Думайте-е!

СТЕПАНОВНА (*выдержав паузу*). Как тогда.

ПЕТРОВНА. Понятно. Так что, на двоих?

СТЕПАНОВНА. Это делается обычно на троих...

ПЕТРОВНА. Игоревна, будешь?

Пауза.

Третьей, последний раз спрашиваю... потом жалеть будешь... третьей, спрашиваю у тебя русским языком, будешь?

ИГОРЕВНА (*протягивает Петровне деньги*). Да уже и уговорили. Присоединяюсь. За компанию, говорят, кое-кто повесился...

ПЕТРОВНА. Ждите. Как бы вы без меня? (*Выходит*).

СТЕПАНОВНА. Ты, Игоревна, кажется, сегодня дежуришь?

ИГОРЕВНА. Кажется, я.

СТЕПАНОВНА. Так в чём дело? Пошевеливайся.

ИГОРЕВНА. Что, уже?

СТЕПАНОВНА. Уже, уже. А то, как всегда, будешь ковыряться весь вечер. Начинай стол накрывать. Вижу, загляделась ты на этого типа? Или я что-то не так понимаю?

ИГОРЕВНА. Да я же не замужем, может быть.

СТЕПАНОВНА. А он, может быть, и женат?

ИГОРЕВНА *(весело)*. Жена не стена – можно подвинуть.

СТЕПАНОВНА *(смеётся)*. Много, вижу, ты подвинула, что одна живёшь. *(Обнажила ногу выше колена, снимает колготки, любит себя своими прелестями, и больной медленно поднимает голову, любит себя тоже)*. Ну, и как моя?..

МАМКИН. Просто... чудо! *(Поднял и опустил голову)*.

СТЕПАНОВНА *(удивлённо)*. Кто сказал «просто чудо»? Кто...сказал?

ИГОРЕВНА *(не сразу, но охотно)*. Он... он сказал.

СТЕПАНОВНА. Будет жить, паразит! Может, рано мы его с Петровной в утиль списали? Со счетов сбросили, а?

ИГОРЕВНА *(немного стесняясь)*. Мужик ведь... действует... его вылечить можно, видимо, женским телом? Как думаешь, Степановна?

СТЕПАНОВНА *(пренебрежительно оглядывая Игоревну)*. Не каждым. Не каждым, Игоревна. Моим – да. Другим можно и убить. Наповал.

ИГОРЕВНА *(осматривает себя. Краснеет)*. Не так уже и можно... это плохо только, что отделение у нас такое, что духами нельзя. Аллергеологическое.

СТЕПАНОВНА. Кто хочет, тот душится.

ИГОРЕВНА *(показывает на себе, как будто прыскает)*. Духами... духами... минуя петлю. Да - да. Не больше.

СТЕПАНОВНА. Про стол забыла, между прочим.

ИГОРЕВНА. Ой, забыла! Я сейчас. Сейчас. Сейчас. *(Накрывает на стол)*. Помогай, Степановна. Скорее будет.

СТЕПАНОВНА. Я так и знала, что без моей помощи тебе ну никак!.. *(Охотно помогает)*.

Вскоре стол сервирован, а Петровны нету.

Задерживается что-то наша Петровна.

ИГОРЕВНА. Обычно—как ракета. На первой космической.

ГОЛОС ПЕТРОВНЫ. Кто сказал, что я задерживаюсь?! Покажите мне его! *(Появляется)*. Когда такое было? Да никогда! И никогда не будет! Там, где Петровна, там полный ажур, там всё цветёт и пахнет. *(Выставляет на стол бутылку вина)*. Не вижу резервуаров, то бишь рюмашек.

ИГОРЕВНА. Ой, и правда! *(Ставит на стол не рюмки, а чашки)*. Хрустальные.

ПЕТРОВНА. А в хрустальных вино и водку долго держать нельзя. Хрусталь выделяет отраву. Налил – выпил. Без задержки. Чтобы не отравиться.

СТЕПАНОВНА. Выпил – налил.

ПЕТРОВНА. За стол!

ИГОРЕВНА. А доктор... не зайдет?

ПЕТРОВНА. И ему нальём. У меня там в сумке ещё одна бутылка есть. Хватит.

ИГОРЕВНА. Он откажется.

ПЕТРОВНА. Степановна, ты много видела мужчин, которые отказывались?

СТЕПАНОВНА. Ни одного. Ни од-но-го!

ПЕТРОВНА. Попадались, правда, что ничего не могли сделать, но за дело брались с большим порывом и высокой боевой готовностью. Игоревна, ты забываешь, что сегодня дежурная. Что с тобой, молодая да незамужняя?

ИГОРЕВНА. Ой, и правда! *(Наполняет чашки)*. Пожалуйста!

Женщины взяли чашки.

СТЕПАНОВНА. За что?

ИГОРЕВНА. Не знаю... за всё, кажется, уже пили?

ПЕТРОВНА. Может, и пили. Может, и нет. (*Вдруз*). А почему бы нам не выпить за единственного мужчину? Как-никак, а всё же – мужчина.

СТЕПАНОВНА. Я не против. От меня не убавится, мне и не добавится. Лишь бы выпить. Хоть за чёрта.

ИГОРЕВНА. Ой, и правда! За его... за мужчину.

ПЕТРОВНА. Оклемается, тогда, возможно, и пригодится. Игоревна, подпустишь?

МАМКИН. Батька Махно расстрелял начальника станции Жмеринка за длинный тост...

Женщины удивлённо переглянулись.

ВМЕСТЕ. За мужчину!

Выпивают. Мамкин приподнялся, а потом опускает голову на подушку. Тяжело, горестно вздохнул.

ПЕТРОВНА. Хорошо, хорошо! Огурчики, огурчики берите. Свои. И помидорчики. Приезжаю на дачу, глянула на огород, мне и дурно стало: всё заросло. Всё. И когда же, думаю, я управлюсь со своим огородом. Не угадать, что и где посажено. Колорадские жуки где ползают – значит, картошка. И помидоры. Накопала я так - сяк картошки, натрескалась... и уснула. Да крепенько. А когда глаза продрала, глянула на часы: «Ого! Уже и на поезд пора!» И побежала. А всё и выросло. Без меня. Ну, не так, чтобы чтоб... нам хватит!

Женщины смеются.

ИГОРЕВНА. А у меня нету дачи.

СТЕПАНОВНА. Счастливая!

ПЕТРОВНА. Ещё как счастливая!

СТЕПАНОВНА. Ни мужа, ни дачи. Нет, ты очень счастливая, Игоревна. Сама не представляешь, какая счастливая.

ИГОРЕВНА. А я вам завидую. Дура, значит?

ПЕТРОВНА. Ещё какая!

ИГОРЕВНА. Правда. Особенно когда грамм выпью. Как вот сейчас. И сразу завидываться стало...

СТЕПАНОВНА. Ну, когда я выпью, то вообще никому и никогда не завидую. Мне кажется, что все должны завидовать только мне. Мне. И никому больше.

ПЕТРОВНА. Ты, Игоревна, завидывай, завидывай... но не забывай и свои хрустальные чашечки наполнять.

ИГОРЕВНА. Ой, и правда! *(Наполняет)*. Забываю. Одна. Не за кем ухаживать. Такое вот, значит, ага... Выпивайте, женщины.

ПЕТРОВНА *(кивает на больного)*. Что, опять за этого?

СТЕПАНОВНА. Ещё не хватало! Много будет для него чести. Крылья вырастут.

ИГОРЕВНА. А я бы выпила.

СТЕПАНОВНА. И выпей. Выпей. Твоё дело. А я не буду.

ПЕТРОВНА. Давайте за наше здоровье. Пусть его будет ещё больше.

ИГОРЕВНА. Тоже неплохо. Хороший тост.

СТЕПАНОВНА. Петровна плохих тостов не умеет говорить.

ПЕТРОВНА. Представьте себе: да, не умею. Всю свою сознательную жизнь, дорогие мои, на общественной работе. Всю жизнь. При любых передрягах, при любых перестройках. Как Громыко. Андрей Андреевич. А это много значит. Особенно, как вы заметили, научилась тосты выдавать и бегать в гастроном. Комсомол, профсоюз, лига женщин и тэ дэ и тэ пэ. За здоровье!

Выпили. Закусывают. Игоревна спрятала бутылку.

Входит Врач.

ВРАЧ *(энергично)*. Ну, как наш больной?

ПЕТРОВНА *(безразлично)*. А, вы про этого? *(Кивает на Мамкина)*. Кашлянул пару раз как-то ненароком... крякнул, как селезень.

СТЕПАНОВНА. И копошился чего-то...

ВРАЧ. Это уже хорошо. Сдвиги есть.

СТЕПАНОВНА. От его сдвигов у нас сдвиги могут быть. По фазе.

ПЕТРОВНА. От его, чувствуем всеми своими нутрями... все вместе... втроём... скоро запишим, пятый угол искать будем.

ВРАЧ. Пока до этого дело дойдёт, мы его от вас заберём. Не переживайте. Не волнуйтесь. Лечитесь спокойно.

СТЕПАНОВНА *(интимно)*. А если привыкнем? А если нам без него будет, как без воздуха? Вдруг привлечёт?

ПЕТРОВНА. Что тогда, доктор?

ВРАЧ *(строго)*. Эти, понимаете, штучки выбросьте из головы. Выбросьте и забудьте. *(Вдруг – удивлённо)*. Почему это у вас лица красные? Давление, может, высокое?

ПЕТРОВНА. Нет, кажется... никто не давил.

СТЕПАНОВНА. Да нет – давит, давит, чувствуется. Понемногу.

ПЕТРОВНА *(тошно зевнув)*. Если понемногу...

ВРАЧ *(садится у стола)*. Надо измерить давление. Обязательно. Садитесь и вы, женщины.

Петровна и Степановна сели. Игоревна стоит.

(Показывает Игоревне на табуретку, которая стоит рядом с ним). Садитесь, садитесь. В ногах, говорят, правды нет.

ИГОРЕВНА *(чувствует себя неловко)*. Разве ж я себе враг, пообедав, рядом с вами садиться?

Петровна и Степановна зашлись смехом.

ВРАЧ. Ну, кто первый? Сейчас измерим давление... *(Разложил на столе тонометр)*.

Решительным шагом входит Мамкина.

МАМКИНА (*агрессивно*). Где он?!

ПЕТРОВНА. Кто? И куда, тётка, ты припёрлась?

МАМКИНА. Не припёрлась... пора научиться подбирать слова.. это вам мой совет, если не желаете оказаться в офсайде. А ищу я своего мужа! Мне сказали, что он здесь. Это правда?

СТЕПАНОВНА. Погляди, твой это или нет? Какой -то есть.

ПЕТРОВНА. Облезлого какого-то подсунули...

ВРАЧ. Вы, если не ошибаюсь, жена Мамкина?

МАМКИНА. Жена. А кто же? Любовница, что ли, будет носиться по всей больнице и его искать?

Степановна и Петровна чуть заметно хмыкнули.

Жена, жена!

Петровна ткнула под нос Игоревне фигу.

И почему он здесь, среди женщин? Что за порядки у вас такие? В чём дело? Я у вас спрашиваю, товарищ доктор?

ВРАЧ. Не было из чего выбирать. Выбирали между моргом и нашим отделением. Отделение переполнено. Коридоры узкие...Что вы ещё желаете от меня услышать? И почему, не понимаю, вы так яростно недовольны? Мужа вашего, можно сказать, с того света вернули. И вот благодаря им, женщинам... тоже.

МАМКИНА (*внимательно изучает женщин*). Та-а-ак! Они же его изнасилуют (соблазнят), такие кобылицы. Доктор, что вы делаете? До чего мы опустились? Одумайтесь! Я.. я не потерплю! Это же самое что ни есть лишь бы что – пускать козла в огород сторожить капусту. Вы же его кинули в рай!

ВРАЧ. Если из ада, то и хорошо.

МАМКИНА. Не перебивайте! В то гнездо посадили, где он может наплодить Мамкиных бесконечное количество! А? Молчите? А что можно сказать? Что?

Мамкин что-то сказал, машет на жену, чтобы та убиралась.

Вот, вот, он уже и меня гонит, видали? Нет, вы, доктор, только посмотрите на этого сексопила. Дождались. Финал! Семейные олимпийские игры. Рим - Сеул!

ВРАЧ. Не волнуйтесь, женщина. Что ваш Мамкин может?

МАМКИНА (*почти с состраданием*). Хотя правда... что он, Мамкин, может? И мог ли когда? А всё равно жалко: законный муж!

ВРАЧ. Пока мы будем его колоть. Давайте пройдем в ординаторскую, там поговорим.

МАМКИНА. Так он хоть жрать способен? Челюстями шавкать может?

ВРАЧ. Кушать все мужики могут, у которых зубы есть.

ПЕТРОВНА. Хотя бы впереди.

МАМКИНА. Не у тебя спрашиваю. Замолчи, козявка!

ВРАЧ. Из ложечки. Там у нас холодильник в коридоре стоит, оставьте еду... А компот...

Мамкин, когда услышал слово компот, приподнял голову. Оставьте здесь. На тумбочке. Только без мёда. Ваш муж на мёд сейчас долго смотреть не будет.

Мамкина выставляет на тумбочку баночки.

МАМКИНА. Так он что, и не говорит?

СТЕПАНОВНА. Шептал чего-то... мямлил... но как тебя увидел—и совсем, кажется, речь потерял.

ВРАЧ. Да, да. Она права. Только, похоже, слушает.

МАМКИНА. Только слушает?

ВРАЧ. Слушает. Да, да.

МАМКИНА. Тогда слушай, слушатель! Смотри у меня, Мамкин! Полным чтобы домой вернулся. Проверю: всё твоё хозяйство в ванную опущу. Будет плавать—голову отверну.

Женщины смеются. Врач и Мамкина выходят.

ПЕТРОВНА *(таинственно обводит женщин вопросительным взглядом)*. Ба-бы! Мне всё, кажется, понятно? Сейчас я знаю, почему он, Мамкин, живой, а конь копыта отбросил. За-ка-лён-ный! Что там рой каких-то замученных, задёрганных пчёл против его жены? Видали?!

СТЕПАНОВНА. Цаца так цаца. Может, он специально морду и подставил им, как под струю ветра в жару, чтобы отдохнуть от неё? А? Бабы!

ИГОРЕВНА. Везёт же некоторым. А здесь одна...

ПЕТРОВНА. Не притворяйся: одна! А куда же твои детишки подевались? Нарожала, хотя и девочка ещё...

СТЕПАНОВНА. И сегодня спать укладывать их будешь?

ИГОРЕВНА *(скупно)*. И сегодня. И завтра. И послезавтра... Вот так, женщины. А больше... и роднее у меня никого нету. Одна я. *(Взяла в тумбочке игрушки мальчика и девочки, положила на подоконник, как бы на кровать)*. Верка и Мишутка мои. *(Поочерёдно поцеловала их)*.

ПЕТРОВНА. Таких детей хорошо иметь. Они всегда.. и в шторм и в шгиль послушны. В любое время суток, днём и ночью.

СТЕПАНОВНА. И кушать не просят. А сейчас прокормить—я те дам! Конфетами, вижу, кормишь их, которым больше лет, чем самой.

СТЕПАНОВНА. И не мусорят. Красота!

ИГОРЕВНА. А чего, женщины? Я и счастлива с ними. Вернусь с работы в свою холодную однокомнатную квартиру, а Верка с Мишуткой и встречают меня. Как братик с сестричкой.

ПЕТРОВНА. И в садик не надо за ними переться, сломя голову. И в школу не вызывают, как меня—по три раза на неделе. Тьфу!

СТЕПАНОВНА. И форму покупать не надо. И тетрадки. И учебники. Послушай, Игоревна, а ты умнее за нас с Петровной, вместе взятых. Честное слово.

ИГОРЕВНА. Есть с кем поговорить. Есть и кому пожаловаться.

ПЕТРОВНА. Только не на кого.

Петровна и Степановна укладываются спать.

ИГОРЕВНА. Есть с кем посоветоваться. *(Игрушкам)*. Спице, мои родненькие, мои любенькие. Спокойной ночи. И я лягу, ваша мама. Рядышком. Пусть вам красивый, хороший сон приснится.

ПЕТРОВНА *(забираясь под одеяло)*. Я своих вундеркиндов так быстро и легко никогда не могла спать уложить.

МАМКИН *(просит)*. Пить, пить, пить!

ПЕТРОВНА. Началось!

СТЕПАНОВНА. В церковь не ходите, грешники,-- получайте теперь всеночную.

ИГОРЕВНА. Я, я подам! *(Поит Мамкина из бутылки)*.

СТЕПАНОВНА. А кто же ему подаст то, куда эта вода потом должна капать?

Пауза.

Тоже ты, Игоревна?

ИГОРЕВНА *(полумшепотом)*. Всем спокойной ночи... До утра... Спокойной ночи!..

ПЕТРОВНА *(тихо, но выразительно)*. И нас убаюкала, шельма!

Все, кроме Мамкина, сладко зевают.

Затемнение.

Утро следующего дня. В палате, кроме больных, Врач.

Женщины всё ещё под одеялами.

ВРАЧ. Как спал ваш новый сосед?

ПЕТРОВНА (зевая). Как ребёнок, который вот - вот родился. Что-то промямлил под нос себе – и успокоился.

СТЕПАНОВНА. А я и не слышала.

ВРАЧ (склонился над Мамкиным). Больной Мамкин! Вы меня слышите? Спит. И пусть. Ему сейчас, кроме лекарств, и тишина необходима. Лекарствами мы его, известное дело, обеспечим, покоем и тишиной, надеюсь, -- вы.

ПЕТРОВНА. Товарищ, доктор, отвернитесь. Мы одеваемся.

СТЕПАНОВНА. Стесняемся... почему-то.

Врач отвернулся. Женщины одеваются.

Ещё минуточку! Так, так. Можно.

Врач повернулся лицом к женщинам.

ПЕТРОВНА. Игоревна!

ИГОРЕВНА. Ну, чего тебе?

ПЕТРОВНА. Вот она, товарищ доктор, несёт полную ответственность за пчеловода Мамкина. Хватит ей с куклами играть. Пора уже обратить внимание и на куклу более высокой весовой категории.

ВРАЧ. Только поосторожнее обращайтесь внимание. Мой вам совет. Берегитесь... кого--знаете...

ПЕТРОВНА. Да пошла она! Не таких видали!..

СТЕПАНОВНА. И не здесь.

ВРАЧ. Моё дело дать вам совет. Полезный. Взрослые – не маленькие. *(Выходит).*

СТЕПАНОВНА. А зачем нам, Петровна, той Мамкиной беречься? Разве же это мы на её мужа глаз положили? Вот она, заведующая детским садиком, пусть и думает. *(Показала на Игоревну).*

ИГОРЕВНА. А чего.. я? Если я не замужем, то на меня и все шишки, да? Мало того, что все соседи к своим мужьям ревнуют, то и здесь, в больнице, тот же синдром.

СТЕПАНОВНА. Тот дром - дром, тот!

ПЕТРОВНА. Все люди одинаковые. Исключительно.

ИГОРЕВНА. Я уже начинаю понимать, что все люди...

ПЕТРОВНА. Не рассказывай, не рассказывай, мы и так знаем, кто они такие.

МАМКИН *(громко)*. Пить!

ИГОРЕВНА *(спохватившись)*. Сейчас, сейчас! *(Поит Мамкина)*.

Вбегает Мамкина.

МАМКИНА. Стоп! Стоп, стоп! Без сопливых обойдёмся! Давай сюда! *(Вырывает бутылку у Игоревны)*. А жена зачем? Ишь!..

ПЕТРОВНА. Ну, если только мужа из соски поить?..

МАМКИНА. Смотри ты! Откормилась тут на казённых харчах! За словом в карман не полезешь.

ПЕТРОВНА. А нету карманов. И у Степановны тоже. Все слова у меня на кончике языка... *(Показала кончик языка)*. А? *(Демонстративно поставила на табуретку ногу, поправляет колготки, обнажив ляжку)*. А будешь в пузырь лезть – изнасилуем, так и быть, твоего гицея. Так и быть!

Мамкин внимательно смотрит на прелести Петровны, не отрывая глаз.

МАМКИНА. Пока вы его соблазните, я его прибью, гада! *(Ударила мужа по голове)*. Лежать! Пить ему, негодяю! Чуть жив, а всё в тот же огород норовишь, паразит. *(Петровне)*. А ты, кобыла, выбирай места, где можно светить голёнками, где – нет.

ПЕТРОВНА *(нагло)*. Пусть посмотрит. Твои ему остервенели, а мои, видишь, поворачивают шею на триста шестьдесят градусов. Могу и повыше... Поднять?

МАМКИН *(трясет головой, машет руками)*. Так, так, давай, давай! *(За что снова получил по голове)*.

МАМКИНА. Ле-жагы! Лежагы, сказала! Так мне что, негодяй, здесь и торчать возле тебя? Уволиться и дежурить? Стеречь? Караулить? Молчишь? Притворился глухим и немым перед женой, хитрец этакий, а! А как только что сверкнёт... хвагаешь, будто сорока та. Напился? Хватит, а то беды наделаешь. *(Поставила бутылку на тумбочку)*. Я скоро вернусь, поинтересуюсь, как ты тут живёшь - поживаешь. На работу сбегаю, отмечусь... Но запомни: в бзд у меня не пойдёшь. И не мылся. Не дам. Не позволю, Мамкин! *(Уходит)*.

СТЕПАНОВНА *(вздыхнула)*. Тяжёлая у тебя задача, Игоревна. От этой бабы не оторвёшь то, что ей предназначается. Не отгрызёшь.

ПЕТРОВНА. Зубы поломаешь. Хотя, может, там нет чего и отгрызать? Это глянуть надо. Проверить. Я по пальцам определяю, если длинные... и там всё хорошо.

ИГОРЕВНА. Где?

Женщины смеются.

ПЕТРОВНА *(сказала на ушко Игоревне – где)*. Скажи, скажи и ты ей, Степановна.

СТЕПАНОВНА. Да чё ей говорить? Ты же, Игоревна, видимо, ещё... девочка? Или был грех?

ИГОРЕВНА *(зло)*. Да хватит вам! *(Отвернулась к окну)*. Завели разговор.

МАМКИН. Продолжайте, продолжайте! Я слушаю!..

ПЕТРОВНА. Да пошёл ты! А Игоревна правду говорит. Совсем мы, бабы, с ума посходили. И что на нас нашло? Разве ж ласки, доброты у нас поубавилось? Так нет же. Всё это вроде бы при нас. А всё об одном и том же... как голодные о еде.

СТЕПАНОВНА. А больше не о чём и покалякать. Про кухню? Опротивела та кухня. Про мужика, который пьяный приползёт, бывает, что, казалось бы, раздавила, как гниду? Ну, о чём нам ещё, бабы, поговорить?

МАМКИН. О чём хотите, о том и говорите. Но мужиков, прошу вас, оставьте в покое. Им и так достаётся. Если война какая, если буча – то кого порох нюхать посылают? Вас? Если бы не так!

СТЕПАНОВНА. И мужикам достаётся. И женщинам. Всем хватает.

ПЕТРОВНА. Что правда, то правда. Иной раз и поругаемся... из-за мелочи какой. А стоило ли один одному настроение портить, нервишки рвать? Помню, поругались. Может, десятый раз за день. Давно было. Ну, мало ли из-за чего могли взъерепениться молодые муж и жена? Не разговариваем. Надулись. А утром ведь договорились поехать в лес по грибы. Проснулись почти одновременно – спали же, известное дело, на разных кроватях. Олег поставил чайник на плиту, начал бриться. Я тоже молча сделала пару бутербродов, внесла из кладовки сапоги – две пары. «Чай пить будешь?» – осторожно спросил Олег. «Буду», -- ответила я, не подчёркивая примирения. Пили чай молча. Молча собрались и в лес. В поезде больше смотрели в окно. Вскоре лес промотил нас обоих. Первым позвал Олег: « Ва-ля!» Я ответила: « Я здесь!» И на душе хорошо, как-то тепло – правда! -- сделалось. Потом я позвала: « Олеж-ка!» А потом только и было слышать в том лесу: « Ва-ля! Олеж-ка!». Да так часто, что уже и редкие грибники, видать, начали удивляться: чего это они, как маленькие? Чего это они, как сумасшедшие все равно?

ИГОРЕВНА. Счастливая ты, Петровна.

ПЕТРОВНА. Не совру, если скажу: иной раз хочется петь.

СТЕПАНОВНА. А почему – иной? А если вот прямо сейчас?

ИГОРЕВНА. В больнице нельзя.

ПЕТРОВНА. Можно. Если с головой – всё можно, Игоревна. Даже в кустах... На процедурах. *(Запела. И песню подхватили все – слабый голос подал даже Мамкин).*

ЗАТЕМНЕНИЕ.

В палате один Мамкин. Он пробует подняться. С трудом, но получилось. Сделал несколько шагов. Человек и этому рад.

МАМКИН (*радостно, громко*). Живой-й! Живой-й, люди! (*Вспомнил*). А конь Аркашка? Где конь?

Слышно ржание лошади.

Живой? И конь живой? Разве? А на него же сначала рой, а потом, кажется, на меня? Или как было?

Появляется Аркашка.

Живой?!

АРКАШКА. «Живой». Как живой? Я на небесах.

МАМКИН. А как ты здесь, на земле, оказался?

АРКАШКА. Ты же позвал, а я услышал. Зачем звал?

МАМКИН. Просто... интересно стало, что с тобой. Ничего не помню. Память отшибло. Иной раз ничего не помню после вчерашнего... Только помню рой... и гул... гу-гу-гу-гу-гу-гу...и как куда провалился.

АРКАШКА. Они же сначала на тебя набросились.

МАМКИН. Как? А не на тебя?

АРКАШКА. На меня потом, после того, как ты дыхнул на них вином... не всем понравилось вино... и набросились, стервецы!

МАМКИН. Прости, Аркаша. Ты меня выручил.

АРКАШКА (*глубоко вздохнул*). А когда я тебя не выручал, хозяин? Когда? Эх, ты! И пьяного привозил домой, и избитого на горький яблоч. Помнишь, как тебя мужики отчихвостили? Задрался ты.

МАМКИН (*поникишим голосом*). Ага. Помню. Такое, Аркашка, лучше не вспоминать.

АРКАШКА. Дрянь ты, когда выпьешь, хозяин. Это я тебе, конь, говорю.

МАМКИН. Ну, ну, не так строго. Мы же дружили. Кормил тебя, поил.

АРКАШКА (*смеётся*). Чем кормил? Овсом?

МАМКИН. Овсом – нет, нету овса.

АРКАШКА. Сеном. Изредка свеклой побалуешь, а если бы кормил хорошо, от пчёл я бы отбился. Обязательно.

МАМКИН. Все же так кормят.

АРКАШКА. Как кормите, так и живёте. Не стыдно так жить?

МАМКИН. Ты у меня спрашиваешь?

АРКАШКА. У людей.

МАМКИН. А почему это ты раньше не разговаривал, Аркашка? И мне веселее было бы с тобой. Поговорили бы. Побалакали.

АРКАШКА. Ты бы меня тогда уговорил выпить раз, второй... и пошло - поехало - помчалось. Выгрезвители, лечебки...

МАМКИН. А вот это – фигу. На водку я жадный. Самому всегда мало. Почему ты, Аркашка, не говорил раньше, а, голова твоя садовая? Жаль, жаль...

АРКАШКА. Лошади не разговаривают.

МАМКИН. Ты же - - разговариваешь.

АРКАШКА. Только потому, что тебе, моему бывшему хозяину, захотелось меня лицезреть и слушать. Бог исполнил твою просьбу.

МАМКИН(*удивленно*). Бог? Вот где, оказывается, у нас бласт есть?! И ты – молодчина! Молодчина, Аркашка! Умный ты. А я и знал, что Аркашка мой – конь что надо. Хороший конь. Золото!

АРКАШКА. Ну чё тебе ещё сказать, человек?

МАМКИН (*пожал плечами, развёл руками*). Скажи что-нибудь. Колякни.

АРКАШКА. Не что-нибудь, я скажу тебе то, что надо. Я хочу тебя поставить на колени.

МАМКИН. Дуришь? Я же больной.

АРКАШКА. Выдержишь.

МАМКИН. Никогда! Ни за что!

АРКАШКА (*строго*). Считаю до трёх! Р...раз!

МАМКИН. А что... а чего будет, если не стану на эти самые, ага... на мослы свои? Чего будет? Диктуй условия. Предлагай.

АРКАШКА. Тогда увидишь. Замолчи.

МАМКИН. Нет, ты давай до конца... к финалу подвигайся... чтобы знал. Что, значит, будет со мной, если не стану?

АРКАШКА. Ничего существенного не будет. Просто я хочу тебя поставить на колени – и всё, и точка.

МАМКИН. И всего-то?

АРКАШКА. А что – этого мало?

МАМКИН. Стану, стану обязательно, Аркашка. Твоя воля. Только не сегодня. Пока не могу. Поверь. Сжался. Ну, больной, больной я! Ты можешь понять меня? Можешь войти в моё положение?

АРКАШКА. А много ты в моё положение входил, когда я был жив, рвал жилы перед твоей прихотью?

МАМКИН (*скрестил руки на груди, угнетённым голосом*). Прости шалуна. Шалуна.. прости. По рукам?

АРКАШКА. Были бы у меня руки. Так и быть, хозяин: поправляйся. А я вернусь. Глотай таблетки. Садись на иглу.

МАМКИН. Нет- нет- нет- нет! Я – пас! Без наркотиков, без наркотиков! Ну, у тебя и шуточки, Аркашка. Смотрю, не думай. И рекламу тоже.

АРКАШКА. Прощай, хозяин. Хотел я тебе уши натереть, но, вижу, с тебя действительно сегодня ничего не возьмёшь, кроме анализа. Одни глаза да нос...

МАМКИН *(часто трясёт головой)*. Ага, бывай. Приходи, приходи, Аркашка. Я тебе завсегда рад. Я тебя, Аркашка, буду помнить. Буду помнить, пока и живу...

АРКАШКА. Я на это и рассчитываю. Забыть меня ты не сможешь. Значит, будем встречаться: я буду приходить к тебе каждый раз, когда ты меня вспомнишь. *(Исчезает)*.

МАМКИН. Да пошёл ты! Взлетел на небо – и сиди там.

Аркашка вернулся.

АРКАШКА. Снова вызывал, хозяин?

МАМКИН *(отчаянно машет на Аркашку руками)*. Нет-нет-нет-нет-нет!

Аркашка исчез.

А если жену вспомню, что, и она появится? Нет-нет-нет-нет! Нет! Только не её! Только не его! Хватит лиха. На мою голову. Ох! Ух! Фу-у!

Появляется Игоревна. Мамкин пробует ходить. И вдруг ему стало плохо, чтобы не упасть, повисает на шее у Игоревны. Так и стоит.

ИГОРЕВНА. Поздравляю.

МАМКИН. С... с чем, дорогая?

ИГОРЕВНА. С первыми шагами.

МАМКИН. Навстречу к тебе?

ИГОРЕВНА. Не говорите глупостей.

МАМКИН. Молчу, молчу. А за то, что не дали упасть, что поддержали – спасибо. Большое, сердечное мужское спасибо. Спасибо!

ИГОРЕВНА. Вы наконец-то сделали первые... первые... первые шаги... после...

МАМКИН. Рождения?

ИГОРЕВНА. Нет, после смерти.

МАМКИН. Может, и так. Да-да, конечно, вы правы.

ИГОРЕВНА. Что, так и будем стоять?

МАМКИН. А мне, признаться, и хорошо... и прекрасно! Так и стоял бы. Стоять и стоять! *(Вознёс кулак)*. До конца! До победы! До полной демократизации! Стоять, едрёна вошь! И никаких!

ИГОРЕВНА. Вы тяжёлый. Слишком. Для меня.

МАМКИН. Посчитать не успел, но было их, около тысячи...

ИГОРЕВНА. Кого... было? Женщин у вас?

МАМКИН. Да нет – пчёл.

ИГОРЕВНА. А-а-а! Жаль.

МАМКИН. А после пчёл и ещё тяжелее стал.

ИГОРЕВНА. Интересно, а каким же вы были до пчёл? Не представляю.

МАМКИН. Всё это мелочи... мне тепло с вами... возле вас. Вы, похоже, добрая?

ИГОРЕВНА *(отстраняет Мамкина)*. Да хватит вам! Хватит в конце концов! Я кто вам—нянька?

МАМКИН *(упал, пробует подняться)*. Выше берите. Берите выше.

ИГОРЕВНА *(помогает подняться Мамкину)*. Ещё чего не хватало.

МАМКИН *(на ногах)*. Вы—богиня. Из всей палаты.. я заметил... а глаз уж у меня-то намётан...

ИГОРЕВНА. Оно и видно—дёргается всё время. Тикает.

МАМКИН. Заметил... да-да... вы самая красивая... обаятельная...

ИГОРЕВНА *(подхватила Мамкина, который наклонился в её сторону)*. Да стойте же вы! Как статуя!

МАМКИН. Стоит статуя... посреди... да-да... площади... И смотрит в оба... А мне не стоит, не ложится... Эх! Мне бы!..

ИГОРЕВНА. Чего... чего вам бы? А?

МАМКИН. Скорее придти в себя. Ожить. Очухаться.

ИГОРЕВНА. Вы и так очень быстро...

МАМКИН (*протестует*). Нет-нет! Не всё шевелится...

ИГОРЕВНА. Вас, может, положить... на койку.

МАМКИН (*вздыхнув*). А что это даст?

ИГОРЕВНА. А что вам надо?

МАМКИН. Ну, что... ну, что мне, Мамкину, надо?

ИГОРЕВНА. Рекламная пауза?

МАМКИН. Вот именно: рекламная пауза!

Входит Мамкина.

МАМКИНА. Кто, кто объявил рекламную паузу? Это ты – Якубович?

МАМКИН (*ещё крепче обхватив Игоревну*). Не отдавай меня! Не казни! Я... я жить хочу! Жить! Пчёлы не дожали, то вот она... жена доконает. Я жить хочу-у-у!

МАМКИНА (*отрывает мужа от Игоревны*). Верни мне мужа, мымра!

ИГОРЕВНА. Берите... всего берите. С потрохами. Чего впился в меня, как клещ энцефалитный? Отпустите меня-я!

МАМКИН. Не отдавайте-е! Заступитесь! Спасите! Отплачу! Отблагодарю!

МАМКИНА. Чем это ты, интересно, отблагодаришь, голодранец? Что у тебя когда было, кроме кашля? Чмыховка!

МАМКИН. Голову... голову оторвёте!

МАМКИНА. Чем такую голову иметь, лучше без неё жить!

ИГОРЕВНА. А моя... а моя причём тут голова?

МАМКИНА. Выдержишь, обормот!

МАМКИН. Последние волосы повывёртываете, бабы! Мать вашу так!.. Жить! Мамкин жить хочет! Отнесите меня на койку!

МАМКИНА. Нет, я тебя положу в такую постель, что ты всю жизнь жёстко спать будешь, паразит!

МАМКИН. Спасите! Только не она! Только не моя швабра! (*Вывался, упал на койку*). Дайте спокойно умереть. Ба-бы!

МАМКИНА. Вишь... «бабы». У него уже гарем баб. Быстро ты по крутой тропинке повилял, кобель лысый! А я ему припёрла сумку... чуть руки не пообрывала. Пей-ешь. Вот! Фигу! А где остальные?

ИГОРЕВНА. Вы... у кого спрашиваете?

МАМКИНА. Он что – правду скажет? У, гад! (*Замахнулась на мужа*).

ИГОРЕВНА. Тогда... так, так... я... На процедурах все... остальные.

МАМКИНА. У вас, я вижу, процедуры идут полным ходом. Днём и ночью. В любое время суток. Вахтовым методом.

ИГОРЕВНА. Так, так...

МАМКИНА. А я что говорю? Ну, и сколько же ты здесь лежать думаешь, трутень?

МАМКИН. Поступит команда – выполняю...

МАМКИНА. Команда поступит в ближайшее время. Жди. Не позволю, чтобы тебя совсем всосала тряпина этого бабья. Не позволю! Слышишь меня?

МАМКИН (*испуганно*). А как же! А кого же?

Мамкина выходит.

(*Поднял голову*). Ушла?

ИГОРЕВНА (*почти зло*). Да ушли бы вы вместе!.. Тут лечиться надо, а с твоей жёнущкой болезнью прихватишь, и таких, о которых и слыхом не слыхивала. Дополнительно.

МАМКИН. Главное – не волноваться. Главное – лечиться.

ИГОРЕВНА. Вы, мне кажется, уже почти и вылечились.

МАМКИН. Благодаря вам, женщинам. Благодаря вам. Все таблетки и микстуры я коллекционирую. Меня лечат совершенно другие лекарства... Ваши улыбки... тёплые слова... ваши очертания... (*демонстрирует*)... в гармонии... и не протестуйте, не будите во мне альпиниста: от вас я в горы не уйду. Никогда.

ИГОРЕВНА (*поставила ногу на табуретку, обнажила её выше колена, осматривает то место, где аллергия*). Мне сейчас хорошо знакомо, что вас, мужчин, лечит, что калечит.

МАМКИН (*влюбчиво*). Так, так... в первую очередь... да-да!.. Заменит все лекарства сразу... Стойте, стойте так! Не прячьте! Не делайте глупостей! Это... красиво! Очень даже!

ИГОРЕВНА. Ради вашего выздоровления, Мамкин, чем не пожертвуешь? Ну, хватит? Насмотрелся?

МАМКИН (*решительно машет руками*). Нет-нет-нет! Это не надоест. Не набьёт оскомину... не набьёт!..

Появляются Мамкина и Врач.

МАМКИНА (*Врачу*). Ну, видели? А я что говорила? (*Строго*). Вы, спрашиваю, видели, чем они здесь занимаются? Эротикой! Это – днём. А ночью? Вы стоите возле них ночью, доктор?

ИГОРЕВНА. Пусть не пялит глаза. Я не заставляю вашего мужа поворачивать глаза на мои ножки.

МАМКИНА. «Ножки». Тут не ножки – окорочка!

ВРАЧ. Разберёмся, госпожа Мамкина. Разберёмся. До того, о чём вы думаете, не дойдёт.

МАМКИНА. Уверены?

ВРАЧ. Верьте мне. (*На ухо Мамкиной*). Я даю ему таблетки, чтобы не хотелось...

МАМКИНА. А как проверить, они действуют или нет?

ВРАЧ. В субботу... Не в эту – в следующую. Поправится – и, пожалуйста, на выходные...

МАМКИНА. Столько ждать! Вы с ума сошли!

ВРАЧ. Больше ничем вам помочь пока не могу. Извините.

МАМКИНА (*строго*). А когда его переведёте в другую палату?

ВРАЧ. Обещаю: завтра. Завтра. Выписывается у нас один больной.

МАМКИНА. До завтрашнего дня он может наломать здесь много дров. Дровосек ещё тот. На всю зиму хватит дровишек...

ВРАЧ. Ну, а что вы посоветуете?

МАМКИНА. Я? Я бы его быстро вылечила! Я бы ему показала! *(Стукнула кулаком по столу)*. Ух, уродина-а!..

ВРАЧ. Разрешаю – забирайте домой. Прямо сейчас.

МАМКИН *(простонал)*. Нет-нет-нет-нет! Не убивайте! Пожалейте-е-е! Смидитесь!

ВРАЧ *(Мамкиной)* Ну, вот... Слышали?

МАМКИНА. Да он притворяться мастер!

ВРАЧ. Просит же больной. Что я могу поделаться? Такая у меня работа – всегда быть на стороне больных. Извините. *(Выходит)*.

МАМКИНА *(вслед)*. Вы об этом пожалеете! Вспомните меня!

МАМКИН *(громко)*. Иди домой!

МАМКИНА. Но не думай, что ты тут распутничать будешь. Все средства задействую, чтобы за тобой следить. *(Выходит)*.

ИГОРЕВНА. Я вам не завидую. Пчёлы искусали – это, оказывается, полбеды... вылечить можно.

МАМКИН. Пчёлы – это мелочи, да-да.

ИГОРЕВНА. В этом я тоже убедилась.

МАМКИН. Тут одна пчела грызёт уже почти тридцать лет, и почему я ещё живой – ума не приложу?

ИГОРЕВНА. И я.

МАМКИН. Нет, ну честно – как живу? Откуда соки беру? Энергию? Силушку? Кто...кто подскажет?

ИГОРЕВНА. Я загрудняюсь.

МАМКИН. Что же придумать?

ИГОРЕВНА. Мне кажется, уже поздно что-то придумывать. Дети есть?

МАМКИН. Не пустоцвет. Сын и дочь. Лёня и Люся.

ИГОРЕВНА. Хвалю, хвалю. *(Поставила ногу на табуретку, гладит больное место).*

МАМКИН *(восхищается)*. Жить... жить... жить!!! К чёрту пчёлы! Берегитесь пчёл! Пусть они живут сами по себе, а мы—сами! Ура-а-а! Да здравствует женский улей!

ИГОРЕВНА. Потише, потише. Не так громко. Жена ваша, не дай Бог, услышит—и будет тут как тут. Себе же навредите, а не пчёлам.

МАМКИН. Вы, как всегда, правы, чёрт побери! А вас, извините, как звать-величать?

ИГОРЕВНА. А это вам обязательно?

МАМКИН. Хотелось бы... как-никак—соседи... по палате. Будет что вспомнить.

ИГОРЕВНА. Игоревна. Везде и все меня так зовут. Другой раз называют Юлей.

МАМКИН. О! Ю-ли-я! Юлей... улей... Улей... Юлей. Так лучше. Более романтично. «... потому что наша Юлька наш комсорг и наша первая любовь».

ИГОРЕВНА. Слышала. И пела. Сама о себе.

МАМКИН. А я—Валик.

ИГОРЕВНА. Очень приятно.

МАМКИН. И мне.

ИГОРЕВНА. Ну, и что дальше?

МАМКИН. А что?

ИГОРЕВНА. И мне интересно... что?

МАМКИН. А где все остальные?

ИГОРЕВНА. Петровна со Степановной?

МАМКИН. Да-да! Конечно!

ИГОРЕВНА. Они, скорее всего, в соседний лес ушли на процедуры.

МАМКИН *(удивленно)*. И там, в лесу, лечат?

ИГОРЕВНА. Конечно. Кому где и какие лекарства помогают. Одним в палате, как вот вам...

МАМКИН (*поправляет*)... тебе, тебе. Как вот «тебе». Мы же на «ты».

ИГОРЕВНА. Пусть будет и так. Кому в палате лекарства помогают... наиболее активно действуют... кому на свежем воздухе... под кустиком.

МАМКИН. Мне не доползти...

ИГОРЕВНА (*смеётся*). Лежите уже. А то жена перехватит... ползущего, тогда точно от тебя ничего не останется. Одно имя разве что – Валик? Или ролик?

МАМКИН. В таком состоянии, согласен, я не отобьюсь. Расскажи о себе, Юля.

ИГОРЕВНА. Зачем?

МАМКИН. Мне интересно.

ИГОРЕВНА. А мне про тебя – нисколько.

МАМКИН. Обижаешь. Больного человека обижаешь. Как можно?

ИГОРЕВНА. Не всё же время мне ногу оголять... от большой дозы лекарства тоже отравиться можно.

МАМКИН. От этих... нет. От этих --- никогда. Расскажи о себе, Юля.

ИГОРЕВНА. Не вижу смысла! (*Выходит*).

МАМКИН(*вслед*). Да все вы одинаковые, бабы-ы! Вам бы только сожрать мужика. С потрошками! Ам-ам-ам!

З а т е м н е н и е .

Когда наберётся свет, видим в палате всех женщин. Они занимаются кто чем. Мамкин лежит.

МАМКИН. На процедурах были?

ПЕТРОВНА. Да. На кустотерапии.

МАМКИН. Новая, что ли, процедура?

Женщины громко смеются. Кроме Игоревны.

СТЕПАНОВНА (*Мамкину*). Первоклассник!

ПЕТРОВНА. Двоечник! Скажи спасибо пчёлам, пчеловод: благодаря им ты настоящую жизнь начинаешь узнавать.

СТЕПАНОВНА. Хочешь, Мамкин...

ИГОРЕВНА (*с упрёком*). Его, между прочим, Валиком зовут. Валентином.

СТЕПАНОВНА (*глубоко вздохнув*). Будем знать. Хочешь, Валентин- Валик, я тебе скажу, что такое кустотерапия?

МАМКИН. А как же!

СТЕПАНОВНА. Только на ушко.

ПЕТРОВНА. Да говори вслух!

СТЕПАНОВНА. Нет, не решаюсь. Лучше на ушко. (*Оттянула ухо у Мамкина и что-то шепчет*).

МАМКИН (*привстал, долго смотрит онемелым взглядом на женщин*). А... а...а моя же тоже часто лежит в больнице. Что, и она ходит на эти процедуры?

Женщины смеются. Кроме Игоревны.

ПЕТРОВНА. А ты, Валентин, у неё спроси.

СТЕПАНОВНА. Кто ж признается? Да меня муж пусть калёным железом допрашивает – молчать буду, как рыба.

МАМКИН (*простонал*). Ко-бы-лы-ы! (*Лёз*).

ПЕТРОВНА. А будешь, гражданин Мамкин, оскорблять, выкатим тебя вместе с койкой в коридор. Выселим. Этого добиваешься?

МАМКИН. Нет, нет! Ещё чего! Ещё чего! Выдумаете!

СТЕПАНОВНА. Смотри у нас. Мы такие.

ПЕТРОВНА. За нами не станет.

ИГОРЕВНА. Чего это вы к человеку прицепились? Не стыдно?

ПЕТРОВНА. Гляньте, она уже перебежала в лагерь искусанного и изуродованного пчелиным роем.

ИГОРЕВНА. И перебежала. А почему – нельзя?

СТЕПАНОВНА. Можно и перебежать. Только опасно. В разных весовых категориях ты с его женой, Игоревна. Затопчет. Как слон черепаху.

ИГОРЕВНА. Пусть попробует!

МАМКИН. Прощу про Юлию... (к Игоревне) как отчество?

ИГОРЕВНА. Да помолчи уже хотя ты!

МАМКИН(ершится). Нет, не буду! Я не такой! Не позволю!

СТЕПАНОВНА. Да мы уже знаем, насмотрелись, какой ты.

ПЕТРОВНА. Смелый, сказать нечего.

СТЕПАНОВНА. От пчёл, и тех не отбился.

МАМКИН. Попались бы вам они! Хотел бы посмотреть!..

Игоревна резко выходит.

Довели женщину, доконали. Эх вы, женщины, дочери - матери!

ПЕТРОВНА. Слушай, покусанный, ты оставишь нас в покое или нет? Мотай на ус: где больше баб, там одному мужику нечего делать. Выдернем, как сорняк. С корнем. Ты этого хочешь?

МАМКИН. Я не дамся. Принципиально не пойду.

СТЕПАНОВНА. Пощекочем – сам убежишь.

ПЕТРОВНА. Может, сейчас? (*Готова наброситься на Мамкина*).

СТЕПАНОВНА. Писку наделает... Ну его! Оставь.

Петровна переодевается. Мамкин привстал, наблюдает.

ПЕТРОВНА (Мамкину). Смотри, смотри... наполняйся лекарствами, потому как таблетки отменили. Лечись, сурок!

СТЕПАНОВНА. Уколы, слышала, тоже.

ПЕТРОВНА. Лечись, пока мы есть. Бесплатные.

МАМКИН. Ага. Ага. Я вот иной раз думаю...

СТЕПАНОВНА. А думать надо всегда.

МАМКИН. Не про то. Не про то. Я вот иной раз думаю, почему так притягивает нас, мужиков... ваши... да, да... прелести... конфигурации? Чем берут?

ПЕТРОВНА. Если ты мужчина, то должен знать.

СТЕПАНОВНА. А спрашивает у нас, а?

ПЕТРОВНА. Чудаки эти мужики. Кролики. Подопытные.

СТЕПАНОВНА. Не говори, Петровна. Всю жизнь чему-то учатся, учатся...

ПЕТРОВНА... а умирают дураками. Ай-яй-яй-яй!

МАМКИН (*агрессивно*). Ну-ну! Поосторожнее, я бы сказал, на поворотах. Не ухмыляйтесь. Не надо. Что, процедуры неудачно прошли, поэтому агрессивные, как тигрицы? Тогда повторите. Или в другом причина?

ПЕТРОВНА. Да пошёл ты... козёл!

СТЕПАНОВНА (*Мамкину*). Видел, довёл Петровну? Злой стала. Нервной. Твоя работа, Ва-лен-тин! Твоя!

МАМКИН. Я ничего не могу сказать плохого вам... за сеансы телотерапии.. Не обижен. Польщён. Удовлетворён.

СТЕПАНОВНА. Хорошо придумал--«сеансы телотерапии». Здорово! Талантлив, чёрт!

МАМКИН. Если есть кустотерапия, то, видимо, имеет право на существование и телотерапия.

ПЕТРОВНА. Наконец-то понял, что кустотерапия – вещь!

СТЕПАНОВНА (*погладила Мамкина по голове*). Вот когда до тебя дошло, первоклассничек ты наш.

ПЕТРОВНА. Степановна, можно мне эту блузку одеть? (*Показывает блузку*).

МАМКИН. Одевайте и не думайте. И не сомневайтесь. В самый раз будет. Как раз к лицу идёт. Петровна, послушай меня. Послушай меня, старого волка!

Осторожно заходит Мамкина.

ПЕТРОВНА. С нами поживёшь – колготки носить начнёшь, Мамкин.

СТЕПАНОВНА. Что там колготки? И лифчик. Пятый размер. Мой.

МАМКИН. Не к месту, между прочим, шутка. А блузку, Петровна, эту... да... да... да. В ней ты будешь моложе лет на двадцать.

ПЕТРОВНА. А кто сказал и кому, что мне двадцать? Мне всего-то девятнадцать. А?

МАМКИН. От, шутница! От, кудесница!

МАМКИНА (*показывает наручники*). А вот эта вещь, между прочим, Мамкин, подходит к твоей наглой морде. Он уже, видали, советы даёт проституткам... прости, Боже... что одевать. Юдашкин! Иди сюда! (*Агрессивно подкатила койку Мамкина к батарее, пристёгивает Мамкина за обе руки к трубе*). Так тебе получше будет. И мне спокойнее. Пусть они тебя и кормят сейчас из ложечки. По очереди. Если ты их обслуживаешь, почему они тебя не могут?

МАМКИН. Геноцид! Это геноцид, кто не знает! Люди! Есть ли поблизости где нормальные-е-е?..

МАМКИНА. Будешь орать, как недорезанный, то найду мешок и на твою дурную башку надену. Слыхал? Так что не рыпайся, Мамкин! Не рыпайся! Вспомни, куда ты попал! Оглянись! Стервец!.. (*Выходит*).

Мамкин резко опустил подбородок на грудь-- как убитый.

З а т е м н е н и е.

ДЕЙСТВИЕНИЕ ВТОРОЕ

В палате. Мамкин лежит, Петровна и Степановна читают.

ПЕТРОВНА. Слышал, Мамкин, жена приказала нам тебя кормить с ложечки. По очереди. Ну, с кого начнём, уважаемые больные бабенции?

СТЕПАНОВНА. Давайте с меня.

МАМКИН. Эх, и не стыдно же вам? И куда, и куда, интересно мне, глаза подевали? Перевернулся мир. Свой нос совать в чужую семью? Да когда такое было? Припомните мне. Ни доброты, ни ласки..

ПЕТРОВНА. Вот так! А мне казалось, что от твоей любимой жёнушки прёт, как из канализации, -- и добротой, и лаской.

СТЕПАНОВНА. Чего ерепенишься, покусанный? Молчал бы! Со- пел бы себе в обе дырочки.

МАМКИН. Вроде бы и ваша правда, женщины. Простите. Погорячился. Бывает. С кем, как говорится, не бывает? Ага. И я про то же. А когда вдруг мне... приспичит? Припечёт?

СТЕПАНОВНА. Подставим утку, не волнуйся.

МАМКИН. Нет,нет! Я не согласен. Я стеснительный.

ПЕТРОВНА. Тогда ничего есть не надо. Однако на всякий случай держи. *(Подала ему полиэтиленовую бутылку, без горлышка).*

СТЕПАНОВНА. И пить.

МАМКИН *(удивленно)*. И пить? *(Длинная пауза)*. И... пить?

СТЕПАНОВНА. И пить.

МАМКИН. Нет, так не пойдёт. У меня, женщины, как раз аппетит появился.

ПЕТРОВНА. Видим, видим. По глазам. Сразу на всё? То ни гроша, и вдруг алтын?

МАМКИН *(тошно вздохнув)*. Да. Да, сразу на всё. Ничего не поделаешь – природа требует.

СТЕПАНОВНА. Природа требует одно, жена – другое...

МАМКИН. А я, если откровенно, и не успел сообразить...опомниться... вроде бы как под гипнозом был,

когда жена пристегнула меня к батарее. Аферистка! Вот когда познаются люди. В беде. В горяшке-е-е! Ешкина мать!..

ПЕТРОВНА. Так что, Валик, у тебя раньше никогда беды не было? Горяшка этого самого, а?

Пауза.

Или ситуации, чтобы узнать людей?

МАМКИН. Доверчивый я человек. Мягкий. Как размятый пластилин. Нападёт, нагрянет иной раз агрессивность, как нагрянет – так отгрянет, так и улетучится. Когда выпью, вот тогда и выдам всё, что соберётся в моём накопителе. Как шахтёр уголь—на - гора. А она, жена, тогда и кричит: ты – пьяница, иди лечись.. ты – алкоголик. И зафугует на лечение. Или тем рвачам подсунет.

СТЕПАНОВНА. Кому-кому?

МАМКИН. Ну тем, которые кодируют. Может, где и есть нормальные врачи. Но где они? А -у!

СТЕПАНОВНА. Да что, ты и сейчас закодирован?

МАМКИН. Нет. Но после этой палаты, чувствую, -- буду. Сто процентов. Буду отомщен.

ПЕТРОВНА. Ты левша или правша?

МАМКИН. Правша. Нормальный, как все, как большинство. Бью с правой!

СТЕПАНОВНА. По пчёлам?

МАМКИН (*нервно*). Прошу вас: не напоминайте мне о пчёлах. Не надо. Дрянь они, дрянь!

ПЕТРОВНА. А за какую руку она тебя пристегнула?

МАМКИН. За обе сразу.

ПЕТРОВНА. Не выпьешь. А у нас намечается...

МАМКИН. Было бы что. Пьют же люди, которые и вовсе рук не имеют. Пьют, гады!

ПЕТРОВНА. Тогда что, сыграем в складчину? Я сбегая. Я кладу, она кладёт наверх, ты ещё раз наверх...

МАМКИН. Наверх? Я люблю быть наверху.

Женщины удивленно переглядываются.

Но как быть мне наверху, когда я в лес поехал... по дрова... Домик у меня в деревушке. По горячей сетке на пенсию вышел, лошадь купил... думал, поживу, как человек... Эх! Не имею, одним словом, госзнаков.

ПЕТРОВНА. Так что, не будешь в складчину?

МАМКИН. Не в ресторан собирался.

ПЕТРОВНА. Твои проблемы.

СТЕПАНОВНА. Почему только его, Петровна? Могу выручить. Муж зарплату получил. Всю отдал. До копеечки.

ПЕТРОВНА. Да Борька твоей дурак битый. Я его знаю.

МАМКИН. А раньше в больнице не пили.

ПЕТРОВНА. А кто сейчас пьёт? Кто? Покажи мне того бандита. Да я ему! *(Пригрозила кулаком).*

СТЕПАНОВНА. Мы лечимся, Валентин. Лечимся.

ПЕТРОВНА. И тебя, кстати, лечим. Сам признался.

СТЕПАНОВНА. Или берёшь свои слова назад?

МАМКИН. Включайте в свою команду. Так и быть. А там видно будет... Уломали. Лечиться так лечиться!

Степановна осыпает, словно осенью дерево землю,

Мамкина деньгами.

ПЕТРОВНА. Покажите мне того мужика, которого нельзя купить! Покажите!

З а т е м н е н и е.

В палате. Мамкин всё ещё пристёгнут к трубе. Женщины лежат на койках. Игоревна кормит из ложечки Мамкина.

СТЕПАНОВНА. Вкусно, Мамкин?

МАМКИН. Мамкину всегда вкусно.

ИГОРЕВНА. Не мешайте нам ужинать.

ПЕТРОВНА. А что, уже вечер?

МАМКИН. Вечер. Вон и звёзды на небе... Красота! А раньше были... звёзды... на небе? Не помню... не помню. Признаюсь, как на духу.

СТЕПАНОВНА. А почему это ты не помнишь? Что, в подвале сидел?

ИГОРЕВНА. Ешь, не вертись. Амай.

МАМКИН *(старается ответить Степановне)*. Нет, в это время я всегда дома... *(Но Игоревна не дала договорить – затолкала кашу в рот)*.

СТЕПАНОВНА. Понятно, понятно: кашку-малашку ем?

ПЕТРОВНА. Дальше, Мамкин, можешь не продолжать.

МАМКИН. Что, ужинать?

СТЕПАНОВНА. А ужинать – как хочешь.

МАМКИН *(нервно)*. И ужинать не желаю! *(Оттолкнул от себя Игоревну)*. Испортили настроение. Уберите эту кашу! Хватит! Съг!

ИГОРЕВНА *(женщинам)*. Помолчать можете? Хотя бы во время трапезы? Он же второй день ничего не ест.

ПЕТРОВНА. Корми не корми, а все равно привязан. Какая от него польза?

ИГОРЕВНА. Женщины! Как вам не стыдно?

СТЕПАНОВНА. Я стыд потеряла пятнадцать лет назад.

ПЕТРОВНА. Мы с тобой, Степановна, ровесницы.

ИГОРЕВНА. Не обращай, Валентин, на них внимания. Давай, давай.

ПЕТРОВНА. Нямай, нямай, дружок.

СТЕПАНОВНА. За папку... за мамку... за соседа дядю Лёшу... за соседку тётю Глашу мы... опа!... уплетаем кашу. Ну, ещё ложечку. Вот молодчина. Вот спасибо тебе.

ИГОРЕВНА. Когда вы его кормили, между прочим, я не мешала!

ПЕТРОВНА. А здесь, Игоревна, две большие разницы: мы кормили, а ты подкармливаешь... как хозяйка хряка. Хрю-хрю-хрю-ю!

МАМКИН (*Игоревне*). Не обращай внимания. Прощу тебя. Не надо. Развратницы. Их, пойми меня правильно, не переделаешь.

ИГОРЕВНА. А кушать будешь? Я у кого спрашиваю?

МАМКИН. Так и быть, уговорила. Одну ложечку осилю. Давай. Только вкуса и от той, единственной, ложечки не почувствую.

СТЕПАНОВНА. Вишь ты, он ещё и вкуса хочет.

МАМКИН. А почему и нет?! А почему?!.. Я тоже, между прочим, не кабанчик! Отступите меня! Где моя старая кастрюля? Кто скажет?

ПЕТРОВНА. Нам пора на сериал, Степановна. Ты идёшь?

СТЕПАНОВНА (*сутоливо*). А правда же! Смотрите, не безобразничайте здесь. (*Шутя пригрозила пальцем Мамкину и Игоревне*).

Петровна и Степановна выходят. Пауза.

МАМКИН. Что, так и будем молчать?

ИГОРЕВНА. Так и будем.

МАМКИН. Дети есть?

Игоревна крутит головой: нет.

А у меня есть.

ИГОРЕВНА. Я уже слышала.

МАМКИН. Ах, да! Правда же, говорил, говорил. Люблю похвастаться тем, что имею. Порок. Согласен.

ИГОРЕВНА. Тебе хорошо.

МАМКИН. А мне кажется – тебе.

ИГОРЕВНА. Ошибаешься. Одной жить тяжело. Непросто одной.

МАМКИН. А я завидую тем, кто один живёт.

ИГОРЕВНА. Чудак ты.

МАМКИН. Я знаю.

ИГОРЕВНА. Кушай. Ну, ещё хотя бы немножко. А каша в самом деле очень вкусная.

МАМКИН. А давай вместе? Одну ложку ты, одну --- я. Давай?

ИГОРЕВНА (*улыбнувшись*). С кого начнём?

МАМКИН. С тебя.

ИГОРЕВНА. Нет. С тебя.

МАМКИН. Нет-нет!

ИГОРЕВНА. С тебя! И не капризничай!

МАМКИН. Ну, только учитывая то, что ты – женщина. Извини, а замужем ты.. была?

ИГОРЕВНА. Была. Совсем мало. Вкусила этого счастья...

МАМКИН (*агрессивно*). Гад попался?!

ИГОРЕВНА. Нет, человек он как раз и хороший. Но больной.

МАМКИН. Так и я же больной.

ИГОРЕВНА. Пчелиный яд, говорят, полезен.

МАМКИН. Полезен?

ИГОРЕВНА. Так говорят.

МАМКИН. Это говорит тот, кого пчёлы не кусали. Я бы хотел послушать тех умников после того, когда бы они побывали на моём месте.

Едят кашу: ложку Игоревна, ложку – Мамкин.

И всё же, если не секрет, чем болел муж? Где вирус взял?

ИГОРЕВНА. Секрет. Не скажу.

МАМКИН. По нашей части?

ИГОРЕВНА. Не добьёшься.

МАМКИН. Интересно же. Распалила, зажгла мужика, а молчишь. А сама, значит, в кусты? (*Заигрывает*).

ИГОРЕВНА. Ты думаешь... Нет, не буду... не надо. Больной человек он и есть больной. Хотя излечим.

МАМКИН. Говори, почему же. Сказала «а», скажи и «б».

ИГОРЕВНА. И больше мне никого не надо, Валентин.

МАМКИН. Не понимаю. Как можно отказываться от того, что можно взять? Что само лежит на поверхности, как алмаз, как драгоценный камень? Как?

ИГОРЕВНА. Одной хотя и тяжело, но, видимо, всё же полегче, чем иной раз вдвоём.

МАМКИН. Не скажи! Не скажи, Игоревна! Смотри с кем. А вот с тобой я бы на край света... нам бы с тобой хорошо было бы. Закадычно. А?

ИГОРЕВНА. Ты же женат. Детей имеешь.

МАМКИН. А я – веришь? -- и забыл про жену и детей... как тебя увидел. Забыл, ага!

ИГОРЕВНА. И ешь ты слабо. Значит, и работник такой.

МАМКИН. Кто? Это я слабо ем? Где каша? И первую ложку мне, и вторую – тоже! Пошевеливайся, Игоревна! Пошевеливайся, Юлия!

ИГОРЕВНА (*смеётся и кормит из ложки Мамкина*). Не так быстро. Подожди, обмажешься. Чудак ты, Валентин.

МАМКИН. Не хватит каши, потрясём сумку. Я докажу! Я слабо ем? Да кто тебе сказал, Игоревна? Кто наговорил таких глупостей? Покажите мне его! Дайте! Задавлю вот этими руками, как только вырвусь на свободу! Каши Мамкину! Каши-и!

З а т е м н е н и е.

В палате, кроме женщин и Мамкина, Врач.

ВРАЧ. Так что с тобой делать будем, Мамкин?

МАМКИН. А что тут сделаешь, когда пристётнут? Наглухо. Ищите жену. Ключ у неё.

ВПАЧ. Искали. Телофон молчит. Она что, не живёт дома?

Пауза.

МАМКИН. Не живёт... дома? Как не живёт? А где?

ВРАЧ. Ну, может у вас дача есть?

МАМКИН. Она туда не ездит. Она городская.

ВРАЧ. Звоним второй день, а телефон молчит. Тишина.

Мрак.

МАМКИН. Вы мне, доктор, задачку задали.

ВРАЧ. Решайте, решайте. А в шестой палате вас ждёт место.

СТЕПАНОВНА. А мы уже и привыкли к нему.

ПЕТРОВНА. Пусть с нами лежит. Нам он не мешает. Тем более на цепи... как кот у Лукоморья.

ВРАЧ. А вы что скажете, Мамкин?

МАМКИН. Мне хорошо среди хороших людей.

ВРАЧ. Не безобразничай, Мамкин. Вы что, желаете, чтобы меня с работы попросили? Извольте. Не найдём ключ, вызовем спасательную службу.

МАМКИН (*часто трясёт руками*). Нет, нет, нет! Я привык. Мне хорошо. И к чему только не привыкнет это пугливое, такое мерзкое существо, как человек? Я и... привык, потому как – человек. Меня не обижают. Меня кормят. И всё остальное... да, да! Грешно жаловаться. Не могу. Видите, и женщины не против, чтобы я, значит, лечился? Они меня даже в свой союз приняли.

ВРАЧ. Что у вас здесь за такой союз?

Петровна и Степановна показывают Мамкину жестами, чтобы молчал.

МАМКИН. Союз, говорите? (*Выдержав паузу*). А союз как раз и развалился... в пущу... в Вискулях... Не слышали? Ты мне товарищ, я тебе брат. Ага. Что, думаете, я бы в другой палате поправился так быстро? Тем более, среди мужчин? Не думаю. Сомневаюсь.

ВРАЧ. Хороший ты человек, Мамкин. Но надо знать и меру. Мери, Мамкин! (*Выходит*).

МАМКИН (*ворчливо*). «Меру», «меру»... Чья очередь меня кормить?

СТЕПАНОВНА (*неохотно*). Да моя, моя. И когда ты уже нажрёшься?

ИГОРЕВНА. Моя!

ПЕТРОВНА. Степановна, уступи. Не гневи Игоревну. Здесь что-то более серьёзное, чем каша. Понимаешь?

СТЕПАНОВНА. А очередь – моя. Я правду люблю. Я и буду кормить. Не уступаю. Хотя и опостылел мне этот Мамкин со своим шавканьем. Тьфу!

ИГОРЕВНА. Моя!

МАМКИН. Что, Степановна, хочешь сказать, у меня зубов нету?

СТЕПАНОВНА. Не заглядывала тебе в рот. Но чувствую худшее...

ПЕТРОВНА. Степановна, уступи! Будет международный конфликт. Мамкин, чья очередь тебя кормить сегодня? Как он скажет, так и будет.

МАМКИН (*ткнул пальцем в сторону Игоревны*). Её! И только её! Она вкусно кормит.

СТЕПАНОВНА. Ты что, уже успел попробовать? Так привязан вроде был?

МАМКИН. Её очередь.

ПЕТРОВНА. Ну, и чего же ты хочешь, Мамкин?

МАМКИН. Чтобы на нас напали деньги, а мы не отбились.

СТЕПАНОВНА. Как от пчёл.

Мамкин в отчаяньи плюнул. Игоревна уходит.

Потрусил. За кашей.

ПЕТРОВНА. Закрутила, закрутила своими багонами.

МАМКИН (*строго*). Прошу не оскорблять!

ПЕТРОВНА. А что я такое сказала? Подумаешь! И у меня батоны есть. Могу показать. *(Прошлась)*. Видел? А если есть, почему бы и не похвастать?

МАМКИН. У неё получше...

ПЕТРОВНА. Получше? У неё? И не стыдно?

СТЕПАНОВНА. А я готовилась, Мамкин, покормить тебя из ложечки. Ночь не спала. Давно я никого не кормила из ложечки. Дети взрослые... ну, не совсем... а едят, правда, сами... как и муж. А иной раз ностальгия так возьмёт тебя крепко... как в молодые годы любимый человек. Приятно вспомнить! *(Томно потянулась)*. Ну что, Петровна, на процедуры?

ПЕТРОВНА. Рановато. Позавтракать сначала надо. Пошли в столовую.

СТЕПАНОВНА. Слушаюсь!

Уходят.

МАМКИН *(громко)*. А кто... а кто, последний раз спрашиваю, хотя и первого не было, лошадь мне купит? Кто вернёт? Чьи пчёлы были? Где тот пчеловод зачуханный? Повторяю: кто мне, гражданину Мамкину Валентину Юрьевичу, вернёт лошадь?

Появляется Аркашка.

АРКАШКА. А вот и я, хозяин. Звал?

МАМКИН *(остолбенел)*. Нет, нет, не звал. И быть такого не могло. Тебя же нету. Мы – мёртв. Ты—там... *(Показывает взглядом на потолок)*.

АРКАШКА. Ошибаешься. Захмутать меня не захмутаешь, хомут побереги для другого коня - дурака. Телегу, плуг, борону пусть он теперь потаскает. А у меня было время хорошенько подумать, взвесить и убедиться...

МАМКИН *(неуверенно, дрожащим голосом)*. И что же ты взвесил? В чём убедился?

АРКАШКА. Зря потел. Не на того человека спину гнул. Надо было сачковать. Лодырям легче прожить.

МАМКИН. Не скажи.

АРКАШКА. Помолчи.

МАМКИН. Как прикажешь.

АРКАШКА. А тебя, я вижу, прижали. Что, хорошо так?

МАМКИН. Нет. Плохо. Хуже не придумаешь.

АРКАШКА. А я всё время так и жил. Даже на ночь ты ленился иногда хомут с меня снять.

МАМКИН. Кто, говорят, старое вспомнит...

АРКАШКА... тому глаз вон.

МАМКИН. Правильно.

АРКАШКА. А глаза мне уже не нужны. За меня Бог на белый свет смотрит. Из-за облака. Мне уже ничего не надо. Хотя душа и живёт. А высказаться дай.

МАМКИН. Не запрещаю. Только зря ты на меня так агрессивно набросился.

АРКАШКА. А на кого надо?

МАМКИН. На их...

АРКАШКА. Их – много...

МАМКИН. Понимаю, понимаю: одного легче бить. А надо ли? А за что? Чё, думаешь, мне жалко было тебе овса? Нету. Нету овса. Из моды вышел овёс. Свели. Если честно, я и не видел его, овса, сколько живу.

АРКАШКА. А кнутом хлестал?

МАМКИН. Ну, было... На то и кнут. Не висеть же ему без дела. Для чего ружьё? Чтобы стрелять. Вот и я... значит.

АРКАШКА. Подковы не подбил, я и поскользнулся... И ты меня за это – кнутом?

МАМКИН. Погорячился. Прости.

АРКАШКА. А мне погорячиться можно?

МАМКИН. В каком смысле?

АРКАШКА. А вот в этом. (*Хлестает Мамкина кнутом*).

МАМКИН (*извивается*). Кто разрешил? Беспредел! Где бы это было видано, чтобы разные животные людей кнутами?... По какому праву? Кто же из нас конь, а кто человек? Спасите-е-е!

АРКАШКА. Никто тебя не услышит. А Бог есть. Он заставляет платить за всё. И за хорошее, и за пакости. (*Исчезает*).

Появляются Петровна, Степановна и Игоревна.

ИГОРЕВНА. Что, что случилось? (*Подняла кнут*). Кто тебя, Валик?

СТЕПАНОВНА. А мы думали, снова пчёлы напали.

ПЕТРОВНА. Роем.

МАМКИН. Ещё раз прошу вас, женщины, прошу и молю: не напоминайте мне про пчёл! Всё понятно?

СТЕПАНОВНА. Тогда не кричи.

ПЕТРОВНА. Смирись со своей судьбой, Мамкин.

СТЕПАНОВНА (*Игоревне*). Ты с нами на процедуры не идёшь?

МАМКИН (*громко*). Не-е-ет! Она – не-е-е-ет!

СТЕПАНОВНА. Всё понятно.

ПЕТРОВНА. Как дважды два.

СТЕПАНОВНА. Счастливо оставаться, молодожены.

Петровна и Степановна взяли необходимые вещи и уходят.

МАМКИН. Больше про коня и вспоминать не буду. Его уже не вернёшь, а на сухари достанется.

ИГОРЕВНА. От кого?

МАМКИН. От коня. От Аркашки.

ИГОРЕВНА. Как это?

МАМКИН. Просто. Вспомню – он и появляется. Только представляю голову его... маргалы... и сразу...

ИГОРЕВНА. Невероятно! *(Приложила руку ко лбу Мамкина)*. Всё понятно – горячий.

МАМКИН. Я горячим и родился. Всё равно как на углях поджарили. Со всех сторон. Крутили, как шашлык на шампуре.

ИГОРЕВНА. Оно и видно. И как я сразу не догадалась?

МАМКИН. Пусть конь появится. Пусть. Но кнут откуда взялся? Я о нём не вспоминал... не думал.

ИГОРЕВНА. Обволокли тебя, беднягу, наручники, кнуты...

МАМКИН. Дерьмо разное как магнитом притягиваю. С чего бы?

ИГОРЕВНА *(серьёзно)*. Лечиться надо!

Заходит Милиционер.

МИЛИЦИОНЕР. Мамкин здесь лежит?

ИГОРЕВНА *(кивает)*. Вот он.

МИЛИЦИОНЕР. Разговаривать может?

ИГОРЕВНА. Смотря с кем. С вами – не знаю...

МИЛИЦИОНЕР. У меня мёртвый заговорит.

ИГОРЕВНА. Слышала. Заговорит. Мне выйти?

МИЛИЦИОНЕР. А это ваше дело. Хотите – присутствуйте, хотите – нет. Тогда – на свежий воздух.

ИГОРЕВНА. Мне это подходит. *(Выходит)*.

МИЛИЦИОНЕР. Мамкин, вы меня слышите?

МАМКИН. На одно ухо. Второе заплыло.

МИЛИЦИОНЕР. А почему это у вас наручники? Вы что – бузили? Вроде бы я вас не пристёгивал. Или, может, вчера? Я не был здесь вчера?

Мамкин крутит голову: нет.

Так в чём дело тогда?

МАМКИН. У меня дома тоже милиционер живёт. Она у меня немножко... того. Её работа.

МИЛИЦИОНЕР. Разберёмся. Ну, а сейчас по порядку. Мамкин?

МАМКИН. Мамкин.

МИЛИЦИОНЕР. Валентин Юрьевич?

МАМКИН. Он самый. Вместе с кепкой и сандалетами.

МИЛИЦИОНЕР. Отвечать кратко. Без комментариев. Год рождения?

МАМКИН. Тысяча девятьсот пятидесятый...

МИЛИЦИОНЕР. Адрес у нас записан.

МАМКИН. Нет-нет, адрес хочу поменять.

МИЛИЦИОНЕР. Прописан на улице авиаконструктора Сухого? Дом два, квартира пять?

МАМКИН. Там, там.

МИЛИЦИОНЕР. Так что же вы мне голову морочите? Рассказывайте!

МАМКИН. О... чём?

МИЛИЦИОНЕР. О пчёлах!

МАМКИН (*простонал*). Снова про пчёл, про мелочь ту? Не вспоминали бы, а? И коня жалко... Такой конь у меня был! Послушный, выносливый. Такой конь!

Появляется Аркашка.

АРКАШКА. И-го-го-го-го-го-го! Я, хозяин! Я! Скучаешь, вижу, по мне.

МАМКИН (*диким голосом*). Не-е-е-ет!

МИЛИЦИОНЕР. Что с вами?

МАМКИН (*тычет пальцем на лошадь*). Конь. Мой конь.

МИЛИЦИОНЕР. Этот?

МАМКИН. Да. Да. (*Аркашке*). Прочь! Не мешай нашей многоуважаемой милиции вести допрос! Прочь!

АРКАШКА. Как пожелаешь, хозяин. Я могу подняться на небеса... к себе... в свою небесную конурку. Мне там хорошо.

МИЛИЦИОНЕР (*Аркашке*). Задержитесь. Мне ты как раз и нужен. Допрошу. А тогда куда хочешь. Видишь, как повезло. Чудеса – не иначе. Глазам не верю. Ну, рассказывай.

АРКАШКА. О чём?

МИЛИЦИОНЕР. Обо всём по порядку. Как проснулся, как позавтракал, как поставил тебя в розвальни хозяин... бил ли...

Мамкин показывает жестами Аркаше, чтобы тот не очень откровенничал.

Слушаю, слушаю, гнедой.

АРКАШКА. Спал, как всегда, стоя.

МИЛИЦИОНЕР (*Мамкину*). А интересно, правда? Как так можно—стоять и спать? Хотя было у меня... на первом посту в армии охранял знамя полка... Стоял с автоматом и спал... Ну, ну, дальше.

АРКАШКА. Завтракал? А завтракал ли я? Хозяин, не помнишь?

МАМКИН. Ты чего, едрёна вошь, забыл? Выветрило? А кто тебе корзину свеклы притаранил? С неба упала?

АРКАШКА. А-а, правильно. Была, была свекла в рации. Та, которую ты на колхозном поле воровал, а я, дурак, тянул воз с наворованным. Простить себе не могу.

МАМКИН. Вот лжёт, а? Вот даёт! Его послушать!...

МИЛИЦИОНЕР. Интересно, интересно. Так и запишем: завтракал ворованной свеклой. Кони не воруют. Воруют их хозяева. Мамкин, тебя касается.

МАМКИН. Да кого вы слушаете, товарищ милиционер? Чушь! Полнейшая!

МИЛИЦИОНЕР. Не мешайте. Говори, говори дальше, конь.

АРКАШКА. Ну, после свеклы запряг он меня в телегу, и поехали мы с хозяином на ферму. Там его знакомый сторожит молоко. Зачерпнул он ведро сметаны..

МАМКИН. Во даёт! Во врёт! Заткнись, гад!

МИЛИЦИОНЕР (*Мамкину*). Не мешать! Давай, давай, конь, давай. (*Аркашке*). А тебя, кстати, как он обычно звал?

АРКАШКА. Быдло. Обжора. Кретин. Какое имя больше понравится вам, то и выбирайте. Хотя по паспорту я – Аркашка.

МАМКИН. Не верьте. Аркашкой и звал - величал.

МИЛИЦИОНЕР. Я вас не спрашиваю, Мамкин.

АРКАШКА. Ну, а тогда, значит, отвезли мы то ведро со сметаной... мне бы той сметанки хоть язычком лизнуть... дачнице одной... тётке Гуле...

МИЛИЦИОНЕР. Так и запишем: тётке Гуле. А фамилию её не помнишь?

АРКАШКА. Нет. Но могу показать, где её дача.

МИЛИЦИОНЕР. Покажешь.

МАМКИН. А кто видел? Свидетели есть?

МИЛИЦИОНЕР. Будут. Найдём. Ну, ну, Аркашка.

АРКАШКА. Она, тётка Гуля, дала за сметану три бутылки вина.

МИЛИЦИОНЕР. Кому?

АРКАШКА. Не мне же. Вот ему, хозяину.

МАМКИН. Кто давал, кто давал, мерзавец? Не было никакого вина. Врёт, товарищ милиционер. Напропалую. От начала и до конца врёт. И уметь же надо!

АРКАШКА. Он сразу же и выпил всё вино. А потом запел и потянул меня в лес. Чтобы загрузить дровишек и загнать вдовушке какой. За вино. А дальше я ничего не помню...

МИЛИЦИОНЕР. И пчёл не помнишь?

МАМКИН *(застонал)*. Не трогайте, прошу вас, пчёл! Сколько можно?! У меня от них мурашки по коже ползают. У-у-у-у-у-у!

МИЛИЦИОНЕР. Спасибо, Аркашка. Спасибо. *(Протянул ему протокол)*. Подпиши.

АРКАШКА. Чем? Копытом?

МИЛИЦИОНЕР (*растерянно*). А как же быть? Протокол... такая форма, такой порядок... обязательно должен быть подписан.

АРКАШКА. А кто меня, в какой гимназии, писать учил? Ещё не хватало! Если бы и лошади были грамотными, то кто бы этих дураков возил? (*Кивнул на Мамкина*).

МАМКИН. Ну, ну, распоясался, вижу!

АРКАШКА. Не было бы кому и плуг тянуть, и борону. Вымерли бы Мамкины.

МИЛИЦИОНЕР. Говоришь ты всё правильно и умно, а как же нам с подписью быть?

АРКАШКА. Твои проблемы, мент.

МИЛИЦИОНЕР. Что ж, тогда, может, хотя копытом удостоверись?

АРКАШКА. Копытом могу попробовать.

МИЛИЦИОНЕР. Давай!

Аркашка приставил к протоколу копыт.

(*Подул на то место, где оставил след конь*). Порядок. В каждом деле, друзья мои, должен быть порядок. Обязательно, Мамкин!

МАМКИН. Чего?

МИЛИЦИОНЕР. Подпиши сейчас ты.

МАМКИН. Не буду. Не согласен. (*Отвернулся*).

МИЛИЦИОНЕР. А с чем это ты не согласен?

МАМКИН. Конь Аркашка наврал. (*Аркашке*). Врунишка!

МИЛИЦИОНЕР. Тогда давай ври и ты. Что было, как? Ври.

МАМКИН. Хорошо. Уговорил. Давай протокол.

МИЛИЦИОНЕР. Вот это другое дело.

Мамкин подписал протокол.

Сейчас это серьёзный документ. Важный.

МАМКИН. Меня что, может, еще и привлекут?..

МИЛИЦИОНЕР. Если есть статья, что за рой пчёл, которых ты погубил...

МАМКИН (*удивленно*). Я? Пчёл?

МИЛИЦИОНЕР. Безусловно, ты. А кто же?

МАМКИН. Видали? Слыхали? Коня моего на тот свет загнали, меня чуть было вслед за ним не отправили...

АРКАШКА. Нет, нет! Хоть, за облаками, поживу без тебя, хозяин, хоть отдохну. Выздоравливай. Живи.

МАМКИН (*Милиционеру*). А кто мне коня вернёт?

МИЛИЦИОНЕР. Коня? А пчеловод требует, чтобы ты ему пчёл вернул... или заплатил за рой.

МАМКИН. Что, и у него, того наглого пчеловода, серьёзные аргументы есть?

МИЛИЦИОНЕР. У того, кто ложками мёд ест, всегда аргументы найдутся.

МАМКИН. Люди! Куда идём? Куда ползём?

АРКАШКА. На кладбище.

МАМКИН (*Аркашке*). Исчезни, облезлый! Сгинь!

АРКАШКА. Пожалуй ста! (*Исчезает*).

МАМКИН (*поморщился, как от боли*). Подай, товарищ милиционер, полиэтиленовую бутылку... без горлышка... двухлитровую... А? Выручи. Под койкой стоит.

МИЛИЦИОНЕР. Бутылку? Под койкой? Я что, в санитары нанялся? Жди, Мамкин. Терпи. Найду твою жену, сниму наручники. Так и быть, спасу. Может, и мне когда ведро сметаны привезёшь? (*Уходит*).

Мамкин стонет.

З а т е м н е н и е .

В палате один Мамкин. Свесил голову, похрапывает.

Заходит Врач.

ВРАЧ. Жена нашлась?

МАМКИН. Слава Богу – нет. Даже не снится.

ВРАЧ. А что же нам делать с твоими наручниками?

МАМКИН. Они не мои.

ВРАЧ. На твоих руках – значит, твои.

МАМКИН. А что хотите, то и делайте. Но если бы вы не переводили меня в другую палату, я сказал бы вам большое человеческое... и мужское спасибо. От чистого сердца.

ВРАЧ. Нельзя, нельзя, Мамкин. Нарушаем порядок.

МАМКИН. Я уже привык здесь. С женщинами хорошо...

ВРАЧ. Сам знаю. Но – готовься. Пора перебираться. Что-нибудь придумаем. Вот-вот поздравим тебя с новосельем.

МАМКИН. Я, доктор, человек простой... скромный... звёзд не хватаю. Да и зачем мне они, звёзды? Сел на один стул – на нём и сидеть должен. Пока стул не рухнет. Лёг на одну койку – на ней и лежать должен, и мне прекрасно на ней лежать. Взял одну жену – и навеки, и буду, видачь, её рабом, пока не подохну... пока в гроб не заголкают.

ВРАЧ. Понимаю, понимаю. Только не получится достучаться до меня. Нет, Мамкин. Хотя и привыкли вы к наручникам, как к стулу и своей жене, но придётся их снять. Любым способом. *(Выходит)*.

МАМКИН. Один? Один остался. На всю палату. А кажется, на весь белый свет один. И – дожил... На кого похож я, Мамкин? *(Слезно)*. Жена совсем сдурела, кажется... *(Появляется жена, молча стоит у двери)*. А я? А сам я? Ну, и зачем я Игоревне? *(Появляется Игоревна)*. Зачем ей лысый, облезлый, как мой конь Аркашка, которому я ни разу не дал овса? *(Появляется Аркашка)*. А это распущенные Петровна и Степановна? *(Появляются Петровна и Степановна)*. Пусть и распущенные, бегают на кустотерапию, но ведь отстояли, не отдали в соседнюю палату, к мужикам. Хорошие, оказывается, женщины. А милиционер, холера этакая... *(Появляется Милиционер)*. Допрос устроил. А вот это видел? *(Показал фигу)*.

Так и возьмёшь меня, Мамкина! Обожжёшься! Ты пчеловода привлеки к ответственности. Пчеловода! (*Появляется Пчеловод*). Пусть, негодяй, следит за своими пчёлами, пасёт их. (*Гул пчёл, отбивается от них*). Нет! Нет! Только не они! Я уже не пью! Завязал! Только чай!

Мамкина молча сняла наручники, бросила их на пол.

Говорил же, говорил: не беспокойте пчёл! Кто, кто их потревожил?

Гул исчезает.

И доктор наш человек хороший. (*Появляется Врач*). Интересно, а сами доктора, которые нас лечат, болеют? А?

Пауза.

ПЧЕЛОВОД (*держит на руках горшок с мёдом*). Мамкин, это вы Мамкин?

МАМКИН. Я. А ты кто такой?

ПЧЕЛОВОД. Пчеловод. Навестить вас решил. Медку принёс.

МАМКИН (*бросается на Пчеловода, но дорогу преградила жена*). Пустите меня, я сказал! Пустите! (*Вырвался, обнял Пчеловода, целует*). За всё тебе спасибо. За всё. А мёд заberi... отнеси назад... отнеси туда... откуда и принёс.

МАМКИНА (*взяла горшок у Пчеловода*). Так мы ему и разрешим отнести мёд назад. Женщины, доктор, ложки!

И все, как по команде, поднимают над собой руки с ложками – деревянными и удивительно большими.

И вдруг тот же, что и раньше, неистовый человеческий крик, ржание лошади. И голоса...

1-й ГОЛОС. Куда его?

ЭХО. Куда его? Куда его? Куда его-о-о?

2-й ГОЛОС. В женский улей!

1-й ГОЛОС. Он же от Ивана Ивановича!

2-й ГОЛОС. А-а-а, тогда – домой! К жене!

ЭХО. К жене! К жене! К жене-е-е!..

И все танцуют. Медленно и шумно. Вокруг Мамкина и горшка с мёдом.

Конец.

www.kamunikat.org

КУРОРТ ДЛЯ ЗЯТЯ

Комедия в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

КОЛЬКА.

ШКЕТ.

НАДЯ.

ПЕТРОВНА.

СЛАВИК.

Белорусская деревня. Наши дни.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в крестьянском доме. Современная мебель, но довольно скромная. Здесь же шкаф для белья, телевизор, на видном месте — магнитофон. На диване спит Колька: одет он для этих мест, где происходят события, довольно интересно: в майке и шортах.

Колька видит сон: будто бы его теща Петровна и молодая жена Надя, наряженные в восточную одежду, танцуют перед ним. Танцуют, конечно же, под восточную музыку. Кольке хорошо. Колька улыбается во сне. И лопата в его руках — как живая...

Но сон быстро проходит, в комнату заходит Шкет. В руке — шорты.

Шкет. Колька! Колька, вишь, моя учудила! Заказывал такие, как у тебя, а она что купила? Качан капусты, а не голова! Что скажешь, а? Почему молчишь, Колька?

Колька (*вскочил, энергично*). Дергать надо отседова, дергать, Шкет! В капкан попал! Теща за холку взяла! В лошадь превратить хочет!

Шкет (*спокойно*). Петровна может. Петровна слово сдержит. Стахановка!

Колька. К черту этот курорт! Вот где он у меня! (*Провел ребром ладони по кадыку*). Ехал, дурак, в деревню пожить... кислорода похлебать. Поживешь тут! В газетах начитался — курорт! А приехал — тоска сплошная! Я же, Шкет, городской! В своем

районе Гансом был!

Шкет (*насторожено*). Это... каким Гансом? Фрицем, что ли?

Колька (*танцует что-то очень сверхсовременное*). Королем района! Все лахудры мои были!

Шкет. И там в шортиках щеголял?

Колька. Всяко бывало. Всяко. Жил, Шкет, жил!

Шкет. Да-а. Завидую тебе, Колька. А я как жук тот — только по земле ползаю. Слышь, Колька, подучи. Подучи, дружище, подучи, кореш! А разбогатею — отблагодарю.

Колька *удивляется*.

Пару словечек подкинь для повышения общего уровня. С философии, желательно. А?

Колька (*не сразу*). Зачем тебе все это?

Шкет. Надо! Надо, Колька! Сам не знаю — зачем, но надо. Давай, давай, подбрасывай слова. Ловяю.

Колька. Хорошо, уговорил. Запоминай.

Шкет. Готов! Только... чтобы применительно к женскому полу. К бабам. Я им!..

Колька. Понял. Аспиринолоктанша рыжая. Аналифено твою мать. Феноцетин...

Шкет. Вот! Вот! И культурно, как говорят, и вежливо.

Колька. Повтори.

Шкет. Что ты! Мне эти слова полгода запоминать надо. Запиши, Колька. Вот сюда, на руку... Засвидетельствуй. Выучу — отблагодарю, я же сказал. Свою бабу я этими словцами в бараний рог сверну! (*Сжал кулак*).

Колька (*записал слова на руке Шкета*). Порядок.

Шкет. Ага. Порядок. (*Читает*). Аспиринолоктанша рыжая... Аналифено... А почему это я, ты вот мне ответь, должен все время ходить в цганах ХБ и в сапогах? Хватит, война давно кончилась! Я кто? Человек, который звучит гордо! Да! И не травить мою душу... аналифено твою мать! А может вместе в городишко махнем, Колька?

Колька. Вдвоем нельзя. Мужиков в деревне мало — сразу заметят, запеленгуют. Опасное дело.

Шкет. Верно говоришь.

К о л ь к а *(развернул оверток, который принес Шкет). Ого! Какой же это размер? (Удивленно рассматривает шорты).*

Шкет. Погоди! *(Вырвал шорты).* Погоди, Колька! *(Натянул шорты — и провалился в них).* Опять соседу купила! Опять! С ног до головы одела Петьку, обормота, а я, как последний дурак, ушами не шевелю! Вот оно что! Все, что купит мне, — велико! Колька, слышь? Все! И трусы, и майки, и сорочки! А сейчас вот... шорты... в самый раз на Петьку.

Колька. Как на слона. *(Залез тоже в шорты, и обоим в них просторно. На шортах написано: "Лида", "Рыло".)*

Танцуют.

Шкет. Погодь! Здесь не до смеха! А ему же, Петьке, надо раздеваться, чтобы примерить трусы?

Остановились, подумали, снова танцуют.

Да! Раздеваться надо. Понял. Ну-у-у, змея! *(Выскочил из шортов, это сделал и Колька. Шкет собрал одежду, решительно направился к выходу. В Пороге остановился, прочитал на руке).* Аспиринолктанша рыжая, держись! *(Выходит).*

Колька включил магнитофон, танцует брейк. Заходит Надя, выключила музыку.

Надя *(кинув на Кольку злой взгляд).* Хватит! Хватит лежать! Или на работу идешь в колхоз, или на огороде находишь для себя занятие. У нас в деревне кто не работает, тот не ест! *(Пьет из кувшина молоко).*

Колька. А я что, не работаю?

Надя. Мне только ночной работник не нужен!

Колька. Ну ты же знаешь, мне акклиматизация необходима.. с погодика хотя бы. Минимум. И все у нас будет хорошо. Вросту в землю!

Надя. Колька, мне же людей стыдно! Ты почему это, спрашивают, Надюха, мужа своего в клетке держишь, нам не показываешь? Он что у тебя — с дефектом? Из хаты не выходишь. Только когда за угол приспичит.

К о л ь к а. В деревне за угол сходить—тоже, считай, подвиг. Не представляю, как туда зимой шныряют. *(Передернул телом).*

Надя *(стукнула кулаком по столу).* Вот что! Разговор

коротким будет. Сейчас придет мама..

Колька. Не мама, а теща. Это не одно и то же. Прощу не путать.

Надя (*настойчиво*). Сейчас придет мама, и ты пойдешь с ней вскапывать грядки.

Колька. Ребята узнают, где я и чем занимался, — засмеют, ненормальным посчитают.

Надя. Ничего. Они еще не в такие места попадают, ребята твои. Тебе, я думаю, повезло.

Колька. Да уж повезло — больше некуда!

Надя. Я на работу. Не забывай, о чем у нас был договор. Напомнить?

Колька. Не надо! Не надо! (*Взял лопату*).

Надя. Хорошо. Но запомни: это твое последнее испытание. Увильнешь — пеняй на себя. (*Выходит*).

Колька. Что же придумать, а? Нет, они меня гольми руками не возьмут, работать на грядках не заставят!

Заходит Шкет. Под глазом — фингал.

Кто это тебя так, Шкет?

Шкет. Пусть не лезут.

Колька. Понятно.

Шкет. Послушай, хлебнуть ничего нету?

Колька. Зачем?

Шкет. Залить, понимаешь, надо.. Горе залить.

Колька. Не жалко, но извини... нет.

Шкет. Птьфу! За слово твое врезала.. за аспиринолоктаншу рыжую.

Колька. Чем била?

Шкет. А?

Колька. Била чем?

Шкет (*махнул рукой*). Она когда в азарт войдет, все в ход пускает, что под руки попадет. Шорты, это значит, на голову... и давай боксировать. Я тебе, говорит, дам аспиринолоктаншу рыжую! Сразу запомнила, курица бройлерная! Про шорты и Петьку заикнуться не успел.

Колька (*посмотрел в окно*). Идет!

Шкет (*засуетился*). Меня, Колька, нет! Нет меня!

(Спрятался в шкаф).

Колька. А чего тебе бояться? Или ты уже испугался на всю оставшуюся жизнь? Гряды, значит, вскапывать... Ну-ну! А без меня кто их вскапывал бы? А если бы меня вообще не было, что, так и жили бы без гряд?

Шкет *(из шкафа)*. Нафталином пахнет. Колька, а я тут вместо моли лапки не протяну?

Колька. Ты живучий, Шкет.

Шкет. Не выдай, Колька, что я здесь!

Заходит Петровна с бутылкой водки в руке, фразу же направила к шкафу, поставила за дверкой бутылку.

Петровна. Ну как. зятек, покиваешь? Бока не болят? Надя тебе ничего не говорила?

Колька вставился в одну точку на потолке.

Что это с тобой, зятек? Эй. зятек!

Колька. Ласточки на потолке. Гнезда лепят.

Петровна *(в испуге закрыла рот ладонью)*. Боже! Праведный! Колька, какие ласточки? Где ты их видишь?

К о л ь к а *(тычет пальцем в потолок)*. Вон! Гнезда делают! Святое дело—разрушать нельзя, а то веснушки появятся. Ни-ни!

Петровна отступает от зятя, опустилась на диван.

В войну пахан мой по Днепру картошку перевозил в консервных банках. По два мешка в каждую банку — и полный вперед! Спичками загребает, а вокруг стреляют. И наши, и чужие... Не поймешь, кто кого... кто за кого... Та-та-та-а-а-а! Петровна! Теща! Стоягь насмерть!

Петровна. Я, я, зятек! Ты, Колька, может приляжешь? Тебе плохо, зятек?

Колька. Нет, мне хорошо! Зер гут! Мне прекрасно! Шик и блеск! Я гуманоид! Я невидимый космонавт! Я к тебе на летающей тарелке прилетел. Ты думаешь, моя родная, глубокоуважаемая теща, почему тарелок не хватает? Все они летают... Там... В небе... Я на своей в конце огорода сел... Ты что, не видела?

Петровна. Нет-нет. Ей-богу.

Колька. Ну, даешь! Да меня все видели, а родная теща нет. В Воронеже кто садился? Понятное дело — я! Даже дети подбежали, радуются. Я еще подумал: нет, пацаны, вы так мою

тарелку по винтикам разберете. Знаем вас. Нет дураков. Раз — ив небеса. Меня везде видели. Над Витебском кружил. Люди, значит, видят, а теща моя законная нос воротит от любимого зятя. Эх ты! У кого, скажи, зять на тарелке летает? Ни у кого! Гордиться должна!

Петровна. Ты приляг, зятек. Приляг.

Колька. Нет! Я еще пойду с тобой грядки вскапывать. Только ты мне лопату дай потяжелее.

Петровна. Я сама! Я сама, зятек, вскопаю!

Колька (*поет*). Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть воздух и простор. Нам разум дал стальные руки-крылья, а вместо сердца пламенный мотор!

Петровна. Давай я тебя спать положу.

К о л ь к а. Нет! Только грядки! Грядки и ты, моя родная теща! Я вас люблю! Обнимаю! Целую! (*Тянет руки к Петровне*).

Петровна. Люди! Родненькие! Спасите! Помогите! (*Выбегает*).

Колька. Грядки вскопать? Никто тебе не поможет, кроме любимого зятя!

Шкет, (*высунул голову из шкафа*). Колька, докладывай обстановку. (*Заметил Петровну, втянул голову*).

Заходит Петровна.

Петровна. Никого. Все в поле.

К о л ь к а (*снова смотрит на потолок*). Ласточки, миленькие сиротинушки мои... Вам хотя алименты платят родители непутевые или нет? Мне признавайтесь, не бойтесь, мне теща о себе все рассказывает... Как жила, что делала... сколько раз мужу изменяла... Ничего не скрывает...

Петровна. Ой, паразит, что мелет! Тьфу!

К о л ь к а. Ну, ну, только не пачкать! Гнезда гнездами, а по нужде за тещин угол!

Петровна. Приляг, зятек, приляг. Устал, ты, видимо, пока на своей тарелке летал.

Колька. Это можно. (*Лег*).

Петровна. Вот и хорошо. Послушненький ты у меня.

Колька, (*вскочил*). Но я же еще в магазин должен сходить.

Петровна. Закрыт. На обед. Перерыв.

К о л ь к а. А когда откроется?

Петровна. Скоро, скоро откроется.

Колька. Невезуха. Ходил уже сегодня. Хотел верблюда купить. Одногорбого. Подхожу к магазину, а двери ливерной колбасой завязаны. Морским узлом. Я зубами грызу, грызу. Мертво. Надолго завязаны.

Петровна. Спи, спи. Потом купим и верблюда. Только в нашем колхозе все верблюды с двумя горбами...

К о л ь к а. И кашу забачаем. Гречневую. Каши хочу-у-у! И я тебя заставаю всю кашу съесть — чтобы не думала, что зять у тебя жадина какая-то городская.

Петровна. Съем, съем.

К о л ь к а. И вылижешь дно!

Петровна. И вылижу. Поспи. Нароботался ты, бедняжка.

Колька лег, закрыл глаза.

Боже! Что же делать? Куда бежать?

Наконец-то из шкафа выбрался Шкет и как ни в чем зашагал к выходу. Но... пьяной походкой. Из кармана торчит горлышко бутылки.

Шкет (*бодро*). Жить! Жить, Петровна! Мы еще тряхнем стариной! Колька! Запускай свою тарелку — и полетим отсюда к чертовой матери! А? Туда полетим, где дают без очереди... Колька-а!

Петровна. Стой! (*Задержала Шкета, крутит ухо*).

Шкет. Стою!

Петровна. Зачем в шкаф залез?

Шкет. Ой, не так крепко! У меня запасного уха нету!

Петровна. Отвечай!

Шкет. Бес меня попутал, Петровна. Думал, моя торпеда идет. Вот. Ага. Извини. Ничего не помял, ничего из твоего гардеропу не одел. Только нафталина перебрал... (*Кашляет*).

Петровна (*агрессивно*). Какого нафталину? Какого нафталину? (*Выватила из кармана Шкета бутылку*). Эх ты, бессовестный! Я же эту бутылку у цыгана за двадцать рублей купила.

Шкет. На тарелку — и туда, где подешевле и без очереди. Заводи, Колька, тарелку!

Петровна (*держит перед глазами бутылку*). Ну, вы поглядите только — отполовинил! И не лопнул, паразит! Чем он там закусывал, в шкафу? Может рукав съел? (*Заглядывает в шкаф*).

Шкет. Жить! Жить! Ша, Петровна! Будет день, будет цыган... Отработаю! Верну!

Петровна. Вернешь? Ты вернешь? Но... подожди. Хорошо. Вот что, Шкет: слетай на дворню, найди машину, надо зятя отвезти.

Шкет. Куда?

Петровна. В город.

Шкет. А куда в город? На место? Где взяли, туда и положим. А?

Петровна (*шепчет Шкету на ухо*). Понял?

Шкет. Туда сама вези!

Колька. Никаких городов! Только деревня! Только огород! Лопату мне! Пятилетка кончается!

Шкет. Что он, и в самом деле?... (*Крутит пальцем у виска*).

Петровна. Похоже.

Шкет. Пропашее дело. Тарелку разобьет. Жалко. Полетали бы.

Колька (*привстал*). Пистолет мне! Мавзер! Они идут! Под марш! Ну-у-у!

Небольшая пауза.

Ты теща или кто? Выполнять приказ! (*Бросился на тещу*).

Петровна. Ой-й-й! (*Выбегает*).

Шкет. Пистолета нету. Топор принести могу. Отобьешься?

Колька. Давай топор!

Шкет. Колька, ты это... серьезно... того?

Колька. Оружие!

Шкет. Сейчас.. сейчас.. Ага... Аналифено твою мать. (*Голкает задом дверь, выходит*).

ЗАТЕМНЕНИЕ.

У бревна. К Шкету подходит Петровна.

Петровна. Ну, как он там?

Шкет. Оружие, говорит давай. Стрелять всех подряд буду.

Петровна. Горе этот Колька. И машин сейчас нет —

посевная.

Шкет. Будет баянить — зови, свяжем.

Петровна. Свяжешь! Бык такой! Разойдется когда — пиши пропало. Что-то надо предпринимать. Посоветуй. Шкет.

Шкет (*принял серьезный вид*). Не Шкет, а Павел Семенович. Ясно?

Петровна. Ну, хорошо, хорошо, Шкет. Пусть будет так.

Шкет. Один раз, Петровна, у меня такое было, значит...

Петровна. Ну-ну!

Шкет. В район едем. Только на асфальт вырулили, а милиционер машет: стойте, мол! А нас четыре головы и восемь ног в кабине. Перебор. Нельзя. Что же делать? Выкрутились!

Петровна. Выкрутились?

Шкет. Представь себе. Вышли сухими из воды, как гуси. Я придумал. Я! Держим, говорю, Юрка, Степана — Степан между мной и Юркой сидел как раз, в середине. Гаишник глаза выпучил... удивляется. А я ему: "Чего смотришь, дружок? В дурдом везем человека. Держим вот. Знаем, что нарушаем, но другого выхода нет. В автобусе опасно — люди, в кузове — тем более: а вдруг за борт сиганет? Девку красивую увидит — и выпрыгнет. Махнул рукой: поезжайте! А? Из любой ситуации Шкет выход найдет.

Петровна. Выручи, Шкетик, миленький, родненький!

Шкет. Эх, Петровна, Петровна! Где наше не дымилось! Стой тут. На щухере. Загляну, интересно, что он там делает. Может на лампочке сидит?

Петровна. Кричи, если что! Вдвоем справимся!

Шкет. Если успею — крикну. (*Исчезает*).

ЗАТЕМНЕНИЕ.

В доме. Колька танцует. Заметив Шкета, выключил магнитофон. Входит Шкет.

Колька. Оружие принес?

Шкет. Дак хана... кранты... уничтожают помаленьку ракеты...

Колька. Средней дальности не надо. Мавзер!

Шкет. Опасно. Кто тебя знает... Коля, притворяешься, а? Мне скажи, по дружбе. Притворяешься, Колька?

Колька. Сейчас за снегом поедem. Навояем снежных баб и я

тебя заставлю всех их целовать.

Шкет. Бабье лобызанье приму. Только какой снег в мае? Яблони вот-вот зацветут.

Колька. Яблони? Какие яблони? (*Запустил в Шкета подушку*)!

Шкет. Ну, точно — сдвиг! Климат ему наш не подходит!

Колька. Хорошо. Ладно. Бери шорты. (*Снял, бросил Шкету*). Держи! Не жалко. Ты хотел иметь их. Носи.

Шкет. Да.. Колька.. ты вроде бы местами нормально соображаешь..

Колька (*вскочил*). Шкет, дуй отсюда! Дуй, говорю! Но если бабам вякнешь — пеняй на себя! Ноги повьдергиваю! Понял? (*Взгляд в окно*). О, идут мои! Обе! Дуэтом! (*Лез*). Предупреждаю: каждое лишнее слово — опасно для жизни!

Шкет. Как в воду! Как в воду!

Заходят Надя и Петровна.

Надя. Ну, признавайся, муженек! Я понять хочу, какая у тебя болезнь! Говори!

Шкет. Ярко выраженный психоз. Встревожен чем-то. Видимо, не на тот космодром сел.

Надя (*Шкету*). Тебя не спрашивают! Советую помолчать! Говори, Колька!

Колька (*радостно*). Это ты, тетка Фрося?

Надя. Нет, это я — твоя жена.

К о л ь к а. У моей жены не такой голос. Мягкий. Светлый. Лирический. Ты, ведьма, старая, ты! И здесь нашла! (*Стучит кулаком по дивану, пускается в истерику*). У-у-у, ведьма старая! Гусеница танковая! Переехать Кольку хочешь! Растоптать! Не дам! Не раздавишь! Я же от тебя на летающей тарелке сбежал! Что, зря деру давал?

Шкет. Спокойно, бабы. Без паники. Обострение. Кризис памяти... ярко выраженный.

Н а д я. Я собью ему этот кризис.

Петровна. Ой, что говорил, Надюша! Вроде как на тарелке к нам прилетел и на огороде приземлился.

Н а д я. Он может! Знаю! Он такой! Вставай, лодырь! Ну!

Колька. Ваши билеты, между прочим, на тарелку проданы.

Н а д я. Ну что ж, оставьте нас. Лечить буду мужа.

Колька. Нет! Нет! И ведьму старую убирайте! Не желаю видеть тетку Фросю! Не могу! Иначе я пушу себя в расход. Это не родственники, которые только потянуть наровят! Шкет, это ты?

Шкет (*охотно сделал шаг к Кольке, вытянулся*). Я! Я, Колька!

Колька. Принеси чего пожевать.

Надя. Мама, накорми его. Последний раз.

К о л ь к а (*озверело кричит*). Не-е-е-ет! Я Шкета просил! Отравить можете! Вы такие! Шкет, выполняй приказ!

Шкет. Дак я сам, Колька, на голодном пайке.

Колька. Жадина! Корки хлеба для Кольки пожалел! А мне, может, гряды... ага... вскапывать надо... в следующей пятилетке...

Надя. Все! Хватит! Достаточно! Выходите!

Шкет и Петровна выходят.

Он Шкета видит, а меня, жену, — нет! Вставай, трутень городской! Я тебя приведу в чувство! Я тебя вылечу! (*Сечет Кольку полотенцем*).

К о л ь к а. Не отгоняй мух, пусть сидят! Я на огороде сел, они — на мен!» У каждого свой космосдром!

Н а д я. Привезла оратого городского на свою шею. Глаза бы мои тебя не видели! (*Села, закрыла лицо ладонями*).

ЗАТЕМНЕНИЕ.

У бревна. Петровна сидит, Шкет ходит.

Шкет. Мне кажется, привести его обратно в городское состояние можно только крепким поцелуем.

Петровна (*встала*). А где его взять, тот крепкий поцелуй? Я стара уже.

Шкет. Надька, что ли, не может?

Петровна. Разлюбила она его, похоже.

Шкет. Ради спасения человека надо! Надо, Петровна! Иди, шепни ей, Наде.

П е т р о в н а. Да ну тебя! Тоже выдумашь. Не будет Надька целовать Кольку! Не будет! Тем более такого...

Шкет. Ну, как знаете! Вам жить с ним под одной крышей. А если вдруг он петуха красного в таком состоянии пустит под ту крышу? А? Таких к ответу не привлекают...

Петровна. Сплюнь, паразит! Сплюнь!

Шкет плюнул.

Боже! И надо же было ей такого жениха найти. Сколько их в городе, а она этого прохиндея выбрала.

Шкет. Когда глаза разбегаются — обязательно на столб напорешься. Ну что, так и будем бездействовать?

Петровна (*вздыхнула*). Аи! Что уже будет — того не миновать.

Шкет (*прислушался*). Не шумят?

Петровна. Тихо.

Шкет. Климат ему наш не подходит, скорее всего. Такое дело. Голова — не камень: там шарики-ролики. И не спрашивай! Кислорода у нас, поговаривают, процент большой — городские сначала бадеют, как от водки, а потом винтами ходят, глаза зеленеют, щеки пухнут...

Петровна. От молока да яиц они пухнут.

Шкет. Это как сказать, как сказать. Кому какая польза от чего, как и вредность.

Петровна. Вот попалась моя Надька! Вот попалась!

Шкет. Не грусти, Петровна. Держись за меня — и все будет лучшим чином, ажур будет. Ты это, Петровна, капли еще... в мою рюмашечку... (*Достал из кармана стакан*). С начатой, а?

Петровна. Чего это я всех должна поить, анальфено твою мать?

Шкет. Не за так, нет! Отблагодарю! Прямо сегодня! У меня мешочек припрятан в сено...

Петровна. Чего?

Шкет. Первосортного комбикорма из второсортной муки. А? Идет?

Петровна (*выдержала паузу*). Придется и в самом деле взять грех на душу — нету чего пороссятам подмешивать. А им давать это можно, что у тебя в сене?

Шкет. Можно, Петровна! (*Достал из кармана огурец и порубил его на кусочки топором*). Сам бы ел, Петровна! Неси! Неси!

Петровна выходит.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

В доме. На табуретке сидит Надя, Колька лежит.

Надя. Вставай! Колька, слышишь?

Колька. Потолок в нашем корабле... в нашем лифторовозе трещину дал. Кап! Кап! Кап-кап-кап-кап-кап-кап!

Надя. Вставай!

Колька. Вот вскопаю все грядки в деревне, посажу на них...

Надя. Ну, что, что ты посадишь на них, хлебороб?

Колька. Найдем что! Я такой грейпфрут выращиваю, который будет на каждом шагу вместо меня кричать: нет - царизму в семье! Нет — мискам и тарелкам без каши! Нет — загрязненному воздуху на земле, где живет его величество Колька!

Надя. Хватит дурачиться! Посмешил людей — достаточно! Бери лопату, иди помогай маме на огороде. Весна же. Упустим время — без огурцов останемся, без редиски, лука..

Колька. Скоро мне пенсию принесут. Куплю вертолет. Вместо тарелки.

Надя. И куда же ты полетишь на том вертолете, интересно?

Колька (*носитя по комнате*). Я не полечу, теточка Фрося! Лопату ему в зубы — копать, негодяй! А летать и дурак может. Даже я.

Надя (*собирает чемодан*). Лети! Куда хочешь! Лети! Вот чемодан! К моему возвращению чтобы аэродром был чист! (*Выходит*).

Появляется Шкет.

Колька. Кто такой будешь? Что за марсианин здесь ползает?

Шкет. Да я это, Шкет!

Колька. А-а, милиционер! Участковый! Привет, Сазура!

Шкет. Какой милиционер? Какой участковый? Кто доверит? Рядовой труженик села! Без погон и власти!

Колька встал, подошел к Шкету, который сидит на табуретке, поставил тому локоть на плечо — да так, что Шкет пригнулся.

Колька. Слушай, Шкет, что твои трусы, майки, шганы в сравнении с революцией, которая происходит в тещином доме? Мелочи. Давай кричи. Кричи. Вроде бы я тебя в расход пускаю.

Шкет. Как?

Колька. Тебя что, никогда не били?

Шкет. Баба только. Но я не кричу, когда она набросится.

К о л ь к а. А сейчас надо. Понял? Каждый твой крик будет работать на меня, как работают сегодня на меня теща и Надя. Давай, давай! Ну!

Шкет кричит — так, вроде бы его режут. Прибегает Петровна. Шкет падает на пол.

Петровна. Убил! Убил соседку дорогого! Слава богу — сейчас, надеюсь, тебя уже наконец-то заберут от нас! Слава богу! *(Перекрестилась).*

К о л ь к а. И так будет с каждым! *(Лег).*

Шкет шевельнулся.

Петровна *(спохватившись)*. Что ж я стою! Воды! Воды! *(Приносит воду, льет на губы Шкету).*

Шкет. Нет! Нет! Нет!

Петровна. Поняла! Я сейчас! *(Выбегает и возвращается с бутылкой. Льет в рот Шкету водку).* Живой! Живой, соседка! Кто тебя так?

Шкет *(привстал)*. Комбикорм.. там! *(И распластался по полу).*

Петровна. Поняла. Поглядим, что за комбикорм. *(Выбегает).*

ЗАТЕМНЕНИЕ.

У бревна. Надя и Петровна разговаривают на расстоянии.

Петровна. Вот что, доча... Хочешь обижайся, хочешь нет, но сказать должна: отвези Кольку туда, где взяла. Натерпелась я. Молчала, молчала, но хватит! Этому человеку не место в нашем доме! Он— чужой! Отвези сама или прикажи ему уехать.

Надя. Мама... мама... я люблю его.

Петровна. Хм! За что можно любить человека, который не уважает меня и не любит тебя?

Надя. Ну, нашло на него... затмение какое-то. С мужиками бывает.

Петровна. Не понимаю. До меня не доходит. Тем более, что у вас ребятишек еще нету. Ничто не связывает, ничто не держит. А потом, когда они пойдут, ребятишки, кто их кормить будет? Кто?

Надя. Мы с Колькой.

Петровна. "Мы с Колькой". Ведро воды еще не принес твой Колька, как и приехал.

Надя. Принесет, принесет, мама. И на грядки бежать будет. Впереди нас. Понимаешь мама, — бежать!

Петровна. Глубоко сомневаюсь!

Надя (*обняла мать*). Не волнуйся, мама. Все будет хорошо. Все наладится, образумится. Вот увидишь. Семью разбить легко — новую сложить потом трудно.

Петровна. Тебе жить, дочка, тебе. Гляди. Но чтобы потом меня не винила. И себя не упрекала.

Надя. Я бороться буду. За Кольку. За семью. Вылечу его, мама. Вот увидишь.

Петровна. Дожить бы мне.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

В доме. Колька ест. Шкет в движении.

Колька. Вкусно! А к Варьке своей ты как прибился? По любви?

Шкет. А что такое любовь?

Колька. Ну, это... как тебе сказать... Любовь она и есть любовь!

Шкет. Да кто ж его знает, как я... Попросился и живу. Приняла, я уже и женился, когда годков мне было — ого!

Колька. Расписался хотя или так живешь, как прикомандированный?

Шкет. А че мне? Живу. Хлеб есть. Сало. Лук. А вообще-то у Варьки спросить надо. Она в сельсовете часто бывает. Спрошу.

Колька. Примак, значит?

Шкет. Он самый. Присос. Присосался — и живу. (*Энергично*) И не спрашивай! Но жить можно. На готовенькое пришел. Дом. Сарай. Телку, правда, привел. Магь дала. Она потом отошла на тот свет, телка. Эх, Коль, время было!

Колька. Неужели?

Шкет. И не спрашивай! Она, Варя-то, и говорит: ложись спать, топгун, это в первый вечер... почему на лавке сидишь... губы развесил? Надо, думаю сам себе, коль в примачи эти подался, такое дело.

Колька (*смеется*). А как же! Наелся — отработывай! Кто ж

тебя при социализме бесплатно кормить будет? Сейчас дурных баб нет. По себе начинаю чувствовать.

Шкет. Оно так. Правильно. Отрабатывай. Дак иди, говорит, спать, почему сидишь... А меня страх взял... Никогда не спал, а тут спать... Не подкачать бы... Потеря я немного, по комнате походил, кота выпустил во двор к девкам, воды хлебнул...

Колька (*удивленно*). Воды?

Шкет. Ага. Для храбрости.

Колька. Согласимся. А дальше?

Шкет. А Варя, стало быть, лежит, как оладья на сковородке... Руки под голову... И это вот неудобно сказать тебе...

Колька. Говори, чего уж. Взрослые — не дети! Хотя дети сейчас...

Шкет. Дак и говорю... что ноги голые ослепили, как фарами от трактора...

Колька смеется.

Было не было, думаю, раз живем... Умирать — так с музыкой... под гармонь... а страх брал... Утром просыпаюсь, а вставать не хочется. И Варьке, вижу, тоже... Я тебе, Колька, скажу по секрету: нет лучше ничего на свете за бабу...

Колька. Америку открыл! Колумб! Подожди, а — вино?

Шкет (*расплылся в улыбке*). Ну это, конечно... не сравнить... Когда же и то вкусно, и это... Эх, отошло-отплыло вино, что б ему! Прижали! Что снизу, что сверху. Может и хорошо? Я же из-за этих пьянок, Колька, и женился поздно. А когда спохватился — годы пролетели, девчат разгребли, а мне только Варьку хлопцы оставили. Тьфу!

Колька. Зато пожил один. Похолостековал. Говорят, ты даже на курорте в девках бывал?

Шкет. Бывал, бывал, Колька. Я на обмане не вырос. Давно было. При Хрущеве.

К о л ь к а. Ох и гульнул, видать?

Шкет. Я?

Колька. Ну!

Шкет. Нет.

К о л ь к а. Не понимаю, зачем тогда люди на тот курорт ездят?

Шкет. Не знаю. Не спрашивал.

Колька. Что, ни одну и не обнял?

Шкет. Сбежал! Деру дал! Было дело! Она, значит, за мной увязалась, а я за дерево спряглся и кричу: кыш, кыш, не подходить близко, а то кричать буду! Марш! Где тот участковый милиционер? Почему не защищает меня от азартных баб? Заразу какую не привез я с того курорта в свои Борки. Был да сплыл! Вспоминай, как звали! Меня голыми руками не возьмешь. Не на того нарвалась! "У меня путевка горит!" — кричит вслед. Пусть горит. А я что — пожарник?

Колька заходится от смеха.

Колька. Ну, рассмешил! Шкет, тебе на сцене выступать надо. В комедиях.

Шкет. Раньше было. Выступал.

К о л ь к а. Неужели? *(Встал, вытер полотенцем рот).*

Шкет. И не спрашивай! В интермедиях. Там роль мне однажды свата досталась. Без слов. Полотенцем расписным меня перетянули, за стол, как водится, усадили. По интермедии я должен был молчать и только пить... воду, знакомое дело. А я самогона бутылочку прихватил с собой вместо воды. Разве ж воды бутылку можно выпить?

Колька. Нет, конечно.

Шкет. И я говорю: нет. Это же не самогон. Врежу стаканчик и молчу. А после третьего заговорил. Расталкиваю всех, кто под ногами болтается, и давай со сцены критику наводить, сыпать ею без разбора и не взирая на лица и должности — кто первым на глаза попадет, того и чихвошу. И председателя, и агронома. Они всегда впереди сидят. И соседям перепало. Получайте! Мне не жалко! Критику на огороде садить не надо! Варьку свою, она меня успокаивать кинулась, уронил на первый ряд, председателю на колени... Не веришь?

К о л ь к а *(в движении)*. Ой, не могу! Держите меня!

Шкет. Были концерты. Участвовали. А сейчас где что? Чуть стемнеет — тихо, по углам все сидят. Собаки, и те лаять ленятся. Захирело все.

Колька. Шкет, одно светлое пятно в деревне — ты! Дай я тебя обниму! *(Обнимает).*

Входит Петровна.

Петровна. А теперь, зятек, разреши мне соседа обнять.
(Шкету). Где мешок?

Шкет. Принес. Видел бог — принес. На огород перебросил.

Петровна. Решил всю бутылку до дна выжлуктить? Так? Нету на огороде! Нету мешка!

Шкет. Я не виноват! Сторожить надо!

Петровна. Было бы что сторожить!

Колька лег.

Ух ты, гад! (Схватила табуретку, замахнулась на Шкета, тот исчезает).

Баламут! Я тебе покажу мешок комбикорму первосортного сорта из второсортной муки... Анальфа на твою мать!

Заходят Надя и Славик.

Надя. Вот здесь ты будешь спать. Если устал, я тебе постелю, отдохни с дороги.

С л а в и к (косит взглядом на Кольку). Спасибо. Рано выехал, устал, конечно. Прилягу. Отдохну.

Надя. Кушать хочешь?

Колька тоже косит глазом на Славика.

С л а в и к. Спрашиваете, студент всегда кушать хочет.,

Надя. Ой, мама! Представить забыла. Познакомьтесь. Это — Славик!

Петровна (вытерла руку о платье, протянула Славiku).
Петровна.

Славик. Очень приятно, Славик.

Надя (ставит рядом с диваном раскладушку). Славик, представься Петровне. Кто такой, зачем приехал. (Выходит).

Славик. Член ОАО "Мечта". Студент. Летом решили подзаработать в деревне, помочь тем, кто имеет нужду, на огородах, заготовить дровишек, сена. Я пока приехал один... в разведку... заключить, если можно так сказать, договора, наметить объем работ, а потом, как только начнутся каникулы, прибудем бригадой. Вот Надежда Степановна..

Надя (из кухни). Зови меня, Славик, просто Надей.

С л а в и к. Хорошо. Понял. Вот Надежда просила остаться на выходные....

Колька шевельнулся.

помочь вам вскопать грядки... приобщиться сразу, так сказать, к общественнополезному труду. Меня это устраивает.

Колька кашлянул.

Надя (*появляется с кувшином молока*). И нас тоже! Хочешь пить?

Славик. Хочу! (*Пьет молоко*). А это... кто? (*Кивает на Кольку*).

Надя. Не обращай внимания. Дядька Федя. Ложись, отдыхай, ты мне нужен со свежими силами. А завтра я тебя проведу на последний автобус, а может и вместе махнем — в понедельник мне надо быть в городе. В гостинице переночую.

Славик. Обижаетесь, Надя. Зачем в гостинице? На гостеприимство надо отвечать тем же.

Колька кашлянул.

Надя. Вот и договорились! Прекрасно! Раздевайся, устраивайся, отдыхай.

Петровна. Хорошо, что приехал, Славик. Нам, бабам, помощь ваша нужна. Тяжело одним, а мужики бутылку просят. Где же ее взять-то теперь?

Надя. Пошли, мама, пошли, не будем Славика мешать.

Петровна. Одежду сложи на табурет.

Славик. Разберемся, Петровна!

Надя и Петровна выходят. Славик разделся, лег.

Колька. Разведчик? (*Взгляд на Славика*).

Славик. Студент. ◇

Колька. И студент, и разведчик. Иди сюда. (*Подводит Славика к дверям*). Озеро видишь?

Славик. Вижу.

Колька. Разведдай, сколько там рыбы, а тогда мне доложишь! (*Выбросил Славика во двор*).

ЗАТЕМНЕНИЕ.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

У брезна. К Шкету подбегает Славик.

Славик. Люди! Помогите! (*Возвращается к дверям, дергает*

их). Эй, мужик! Дядька Федя!

Шкет. Кто это тебя так раздел?

Славик. Он... он что... больной?

Шкет. Колька?

Славик. Ага? Нет... дядька Федя.

Шкет. А, Федя. Ну, ну. Это он перестраивается на нашу деревенскую волну.

Славик. Пусть перестраивается, если хочет. Но ты сходи, дядька, заberi мою одежду. А?

Шкет. Опасно. У него как раз самая перестройка.

Славик. Дак что я — в трусах так и буду?

Шкет. Бегай. Подумают, спортсмен. Хочешь, дегтем номер на майке напишу?

Славик *(нервно ходит вокруг Шкета)*. Да бросьте вы! Я чего сюда приехал? Бегать? Спортом заниматься?

Шкет. А бог тебя знает, чего ты приехал.

Славик. Ра-бо-тать!

Шкет. В трусах и работай. Не так потеть будешь.

Славик. В трусах, в трусах... У меня брючата, между прочим, импортные — две сотни стоят!

Шкет. Кольке чем дороже, тем лучше.

Славик. Дороже... дешевле... Что-то надо делать же!

Шкет. Мне чего? А ты вот в чем поедешь в город? Надя если только юбку свою даст.

Славик. Здесь, понимаете, прямой удар по личности, а вы издеваетесь! Подстрекаете, между прочим!

Шкет. Студент, говоришь? Собаку хорошо изучил?

Славик. Представим.

Шкет. Тогда должен знать. Когда ему кость попадет — никогда не отдаст. Так и Колька.

Славик. Верните меня в город! *(Марширует возле Шкета)*. Домой хочу! К себе! В город!

Появляется Надя. Заметив ее, Славик прячется за Шкета.

Надя. Славик, а ты почему не отдыхаешь?

Славик *(машет руками в сторону Нади)*. Не подходить! Я не по форме! Не надо! Стой там!

Шкет. Он стеснительный.

Славик. Да! представим себе! Никто никому не запрещал

иметь совесть!

Надя. Что случилось?

Славик. Там... там человек чекнутый! Дядька Федя!

Надя. Идем.

Славик. Нет! Нет!

Надя. Идем, идем!

Славик. Ты... вы... ты сама принеси мою одежду.

Надя. Пошли! *(Словила Славика за руку, тянет за собой)*. Ты мне нужен, Славик. Ты мой спаситель. Я на тебя молиться буду. Сам Бог тебя послал.

Славик. Не толкайте меня на преступление! Прошу! Мне доучиться надо! На красный диплом иду! Я за себя не ручаюсь! Я могу потерять над собой контроль и разобрать вашего дядю Федю на запчасти! Не хочу в тюрьму! Я студент! Советский! Одна стипендия на троих!

Надя и Славик исчезают.

Шкет. Ну, Колька! Ну, охламон! И сколько он так продержится, чудак?

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Б доме. Колька, заметив Надю со Славиком, занял свое привычное место на диване, но забыл выключить магнитофон.

Надя. О! Славик, поганцуем!

Славик. Нет, я не хочу. Я категорически против.

Надя. Славик, не узнаю тебя, радость моя! Милый! Любимый! Единственный мой!

Славик. Хорошо, я согласен. Если женщина просит... Только брюки натянуть надо.

Надя. Нет! Так удобнее! Не надо брюки! Поганцуем — и сразу спать.

Славик *(кивает на Кольку)*. Дак... лежит.

Надя. Встанет!

Танцуют. Сколько тебе лет, Славентий?

Славик. Двадцать три.

Надя. Молодчина! Я согласна! Спасибо, что ты живешь на этом свете! Спасибо, что появился как раз в то время, когда мне не хватает мужской поддержки, теплоты, внимания.

Колька часто кашляет, привстал, лег.

Славик *(бросив на Кольку сердитый взгляд)*. Я вообще

человек решительный.

Надя. Это и видно! На лице написано!

Славик. Мне только намекнуть, идею подать.

Надя. Обязательно! И намекнем, и подадим что попросишь!
(Крутит Славика вокруг себя).

Славик. Сама понимаешь, человек я молодой, энергию девать некуда.

Надя. Найдем применение твоей энергии. Хорошо, что ты приехал.

Славик. Ага!

Надя. Годы молодые. Азарт... Настроение... Одни плюсы. Я правильно говорю, Славентий?

Славик. Верно!

Надя. К твоему следующему приезду стол накроем. Все самое лучшее — тебе! Икру красную и черную! Бананы! Осетрину! Попоем. Потанцуем. Закусим. Напьемся, а, Славентий?

Славик. Не пью, правда...

Надя. А кто у нас пьет? Мы так... чисто символически. И сразу бумаги оформим. В сельсовете. И печать круглую с гербом — хлоп! И заживем! И тебе хорошо, и мне. А человек для того и рожден, чтобы другому человеку сделать приятное...

Славик (кивает на Кольку). Надя, а это кто?

Надя. Я же тебе говорила. Ты что, забыл? Федя!

Славик. Родственник?

Надя. Еще не хватало! С ума сойти! Так... здесь одних... знакомых. На курорт уехали, а меня с мамой попросили присмотреть... Одних коров просят подоить, а нас... вот... Поцелуемся, а, Славик?

Славик. Он же не спит.

Надя. Не обращай внимания. При нем все можно делать. Что ребенок грудной — что он. Соски только не просит, а дай и из ортانه вытянешь. Меня за какую-то тетку Фросю принял.

Славик (почти торжественно). Я... я сразу секанул: чекнутьй!

Надя. На все сто! Нет вопросов! Полностью!

Целуются.

Колька (вскочил, побежал к Наде, агрессивно). Ты! На глазах у мужа! Изменять надумала, а?

Надя. Извините, а вам какое дело, с кем я целуюсь, дядя Федя? Ну, чудак! Ты видел такого чудака, Славик?

Славик. Нет, никогда!

Колька. Какая наглость! Как это какое дело? Я тебе муж или нет?

Надя. Славик, милый, не обращай внимания. Он только что говорил, вертолет покупает.

Колька. Надя, предупреждаю! Шуточки твои дорого стоят будут!

Надя. Вы о чем это, дядя Федя?

Колька. Ты моя жена!

Надя. Что-о? *(К Славiku)*. И ты поверить можешь, чтобы я за такого дурака замуж могла пойти?

Славик. Нет! Никогда!

Колька. Кто разрешил целоваться при живом муже?

Надя. Славик, не обращай внимания! Давай еще поцелуемся!

Целуются.

Колька. Ко мне, говорю! *(Старается оторвать жену от Славика, ничего не получается)*. На законное место!

Надя *(оттолкнула Кольку)*. Отойди!

Колька. Ах, так! *(Пинает ногами все, что попадется)*. Не ценишь? Изменяешь? Издеваешься?

Славик *(рванул было к Кольке, но его придержала Надя)*. Гражданин!

Надя. Он скоро сам успокоится. Стой. Не надо.

Колька. Ты, студент прохладной жизни, оставь мою жену! Прочь руки! Тебе что, паспорт показать?

Надя. Славик, держись!

Сцепились, и трудно понять, кто кого и куда тянет.

Надя. Не кусаться! Держись, Славик! Сейчас придет подкрепление!

Славик. Славик держится! Гражданин, не давайте свободу рукам! Закон есть!

Колька. Ногами вперед тебя вынесут из этого дома, разведчик глубокого бурения! Жить осталось тебе ровно три минуты! Прощайся с жизнью! Вспомни родителей и факультет, который тебя, подонка, держит!

Славик. Не оскорблять!

Надя. За Славика я мстить буду всю жизнь, если ты, дядька Федя, на него вздумаешь поднять свою кровавую руку! В Сибирь пойду за Славиком!

Славик *(оказался зажатым между Надей и Колькой)*. Отпустите меня-я-я! Домой хочу!

Надя. Слава, будь мужчиной! Мы победим!

Колька *(снова футболит ногами все, что попадается)*. Уничтожу! Сожгу! По свету пушу!

Славик. Мне пора... Меня ждуг... *(Долго попадает ногой в штанину)*. Пора... Ждуг... Самы тут... Ну вас...

Надя *(зовет)*. Мама! Мама! Неси веревку! Дяде Феде плохо!

Колька. Студент без головы, что телевизор без экрана! Так, ты где? *(Наступает на Славика)*.

Славик *(к удивлению, не шелохнулся)*. Попробуй! Диаматом не возьму — конфу выручит!

Колька. А меня — стол! *(Схватил стол, гоняется за Славиком)*.

Надя. Сюда, мама! Сюда! Быстрее!

Появляется Петровна с веревкой. Славик!

Помогай! Не дадим в обиду!

Петровна. Ну, зятек, сейчас никуда ты от нас не денешься! Докатился! Достучался!

Ловят Кольку.

Колька. Вы... вы сдурели, а?

Надя. Нет, это ты сдурел.

Колька. Какая муха вас укусила?

Славик. Заходи, Надя, с правого фланга!

Надя. Есть!

Петровна. А я по центру!

Славик. Действуйте!

Колька. Остановите цирк!

Надя. Кто сказал, что не поймаем?

Колька. Люди! Люди! Произвол! Помогите!

Колька оказался прижатым к верхней крышке стола, и в этот момент Петровна ловко прихватывает его веревкой. Ей помогают Надя и Славик.

Славик. Приехали! Не шевелиться!

Колька. Сдаюсь! Я нормальный! Я уже нормальный!

Петровна. Не верим! Вязать его, а то вырвется!

Надя. Вяжем, вяжем!

Привязали Кольку к столу.

Славик. Порядок!

Петровна. А то не справимся!

Надя *(тяжело вздохнула, смахнула пот с лица)*.

Отдохнем. А ты, дядя Федя, постой.

Колька. Какой Федя? Где ты его видишь, Федю? Я Колька!

Надя. Знаем, кто ты.

Петровна. И не притворяйся!

Колька *(кричит)*. Шкет! Шкет! Подойди глянь, что они со мной, с Гансом, сделали? С королем! Шкет!

Петровна. Покричи, покричи.

Все выходят.

Колька. Варвары! *(Выдержал паузу)*. Семеныч! Шкет! Друг! Надюша! Петровна, теща моя любимая! Ты лучшая теща из всех тещ в мире! Несите лопату! На грядки хочу! Копать и копать! С утра до вечера! Двести процентов при отличном качестве! Вы слышите, родненькие мои? Да пошутил я! Пошутил! Вы что, шуток не понимаете? Нормальный я!

ЗАТЕМНЕНИЕ.

У бревна. Здесь Надя, Петровна и Славик.

Надя. Спасибо тебе, Славик!

Петровна. И от меня тоже!

Славик. За что?

Надя. Разве ты ничего не понял?

Славик. Вы скажите мне: кто это — Колька или Федя?

Надя и Петровна смеются.

Надя. Нет, он ничего не понял.

Славик. Комедия какая-то... Муж? Действительно — муж?

Петровна. Муж не муж... Пустое место.

Надя. Не надо так, мама. *(Славику)*. Здорово мы его! Шелковым станет!

Славик. Впутали меня в историю...

Надя. Спасибо тебе, Славик. Ты уж извини, что так получилось.

Славик. Да что уж теперь... Нормально... Я, конечно, догадался, что вы мне не совсем привычную роль предложили... Желаю счастья! И, как договорились, на каникулах ждите.

Петровна. Ждем! Без работы, товарищи студенты, не

останетесь.

Надя. Обеспечим фронт работ! Счастливо!

Петровна. Бабы наши ждут вас. И накормим, и напоим.

Прощаются. Надя и Петровна машут вслед Славику.

Ну, и что будем делать с ним, с твоим мужинечком ненаглядным?

Надя. А ничего! *(Обняла Петровну)*. А ты боялась, мама!

Петровна. Погоди... погоди радоваться. Вот развяжем Кольку, тогда увидим — шелковым он стал или каким? Может у него к тому времени иголки вырастут, как у ежа?

Надя *(хитро улыбаясь)*. Не думаю.

Петровна. Горе мне с вами, дети. И без вас плохо, и с вами не радостно...

ЗАТЕМНЕНИЕ.

В доме. Колька стоит, привязанный к столу.

Колька. Я же сказал: иду на грядки! Я же сказал: ничего, кроме сельского хозяйства! Нам, молодым, поднимать его из руин! Петровна! Надюха! Вы слышите? Шкет!

Появляется Шкет.

Шкет. Требовал меня, Колька?

Колька. Требовал. Развязывай. Видишь, в каком я положении?

Шкет. Чему удивляться? Чем-то же должно все это было кончиться.

Колька. Развязывай!

Шкет *(спокойно сел, вытряс песок из обуви)*. Не могу, Коля.

Колька.. Что?

Шкет. Кто тебя привязывал, тот пусть и развязывает.

Колька. Ну, шакал! Вы только поглядите на него!

Шкет *(высоко задрав нос, прошел перед Колькой)*. За унижение моей персоны... предупреждаю! Понял?

К о л ь к а. Ты друг или нет?

Шкет. Друг.

Колька. Чего ж тогда?

Шкет. Покажи справку.

Колька. Какую справку?

Шкет. Что ты нормальный. Что не будешь больше просить принести тебе оружие...

Колька *(нервно)*. Да развязывай же ты, не гони поганку!

Шкет. А теперь... безработный ты. Никто! Нуль без палочки! Что с тебя взять? А у Петровны осталось... Она хотя баба и скупая, но—баба.. Поматерит, покостерит, лекцию прочитает, а в трудную минуту выручит. Женское сердце не камень. А?

К о л ь к а. Ух, предатель! Подожди! Подожди! Будет и на Колькиной улице праздник!

Шкет. Надя с Петровной — люди с кошельками. Уважаю людей с кошельками. А ты?

Колька. Прет из тебя трухой, Шкет!

Шкет. Тебе я даже могу запросто в лицо плюнуть, и ты ничего мне не сделаешь. А кто с кошельком — это я для себя, с позволения сказать, открытие сделал, — тот — человек! С большой буквы!

К о л ь к а. Не модно! Проживи без кошелька!

Шкет. Не получится. Трудно. А у твоих баб рубли растут прямо под окнами. На грядках. Хоть косой коси рубли. Я с ними дружу. Дружу, Колька!

Колька. Вот как ты заплясал! Сволочь!

Шкет. Ну-ну!

Колька. А в город с кем ты поедешь?

Шкет. К лахудрам твоим?

К о л ь к а. Ну!

Шкет. Боюсь. Передумал ехать. Пусть они сами по себе, а я сам по себе. Опять же, опасно, — СПИД.

Колька. Освобождай, говорю! Развязывай!

Шкет. Не выгодно мне. Нет резона.

Колька. Возьми в столе резон на бутылку.

Шкет. С безработных не беру.

К о л ь к а. Ну, марионетка деревенская!

Шкет. Будешь унижать — повалю, как столб. И сяду.

К о л ь к а. Эх, Шкет, Шкет! Кому продался? Бабам?

Шкет *(не сразу)*. Хорошо, освобожу я тебя, Колька. Только не сейчас. Дай мне одно дельце сначала повернуть. У Петровны там осталось... Стой здесь, жди. Я скоро! *(Выходит)*,

Колька *(вслед)*. Гад ты, Шкет!

Появляются Надя и Петровна. Власть, значит, в доме захватили? Меня, значит, мужика, в чучело — и на огород ворон пугать. Так?

Н а д я. А он, мама, идею подал.

Петр овна *(ковыряется в шкафу)*. Какую идею, мне

интересно?

Надя. Насчет власти.

Петровна. В доме, что ли?

Колька. Хоть бы где! Я по складу ума руководитель! Меня даже на грядку посади — я главным вырасту! Командиром!

Петровна. А меня — в отставку?

К о л ь к а. На пенсию. Правильно. По состоянию здоровья. Гуляй, теща!

Петровна. Знаю, догадываюсь, чем все это может кончиться.

Надя. Mam, ты его не так поняла.

Петровна. А как? Зять в моем доме командовать будет? Нет! Это я у него шестеркой должна быть? Не получится!

К о л ь к а. Да развяжите же вы меня!

Петровна. Много хочешь, зятек!

Н а д я. Он про власть, мама! А власть может быть разной. Коля! Коля, ты за какую?

Колька. За... за советскую.

Надя. Вот. Он за нашу власть. Все будем равны в этом доме.

К о л ь к а. Ну! Долой геноцид!

Петровна. Не существует тот, кто живет только для себя.

Колька. Баста, говорю! Все! Будем жить один для другого! Вступаю в ваш союз!

Петровна. Подумать надо.

К о л ь к а. Да сколько же думать можно?!

Заходит Шкет с мешком на спине.

Шкет (*устало опустил мешок на пол*). Принес прямо в дом. Чтобы не говорили потом. Давай, Петровна, остатку. Комбикорм стоит того.

Петровна. Вот, сейчас вижу. (*Пощупала мешок*). Меня не проведешь, сосед!

Шкет. Знаю, знаю.

Петровна. Пошли!

Петровна и Шкет выходят.

Надя. Ну, что мне делать с тобой, Коля?

Колька. Лепи из меня, что хочешь! Ваяй!

Надя. Горе ты мое.

Колька. Любую фигуру! Хоть коня! С хомутом!

Н а д я. Не надо бояться, Колька, ничего. Глазам страшно —

руки делают. *(Развязывает Кольку).*

Заходят Шкет и Петровна. Шкет жует.

Шкет *(подбежал к Кольке)*. Э, Надя, стоп! Минуточку! Я должен! Я! Слово ему дал, что развяжу! *(Помогает Наде).*

Петровна тем временем развязывает мешок.

С освобожденницей, Колька! *(Поцеловал Кольку в лоб).*

Колька молча прошелся по комнате, сделал пробежку: раз-раз-раз!

Колька *(требовательно)*. Где студент?

Надя. Уехал.

Колька. Когда будет?

Шкет. После экзаменов.

Н а д я. А зачем он нам? У нас в доме есть мужчина. Вон пусть помогает одиноким бабкам... Мироновне... Евдокии... Елизавете...

Колька. Так, значит... *(Взял чемодан)*. Он уехал, а мы чем хуже? Оставайтесь живы и здоровы, родные мои теща и жена, а я натерпелся с вашей стороны издевательств самого разного характера.. Покедова! *(Козырнул, выходит).*

Надя. Колька-а-а-а! *(Бросилась вслед, но остановилась у порога).*

Петровна *(зачерпнула из мешка пригоршней "комбикорм", наступает на Шкета)*. Обманул, паразит, и на этот раз! Обманул! Опилки! Древесные! Опилки!

Шкет *(твердо)*. Знать не знаю! Был комбикорм!

Петровна. Бессовестный!

Шкет. Ну, баба! Зять сбежал, а ей одно в голове — комбикорм какой-то. Догоняй зятя!

П е т р о в н а *(засыпала Шкета опилками)*. Ешь, ешь, сосед, чтоб тебя вывернуло! Обманул и на этот раз, паразит!

Шкет *(смахивая с лица опилки)*. Колька, говорю, дернул! Колька! Фу-у! Эх, люди! Эх!... Тут, понимаете, судьба Надюши решается.. Петровна! Догонять зятя!

П е т р о в н а. Ты мне зубы не заговаривай. Зятя ему жалко. Сам притянется. Забирай опилки! Ну, кому сказано?!

Ш к е т *(взвалил на плечо мешок)*. Чудеса кругом! Был же комбикорм! Был! Ей-богу! *(Выходит).*

Петровна. Был, был. Из второсортной муки первого сорта!

Еще и божится. Чтоб ты сам ел, Шкет, всю жизнь опилки. Может, хоть шапку из тебя бобровую пошить можно было бы. *(Подходит к Наде, успокаивает)*. Ну, хватит тебе, хватит... По мужу еще не хватало убиваться. Была бы ценность.

Шкет *(вернулся, с порога)*. Была бы ценность! И надо же так с мужиками обходиться жестоко? Я тебе должен сказать, молодница: сегодня дефицит — хомут, конь и мужик! Из-за границы можно привезти одеженцию разную, тряпье, а мужика — дудки. Какой мужик к нам поедет? Чтобы над ним бабы измывались? Где ты такого дурака найдешь? Была бы ценность. А вот и была бы! Что-то не летят из Парижем и Лондонов, не хватают вас, баб. Нефть, газ, лес... а вас нет! Негры если только. Так что цените и гордитесь! Эх, бабы, бабы, когда вы уже нас уважать станете?

Петровна. За что? За что, Шкет, вас уважать?

Шкет. Что есть мы — вот за что! Нас же и так мало осталось. Вымираем. Как мамонты. Дожили, анальфено вашу мать!

Петровна. Уймись, говорю! Не в своем доме, чтобы учить!

Шкет. Но лекцию мою примите к сведению. *(Выходит)*.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

У бревна. Появляется Шкет, поставил на землю мешок. Подходит Колька.

Шкет. О, с приездом!

К о л ь к а. Да пошел ты!

Шкет. Чего вернулся?

Колька. Так надо!

Шкет. А-а, знаю... Деньжат на билет нет. Тю-тю.

Колька *(показывает бумажник)*. Смотри! Видишь? То-то же! Не всегда у тех, кто не работает, отсутствуют госзнаки.

Шкет. Есть. Вижу. Вижу. Ну и что? А где взял?

Колька. Брось глупости. Поговорить надо. *(Сел)*. Садись и ты.

Шкет *(сел)*. Слушаю. Говори. Интересно.

Колька. Нет хода мне в город, сосед. Нет. Без Нади я не смогу. Полюбил ее. Сколько девчат было, а полюбил Надюху. По-настоящему. Да и в город что-то не тянет... Тошнит от города. Веришь?

Шкет. Верю, Колька. Честно скажу: если бы ты не вернулся, побежал бы на дорогу, не пустил бы тебя. Не пустил бы. Хочешь верь, хочешь нет. Мы мужики или кто? Мы же сами даем причину бабам о нас лишь бы что думать и говорить. Где наша твердость? Дух мужской где? Как что — дверями хлоп! Давай-ка, брат, на себя поглядим. Строго. Кто такие мы? Чем дышим? Что в наших кумполах? *(Постучал по голове)*. А может, и в самом деле — мякина?

Пауза.

Слышь, а? Давай завтра на работу вместе? В бригаду?

Колька *(протянул руку)*. Держи пять!

Встали, пожали руки, сели.

Шкет. Пять принято!

Колька. Будем работать. Хватит, дурака поваляли.

Шкет. Я тоже отдохнул.

К о л ь к а. На доме крышу заменю. Под шифер.

Встали, пожали руки, сели.

Шкет. Помогу. А как же — соседи!

Колька. Баню построю.

Встали, пожали руки, сели.

Шкет. Банька нужна в деревне. Где еще грех смоешь?

Колька. Кроликов разведу.

Шкет. Дак у нее, у Петровны, видагь, только верблюда и нету, одногорбого...

Смеются, толкаются.

Колька. То ее кролики, а это будут мои!

Шкет. А-а-а! Помогу, помогу разбирать за столом. А как же — соседи! Зови.

Колька. Приходи.

Шкет. Обязательно. Ну, где твой чемодан? Давай, давай к Надюхе. *(Взял чемодан)*.

Колька. Не надо. Я сам. Простят или нет?

Шкет. Кто же крышу шиферную сделает? А баню? Простят, Колька. Куда денутся! Мужики теперь в цене. Пучок по рублю. *(Моргнул Кольке)*. Перекрестись и давай топай... Я ключ найду от кладовки и тоже прибуду. Ну, смелее, смелее, Колька!

Колька *(набрал побольше воздуха в легкие, решительно шагнул к дверям)*. Чему быть — того не миновать! — как говорит Петровна.

Шкет. Ни пуха!

Колька. К черту!

Шкет. А все же и в самом деле любят один одного. Любят. Эх! *(Взвалил на плечо мешок, исчезает).*

ЗАТЕМНЕНИЕ.

В доме. На диване сидят Надя и Петровна.

Надя. В техникум буду поступать. На бригадира. Мужиками буду командовать.

Петровна. Одним уже попробовала.

Надя. Я на всех наверстаю упущенное! *(Смеется. Встала).* Будут они у меня по струнке ходить! Вот увидишь, мама!

Петровна. Наши, деревенские парни, трудолюбивые, послушные. Вроде бы ничего.

Надя. Где они, парни те? Клуб с магазином перепутали. Все, решено. Иду к учителю, Сергею Петровичу, беру у него учебники — и с завтрашнего дня начинаю готовиться к экзаменам.

Петровна. Техникум тот в городе?

Надя. Ну, а где же!

Петровна. Гляди, еще там попадетсЯ какой шалопай. Не ездила бы. Живи дома.

Надя. А кем работать? Землю в аренду взять или купить? Смешно.

Петровна. В доярки иди.

Надя. На подменку? Все сидят на своих местах, не подвинутся.

Петровна. А пользы, что учиться поедешь? Кому тот диплом сейчас нужен? Вон их сколько, специалистов, наплодилось! Больше в конторе сидит человек, чем в поле работает. А сколько их еще в ту контору не влезло? Места всем не хватило. Аи! Подумай сначала, надо ли... Будем уже, дочка, жить с тобой. Замуж пойдешь...

Надя. Нет уже! Хватит! Сходила раз!

Петровна. Ну, ну! Не хватит, Надька. Молодое дело. Приспичит — полетишь.

Надя. Мама! Ну, зачем ты?

Петровна. Только больше за городских не вылетай. Городским — город, деревенским — деревня. Каждому свое место на земле.

Надя. Ты не то говоришь, мама. А почему деревенские в городах приживаются? И городские могут. Только не хотят.

Петровна. Сейчас все обленились. Это ж надо Кольке так притвориться! Артист! Вылитый! Так он может и ничего парень, но — артист. Сам Пуговкин.

Надя. Хороший он. Не знаешь ты Кольку, мама.

Петровна. Как это не знаю? Насквозь вижу его. Лодырь! Вернулся, приняла бы?

Надя. Хм! Никогда! Ни за что!

Петровна. Ой, так и поверю!

Надя. Представь себе!

Заходит Колька, виновато опустил голову.

Колька. Можно войти?

Пауза. Зайти... это... можно?

Петровна. Насовсем или забыл что?

Колька *(поднял глаза)*. Насовсем.

Петровна. Надя! К тебе обращаются!

Надя отвернулась.

Колька *(поставил чемодан)*. На работу иду завтра. В колхоз. А сегодня давайте грядки вскопаем?

Надя. Мама, помоги на стол собрать. Ужинать будем.

Петровна. А заодно и праздник отметим. Гряды завтра, милый зятек. Гряды не сбегут. У них ног нету.

Колька. Извините, а какой праздник?

Петровна. Зять вернулся! *(Выходит)*.

Надя. Чемодан убери из-под ног. Под диван засунь.

Колька *(суетливо прячет чемодан)*. Ага! Что еще?

Надя. Помой руки!

Колька. Ага! *(Выбегает)*.

Надя. А я что говорила? *(Улыбается)*.

Колька *(прибежал, показывает руки)*. Порядок! Вот! Чистенькие! Что еще?

Надя. Пока, милый мой, ничего. Садись за стол и жди.

Колька. Ага! *(Сел за стол)*.

Надя выходит, сразу же является Петровна. Она в костюме, через пиджак перекинута лента, на которой большими буквами написано: "ПЯТИТЫСЯЧНИЦА". На пиджаке — орден, медали. В руках — патефон.

Петровна. А вот и мы! *(Ставит на стол патефон,*

накручивает пружину).

Колька (*от удивления привстал*). Анальфено... Тьфу! Простите! Мать честная! Герой! Вы, Петровна — герой! И медали, и орден!

Петровна. Ну, дак кто в доме командировать должен? Будем голосовать или как?

Колька. Вы! Нет, нет, только вы! А это, простите, что за иконостас? (*Показывает взглядом на ленту*).

Петровна. Зятек! Я уже свои медали-ордена заработала. Два чемодана грамот есть. На чердаке лежат. Лента вот ко всему приложение. За лен... За молоко... За мясо... За свеклу... За яйца... За кукурузу... За лапки сосновые... За картофель... За яблоки... За помидоры... За боб... За горох... За сено... Так что бери власть в доме в свои крепкие руки. И веди наш корабль. Сможешь?

Колька. Смогу, Петровна! Оправдаю доверие!

Петровна. Тогда запуская музыку! Теща танцевать хочет! Кадриль!

Колька. Слушаюсь! (*Запустил патефон*).

Петровна. Разреши, зять Николай Иванович!

Колька. С удовольствием!

Танцуют. Входит Надя с тарелками. С мешком на спине появляется Шкет.

Петровна. Ты снова, сосед, с опилками?

Шкет. Нет! Нет! Очень ценный мешок, Петровна. Второй сорт из первосортной муки высшей категории — во! Проверять не надо!

Петровна. Нет, дружок, знаем тебя. Проверим!

Шкет. И когда ты, Петровна, доверяешь людям будешь? На! (*Достал из мешка бутылку*). Посуду мне! На четверых! Кадриль без моего коньяка — не кадриль!

Петровна. А людям это... можно? Нашим? Словянам?

Шкет. Можно! Посуду!

Петровна и Надя ставят на стол рюмки, Шкет наполняет их.

За молодых! За Надю с Николаем!

Выпили.

Петровна. Дай бог...

Шкет. Колька, не вижу поцелуя.

Колька. После первой не целуемся!

Смех. Снова звучит "Кадриль". Все танцуют: Надя с Колькой, Шкет — с Петровной.

Шкет (в зал). Вот такие у нас цветочки-ягодки!

К о л ь к а. А я, как вы поняли, остаюсь на курорте!

ЗАНАВЕС.

www.kamunikat.org

СТАРИК И ДОРОГА

Роман для театра в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Макар — старик, 50 и 85 лет.

Иван — его сын, 25 лет.

Максим

Ганна

Авгинья — покойница, приходит в мечтах Макара.

Лешка — дорожник, 20—25 лет.

Зух — обыкновенный житель деревни, 26 лет.

Мария — красивая девушка.

Прохоров — учитель, 20 лет.

Парень — случайный прохожий, 18—20 лет.

Жмайлик — председатель колхоза, 30 лет.

Милиционер.

Дирижер.

События происходят сразу после войны и в недалекое от нас время. И только на дороге, которая в пьесе является символом жизни, веры, надежды, доброты...

Действие первое

НАШИ ДНИ

Немного в стороне от дороги, где рассыпаны постройки сельчан, появляется военный Дирижер, взмах палочки — и плывет мелодия... И в этот момент на дорогу приходит Макар. Смотрит на небо, приложив к глазам козырьком руку. Пение птиц.

Солнечно. Хорошо!

Макар (*ласково, откровенно*). Здравствуй, дорога. Это я, Макар. Узнала? Постарела и ты, постарела. Я же, радость моя, тебя давно помню... И ты меня... Ходил я по тебе и босиком, и в лаптях, и в сапогах кирзовых. Ага. Ну. На войну меня покликвали... при царе еще... давно-о... вот этим месточком шел — ближе к деревьям сторонился. Их нету сегодня, а тогда были. Высокие. Толстые. Помнишь? Ага. Ну. Назад с войны бежал. Бежа-а-ал. Какая-то сила толкала меня в плечи, подгоняла. А в маленьком сундучке подарки нес Авгинье своей... и Груни, дочке. Думал, опоздаю, не успею. Гм, чудак я, а правда ж — было... И ты помогала мне, в пятки камушками метила: беги, солдат, беги, заскучала по тебе молодая жена... А потом я и в заработки ходил, в бровары... Хватило лиха... всего хватило... Пила, пила ты мои слезы, детко. Немец напал, чтобы ему всю жизнь штаны наизнанку носить. А у меня же сыны были — богатыри. Жалко было мне их на смертушку посылать, а надо, надо... Кто ж меня, Авгинью, Груньку, всех борчан наших защитит? Провел я своих хлопцев с врагом биться, ты же помнишь, а тогда почти каждый день к тебе не терпелось — весточки от них ждал, перехватывал почтальона, не верил ему, когда говорил, что ничего от Михаила и Ваньки нету, сам перетрясал сумку... Не находил, нет, почтальон не врал. А когда был треугольник солдатский — значит, был.

Всех солдат, что с войны возвращались, я встретил. И сына своего. Вот на этом самом местечке, где стою. Здесь встретил. Ага. Ну. Ваню. А Михаила — нет. И сейчас вот не идет. Столько времени прошло, а его нету... Что-то не идет. Не жди, говоришь? Нет, детко мое, нет... Буду ждать. Э-хе-хе! Нагляделась и ты на своем веку всего. Хватило и горечка тебе и счастейка. Тракторок первый сначала, а как же, по тебе прошел, а потом уже на поле порулил... Все они... и тракторки,

и машины... много техники благодаря тебе, голуба, нашли наши Борки...

Наплывает и исчезает крик кур.

Слышишь, гвалт подняли? Не хозяин я стал... Кур только вот и держу подле себя. На кабанчика уже не хватает Макара. А так все в магазин да в магазин. И сахар тама, и селедочку подвезут, и хлебушек — все, благодарить Бога, есть. Здоровья только нету. Да и так живу уже много... Очень много... Всех ровесников своих давно перегнал... Ну, так я пойду? Отпускаешь? Не скучай. Вот управлюсь, отдохну немножко, а тогда снова к тебе вернусь проведать. И тогда мы опять поговорим. И тогда нам с тобой веселее будет. Быстренько я. Ты жди меня, жди, детко...

Снова появляется Дирижер, снова наплывает мелодия.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

У самой дороги, недалеко от Макаровой хаты, сидит на скамейке дед Максим, оперся на киек. Рядом с ним — стол, который заставляют разной нехитрой едой Иван (он в солдатской форме и наградами на груди) и соседка бабка Ганна. Играет патефон. Еду выносят из хаты. Выносят дружно, весело: у людей хорошее настроение — еще один фронтовик вернулся! Деду Максиму скучно сидеть на скамейке, и когда рядом проходит Ганна, он ущипнул ее.

Ганна (*удивленно*). Ой, Максим, ты что это?... Никак совсем обдетинился.

Иван (*весело*). Ты мою соседку не трогай, дед. Ишь, жених!

Максим (*крякнул в усы*). А если ущипну? Ущипнуть — не отщипнуть. Не убавится.

Иван (*на ухо деду*). Ты щипай так, дед, если тебе сильно уже приспичило, чтобы никто не видел. А? Понял?

Максим. Один на один боюсь. Страшно. (*Передернул плечами.*) Убийственно. Сильно уж щипалка у нее габаритная, холера!

Иван (*смеется*). А-а, слабак!

Максим. Признаюсь, признаюсь, Иван. Свое отщипал. Что так, то так. Вы быстрее, быстрее на стол ставьте... да поменьше всякой мелочи... Бутыль, бутыль! Она генерал на столе!

Иван. Будет и твой генерал на столе.

Ганна. Да уж стараемся!

Максим. Эх, и напьюсь же сегодня! За всю войну первый раз наберусь, видагть, как собака блох. А что? А что? Сегодня можно. Причина важная. Не каждый день такие праздники.

Иван приносит графин с самогоном.

Иван. Ну, как вы тут, дед, жили?

Максим. Расскажу, расскажу, Иван. Но немножко попозже. После третьей...

Иван. Тогда за стол!

Максим. Это с радостью. Это я всегда.... (*Подсаживается к столу.*) Во, благодарность Богу, и согрею свои косточки...

Появляется Ганна — на этот раз она принесла и свои тарелки-миски.

(*Ганне*). Поступила команда — за стол!

Ганна. Да ты проспичь!

Максим. Хватит... его самое... меня щипать... А зацепишь — то и я тебя тоже, молодница, зажму... Да крепко-о! Как рак зажму! Всеми клешнями!

Ганна (*смеется*). Ой, рак! Рак-усач! Молчи уже, пень старь! Тебя вон шашель погрыз всего — живая мука сыплется.

Максим. Тьфу.

Иван. Ну, что ты, тетка, на мужика так?

Ганна. А где тут мужик? Это? Одно название.

Максим (*несмело улыбнулся*). Ох и смола же ты, Ганна! Но в молодости гожая была, помню. Ничегая. Глаза горели — как у цыганки. Было-о!

Ганна. Вот тогда надо было и щипать. А ты где был? Где был, пенечек мой старый, спрашиваю?

Максим крякнул, махнул рукой, отвернулся.

Иван. А где же мой отец?

Ганна (*зовет*). Макар! А, Макар!

Максим. Не в ту сторону репродуктор свой повернула...

Ганна. Макар!

Максим. Да не в ту сторону, говорю тебе, кричишь! На дороге будет Макар, где ж ему еще быть, если не там? Выглядывает, видагъ, не идет ли с войны Михаил...

Иван. Там. На дороге. (*Сел*). Подождем. Можно перекурить. Он услышал — скоро будет...

Играет патефон. Все молча сидят за столом. Макар стоит на дороге, разговаривает с Авгиньей. Авгинья стоит перед ним, как живая.

Макар. Вот такие у нас новости, Авгинья.

Авгинья. Я слышала, Макар. Мне земляки все рассказывают, которые ко мне приходят... Все рассказывают...

Макар. Будем жить с Иваном, вдвоем веселее ждать нам Михаила будет... Дожидаемся — пока нету...

Авгинья. Ждите, ждите сыночка нашего родненького... Давно весточки не подавал Миша?

Макар. Давно. Знаешь, а мне сон приснился... перед тем, как Ивану приходи с фронта... вроде бы сад цветет, белым-бело вокруг... глаза режет белизна... и удивительно — сад цветет, в лепестках весь, а среди лепестков яблоки висят... налитые, сочные... я хотел сорвать одно, протянул руку, взял... а оно теплое-теплое, как что-то живое... Нет, не сорвал... не сорвал...

Авгинья. И хорошо, видимо, Макар, что не сорвал яблоко...

Макар. А почему не сорвал — не знаю, не могу сказать, но не сорвал... За стол меня зовут... Пойду... Максим пришел... Ганна... Пойду... Болит у меня, очень болит... вот здесь... под одежкой... что тебя с нами нету — потому болит... Совсем мало ты не дождалась сына с войны... Пойду... За стол... Пусть еще живет наш семейный стол...

Авгинья. Иди, Макар, ты живой... тебе к людям надо... Иди. Ступай. Ступай...

Макар (*оглядываясь*). Ага. Ну. Зовут люди. Зовут.

Макар подходит к столу.

Максим (*нетерпеливо*). Нету? Михаила?

Ганна (*толкнула Максима*). Сиди, язык твой!..

Иван. Отец, ты главный и в этой хате, и за этим столом. Руководи.

Макар наполняет посуду — кружки, стакан...

Максим (*серьезно*). Э-э, мне полнее, граждане! (*Макар добавил старику*.) Вот сейчас самый раз. Под завязочку. Я слово дал — напиться. Вы тут хоть что... хоть лопните, хоть — нет... а я должен нализаться! И — баста!

Ганна. Только не умри, а то где тех досок на гроб сыщешь?

Максим. Досок нету, а гроб есть!

Ганна. Вот как!

Максим. А ты что думала? Найдете на чердаке. Как раз мой размер. Ложился. Немного, правда, лысиной упираюсь, но втисните.

Иван. Живи, дед. Долго живи.

Максим. Мать его пройбу, такую жизнь! Одна радость, что война кончилась... сон этот страшный... беспутный миновал... Да и вот когда кто вернется, как ты, то немножко повеселее. А так!... Пора!...

Ганна. Что — пора? Помирать?

Максим. Выпить, дурница!

Ганна (*улыбаясь*). А-а, так я с радостью. Ну, ну, тише... Макар хочет что-то сказать.

Макар. Ну что ж, земляки-соседи... Спасибо вам, что пришли за наш стол разделить нашу радость... Спасибо... За тебя, Иван, вот и выпьем, что живым и здоровым вернулся... Ждал я этого дня. И стол этот видел. И Максима с Ганной за столом. И очень хорошо, что хоть одно в моей жизни сбылось... С возвращением тебя, сын! (*Обнял Ивана, поцеловал*.) С возвращением!

Максим перекрестился, выпил. Выпили и остальные.
Закусывают.

Максим (*захмелел*). У нас такой, Иван, обычай: солдат не уходит с передовой, пока не отчитается, пока, это самое, не расскажет, где воевал, как... и, известное дело, сколько на войне той баб пощупал. А?

Ганна (*строго*). Макар, ему больше не наполняй! Ни капли!

Максим. После третьей! Ша, Ганнушка, ша! Знай меру!

Иван (*улыбаясь*). Молодчина, дед. Было все на войне.

Макар (*с гордостью*). А то я не воевал, а то я сопатки не мылил супостатам! А то я не знаю! Кто в гражданскую, а?... Тот-то!

Ганна. Ты вот и слова не дашь никому сказать!

Максим. Ущипну-у!

Ганна. А щипай! (*Выбирается из-за стола, подставляет старому задницу.*) Щипай, говорю! На! Бери! Ну-у!

Максим (*машет руками на Ганну*). Иди ты! Окстись! Прицепилась, люди, вы видали ее, а? Смола! Иди ты! Сегодня праздник, важный день сегодня... а ты тут подставляешь... Не до тебя! Кьш!

Смех.

Иван. Хорошо как дома!... И люди свои, и шутки!.. Да и воздух — наш, борчанский. Такого вкусного воздуха, кажется, нигде больше нету. А про войну, дед Максим, я тебе еще успею рассказать... попозже немножко... поостыть надо... успокоиться...

Макар наполняет посуду.

Давайте выпьем за вас, люди. За живых. А потом и за мертвых...

Пьют. Иван завел патефон. Плывет мелодия. И снова, как из облака, что слилось с горизонтом, появляется военный Дирижер... и машет, машет руками... и плывет над мирной землей музыка, душу полнит. Подходит, нахрамывая, Зух.

Зух (*остановился, замер от удивления, широко распростер руки*). Ё-мое! Бляха-муха! Кого... кого я вижу, не сойди я с этого места?! Иван?! Иван, паразит, вернулся-я! (*Схватил, мнет Ивана*). А медалей нахватался — как будто яблок на дереве нарвал! Один за всех! И как это тебе одному их отдали, а?

Максим. На нашей улице все такие.

Мы — не шурмелевцы.

Зух. Да знаю! Подошвы на ходу отрываете. *(Садится за стол).* Хорошо, Иван, что ты вернулся, честное слово — хорошо! Слушай, давай прямо сегодня махнем к девкам в Веть, а? У нас тут — тишина, никого. А там — кишит! Кишит там, Иван! Ты это только в форме... ага... при параде... а я, так и быть, к тебе, пятаку начищенному, примажусь. Дай пять! *(Пожал Ивану руку.)*

Максим. Зух, ты нашего Ивана не трогай, с тропы не своди. А то прилип, вижу, как гусеница к капустному листу.

Зух. А почему это он твой, с какой кстаги? А может мой? А-а? *(Смеется.)* С кем до войны ходили на танцы? А-а! Все деревни освистали. Тебя в наших рядах видно не было-о!

Максим. А на какого хрена, ты вот скажи мне, ему, заслуженному фронтовику, орденоносцу-медалисту, твои девки из какой-то там задрюпанной Вети? Скажи, Иван, этому дураку?

Зух. Слыхали, как обозвал? Ну, погоди, клоп старый!

Иван. Почему же, дед? Девки там как-раз и хорошие.

Максим. Попортились давно. Нету. Мелочь. Ни сисек, ни... Эх!

Зух. Да что он разбирается? Баба Ганна, я правду говорю?

Ганна. Не специалист. Не знаю... не разобралась. С кем и был грех, а с Максимом — нет, никогда.

Зух. Неужто... нет?

Максим. Тьфу!

Ганна. Разок, правда, притиснул меня под стожком... на косовице, так я его соломой накормила... и сегодня, вижу, сыт.

Максим. Хорошо, однако, что хоть дальше дело не зашло, а то бы вся область знала.

Зух. Х-ха-ха-ха-ха-ха-ха-а-а! Во, во! А притворялся! А притворялся! Солома хоть вкусная была, дед? Вкусная? Ты не отворачивайся.

Максим. Цыц мухам-комарам, я сказал! Эх, Ганна, Ганна. Ну, сколько же можно тайны выдавать? Вот.... вот почему вас, едрена вас в корень, на службу в армию не берут... в солдаты... язык длинный!

Ганна. А я не просилась. А если бы попросилась, то и взяли бы.

Максим (*махнул рукой*). Пора, Макар. Пора.

Макар. Налито. Выпивайте. Закусывайте.

Зух. Эх, мать-перемать! Ну, с возвращением тебя, Иван!

Выпили.

Максим. Иван! Ты вот скажи, Ваня, в каких краях бывал?

Иван. Много где. В Польше... В Молдавии служил. В Венгрии пришлось повоевать...

Максим (*Зуху*). Ну, шалапут! А ты в Веть! Да на хрена ему, я говорю, Веть твоя! Видишь, где он мог девок попржимать.

Ганна (*Максиму*). Успокойся ты уже хоть после третьей!

Зух. Как того хотите, а свои девки все равно вкуснейшие.

Максим. Тебе откудава знать? Ты же дальше нашего курятника не бывал?

Иван. Нет, Зух правду говорит.

Максим. Ну, если ты подтверждаешь, то я согласен, согласен. Эх, плохо, что это гражданская война была только у нас, а дальше не расползлась — вот и не могу сравнить, что и где вкуснее.

Ганна. Распустился ты под старость совсем, Максим. А? Что это с тобой?

Максим. Наливай!

Ганна. А фигу! Три было!

Максим. Если хочешь сильно так, то с хлопцами в Веть махну. А чего? И махну! Возьмете, братва? У вас спрашиваю — возьмете?

Ганна. Возьмите уж его хлопцы, возьмите. Он ваших девок не перехватит. Там еще Марфа Гришечкова живет... лет под девяносто ей. Вот и невеста Максиму будет.

Максим. Чего-о? Чем кормить надумала?

Зух. Взять, к примеру, мы деда возьмем, а кто ж его нести будет? Я? Нет, прости-

те — хромаю. Иван? Ну, если только он... (*Заметил патефон.*) Погоди! Погоди, народ святой и грешный! (*Подходит*

к патефону, взял его, рассматривает — все равно как хлеб на ладонях.) Трофей?

Иван. Не совсем чтобы... но и не покупал. Подарок.

Зух (*энергично*). Все! Идем на танцы! Немедленно! И только в Веть. В Веть! В Веть! В Веть! Пошли, Иван! Старикам — стариковское, молодым — молодецкое!

Иван. Да я же еще и дома мало совсем побыл... неудобно. Успеем мы в ту Веть.

Ганна. Сходите, хлопцы, сходите. Правда. Погуляйте.

Максим. Наливай!

Зух. Дом стоял и стоять будет! Ничто так долго не стоит на земле, как дом. Поклыпали. Поклыпали, Иван. А? Держись, Веть! Дрожите, тещи! Прячьте девок! Женихи идут!

Максим. С патихвоном.

Зух. Ага! Правильно! Спасибо, дед, за подсказку. И патефон возьмем.

Макар (*задумчиво*). Сходи, сын, погуляй. Сходи. Наговоримся еще. Впереди вся жизнь...

ЗАТЕМНЕНИЕ.

И снова появляется Дирижер...

На дороге. Макар разговаривает с Авгиньей.

Макар. Сегодня ночью у Максима кабанчика украли из сарая. Сволота, а не люди.

Авгинья. И война, видишь ты их, ничему не научила.

Макар. Не говори, Авгинья. Время такое, когда каждый выжить старается. А как выжить — не совсем знает...

Авгинья. И свой же ум им неставишь.

Макар. Много кто хочет иметь чужой ум в своей голове.

Авгинья. Это так, Макар. Это так.

Макар. Максим плачет по кабанчику, как по человеку плачут. И поймешь его... Одной картошиной сыт не будешь. Все сказал, последний мой поросенок, больше держать не буду, на мой век хватит. Неужели его век заканчивается?

Авгинья. Пусть живет Максим. Ко мне успеет... (*Исчезает.*)

Макар. Вот и ты меня покинула, молодлица. Один стою, как стеблинка в голом поле... на ветру... И каждый согнуть, видать,

будет пробовать меня... *(Всматривается.)* Кто ж это там идет? Не солдат ли? Солдат как будто бы... в форме. Михаил? Нет, это не он. Михаил повыше... Иван идет... кто ж еще!

Появляется Иван. Он в форме милиционера.

Иван *(удивленно)*. Ты что это так на меня смотришь? Не узнал?

Макар. А ествою! Иван! Правда — Иван!

Иван. Поздравь!

Макар. Вроде бы и надо... но с чем мне тебя поздравить? Признавайся, коли так!...

Иван. В капкан попал, батька. С одной войны — на вторую.

Макар. Да начинаю понимать... Вижу, вижу...

Иван. Из военкомата прямо в милицию... прямой наводкой. А там документы посмотрели, распросили, где воевал, как, в каком звании, за что и какие боевые награды имею, и выдали форму. Носи, Иван! Будь участковым! Свою одежду в котомке вот несую... эта, что на мне, в котомку не вмещается, пришлось сразу переодеваться. Погоны же такие, что и на войне были, — сержантские. Только вот не знаю, батя, радоваться мне или что делать, а? В конце концов где-то же надо работать. И в милиции надо...

Макар. Да оно так. Работать надо. Смотри сам. Взрослый. Не мне же носить эту форму.

Иван. Хорошо, пошли обедать.

Макар. Обедать успеется. Тебя Максим спрашивал.

Иван. Случилось что?

Макар. Он сам расскажет...

ЗАТЕМНЕНИЕ.

На дороге. Появляются Максим и Иван. Идут, внимательно присматриваясь к дороге.

Максим. Я, Иван, слепой как крог... Ничего не вижу. Хоть тресни. Отсветили мои глаза свое.

Иван. Следы, главное, дед, имеются. Однако же шины на колесах одинаковые... холера! Но свежие.

Максим. Свежие, говоришь?

Иван. Одна надежда — распросить всех, кто сегодня по дороге ехал в сторону Вети.

Максим. Вот-вот! Голова! Шурупись! Нет, не зря тебя на такую высокую службу возвели.

Иван. Не надо подхалимничать, дед.

Максим (*притворно удивляясь*). Я? Когда? Да ты что, Иван! Я же в войну... ну ты же знаешь, командиру своему и говорю: давай поборемся? Он: давай! И на лопатки его — чик! И порядок! Все смеются, а командиру плакать хочется.

Иван. Заливай, заливай!

Максим. Слезы вот-вот брызнут у него, как капли из тучи. А если бы был подхолимом, то поддался бы. Конечно, уступил бы. Нет, Максим не такой.

Иван. Да знаю, знаю я тебя. Извини. Это я так, чтобы просто сказать что-то.

Максим. Беды той. Ты следы, следы нащупывай.

Иван. Они нас, похоже на то, заведут сильно далеко. Ладно, вот что! Ты оставайся здесь, а я пробегу дальше сам!..

Максим. Вот-вот! Голова-а! Шурупись! Давай, беги!

Иван идет дальше, Максим остается на дороге.

(*Сам себе*). А что, и шурупит. Лишь бы на кого не нагоркнут этакую форму. Там не дураки. Вишь, сразу смикитили, что за человек — наш Иван. Он найдет... Кабанчика — нет, съедят... а бандюг найдет, возьмет за одно место. Вот те крест — найдет! (*Перекрестился*).

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Появляется Дирижер.

НАШИ ДНИ

Дорога. На ней стоит Макар, оперся на посошок. Напыляет гул техники. Голос Жмайлика: «Вы едьте к конторе, я догоню!»

Жмайлик (*появляется перед Макаром*). Ты, видать, Макар, и ночью на дороге стоишь?

Макар. Когда не спится — прихожу и ночью.

Жмайлик. Так тебе, может, тут скамейку поставить?

Макар. За заботу премного благодарен, председатель. Не надо. Человека на дороге должны ноги держать.

Жмайлик. А ты, Степаньч, философ, гляжу!

Макар. Может. Не знаю, кто я. Дед — да и все. Слухай, неужто в наш колхоз пополнение пошло?

Жмайлик *(с гордостью)*. Дорогу, дед, строить будем!

Макар *(удивленно)*. Дорогу?

Жмайлик. Дорогу, дорогу, Макар!

Макар. Дак она вроде бы и есть. Или под соседей задумали?

Жмайлик. Под соседей не под соседей, а чем мы хуже их? Чем? И сделаем! Сделаем, Макар! Хватит машины ломать, Степаньч. Тороплюсь, извини... а то хлопцы мои еще не туда зарулят. Слушай, у тебя я не определяю хоть сколько человек, а? Дорожников?

Макар. Дак это... один я, председатель. Круглый сирота.

Жмайлик. Знаю, что один, поэтому и обратился с просьбой. Что ж я, хлопцев, к Кулешевым или Шурмелевым прикомандирую? Там им самим негде развернуться. Все продумал. И к молодым не получается — мужик приревнует.

Макар. Ага. Ну. Кто ж только приготовит, накормит?

Жмайлик. Накормим! Ты за это не волнуйся. Столовую организуем. Им крыша над головой нужна. Угол.

Макар. Ага. Ну. Если только так, то пушай приходят.

Жмайлик. Спать же, надеюсь, есть хоть на чем?

Макар. Все кровати пустуют. Стоят, как в музее. Пушай приходят.

Жмайлик. Ну, спасибо, спасибо, Макар.

Макар. Только ты... это... непьющих подбери.

Жмайлик. За это не волнуйся. Дождись хлопцев. Держись хаты.

Макар. Куды мне уже? Привязан, как уздечкой пристегнут к ней. К хате да вот

и дороге своей.

Жмайлик. Как раз хлопцам у тебя удобно будет — дорога близко. Ну, я побежал! *(Бросил короткий взгляд на колонну.)* Смотри ты на них — встали, черти! Как слепых котят все равно водить надо!

Макар (*Жмайлику*). Погоди еще минутку, председатель.

Жмайлик. Слушаю, дед. Слушаю, слушаю! Говори! Нету времени, Макар!

Макар. Асфальт — это хорошо. Ага. Ну. Мы, борчане, тоже давно уже в лаптях не форсим. Правдагь-ки.

Жмайлик (*поторапливая*). По существу, по существу давай!

Макар (*вроде и не слышит*). Ты хоть и новый человек у нас, а на свои глаза видишь. Только боюсь я, что дорога эта много беды наделает.

Жмайлик (*удивленно, но заинтересованно*). Вот так! Что-то я тебя не понимаю.

Макар. Посмотри на окна — через хагу, считай что, забиты крест-накрест досками. Некому жить в тех хагах. И остальные, боюсь, дернут в город.

Жмайлик. А дорога тут при чем?

Макар. Как же... Почему же не бежать по асфальту? Только беги. Только драпай.

Жмайлик (*смеется*). Поживем — увидим! (*Исчезает*).

Макар. Ну, ну... Поживи. Увидь. Хорошо было бы, чтобы я ошибся. (*Дороге.*) Это сразу же после войны, Иван мой тогда участковым работал... ты слушаешь меня, дорога? Тоже налетела стая каких-то шелудивцев. На легковике были сами, а кони — наши, колхозные... Кости собирали в поле, где бой был... и могилы, что в лесу были, потрошили... при дорогах... и в село свозили... братскую могилу сооружали... Могилы еще не было — делали могилу... из костей... А там кости же и конские попадались — их отличишь от человеческих, слепой только не отличит. И в одну кучу все кости... «Какая вам разница? Что мы тут вам кости эти сортировать будем? Еще чего! Закапывайте!» — закомандовали, вишь ты, нам. Сортировали. Как же так — с человеческими и конские вместе. У нас вон в Борках могилы разные — и для людей, и для скотины... В братской могиле должны быть солдаты... братья по оружию. Хотя и кони не виноваты, что их человек под пули спровадил... что убил человек, изничтожил, изжил с этого света. Над этими залетными, я ж говорю, глаз да глаз нужен... а то и дорогу состряпают курам на смех...

Подходит Лешка.

Лешка (*весело*). Ты кому, дед, лекцию читаешь?

Макар. Подружке своей. Дороге.

Лешка. Иди ты! А что, она слушать умеет?

Макар. Кого как. Меня слушает.

Лешка. Нет, здесь что-то не так. Макар? Макар, спрашиваю, вы?

Макар. Макар.

Лешка. Тогда правильно. (*Пожал старику руку.*) Держи пять! Лешка! Квартирант. Интересно, а по ночам ты, дед, по потолку не ходишь?

Макар. Нет, внучек. По дороге только.

Лешка. А то еще ночью на арбуз мой наступишь.

Макар. Квартирант, значит?

Лешка. Ну! Будем жить, как говорится, под одной крышей! Закуривай, дед! (*Протянул папиросу.*)

Макар. Спасибо, я эту отраву не ем.

Лешка. И не пьешь, видагъ?

Макар. Нет. Ни то, ни другое. Жизнь красивая. Пожить хочется.

Лешка. Держи пять! (*Пожал старику руку.*) И я не пью. Поэтому к тебе и прикомандировали. Председатель, как в армии, построил нас и спрашивает: «Кто не пьет — шаг вперед!» Один я шагнул. Выиграл или проиграл — там посмотрим. Слушай, дед, а ешь ты хоть или нет? Или воздухом?

Макар. Ем. Это делаю. Все ем, что господь Бог пошлет.

Лешка. Интересная ты личность, дед Макар. Паспорт хоть имеется?

Макар. Нету, нету. Справка есть. С печатью. Когда паспорта выписывали, мне тогда уже много лет было. Не выписали, пожалели бумаги, видагъ. А я вот тридцать лет еще живу. Без паспорта, а живу.

Лешка. Вот и поговори с тобой. Послушай, ты, видагъ, и паровоза не видел?

Макар. Почему же? В ту, первую войну, на вагоне ехал. С ветерком.

Лешка (*смеется*). Ну, дед! Ну, даешь! А вот самолета — факт, не видел!

Макар. Летают же они над самой макушкой. Как же — видел.

Лешка. Отлетались! Больше не будут — Россия забрала. В салоне сидел?

Макар. Не сидел. Честно жил. С мозоля. За что ж садить было?

Лешка. Э-э, отстал ты, вижу, совсем от жизни.

Макар. Как это отстал? Почему же? Она, жизнь, за мной идет. Позади. Я веду ее. Я!

Лешка. Веди и меня. В дом. Показывай гнездо. На дороге же спать не буду. А завтра — за работу. Перевернем мы, дед, твою дорогу!

Макар. На городское лицо, значит, будет дорога?

Лешка. Будет! Как я скажу — так и будет, дед! Непременно! Мы воду в ступе не толчем! Толкач дома забыли! Нам детей тоже кормить надо!

Макар. Помолодеет, значит, дорога. Что ж, ей жить еще долго... Ей жить.

Лешка. Председатель у вас — хозяин. Сразу видать. Прежнего давно бы пора было турнуть. За кого вы, дед, на собраниях там разных руки поднимали? Хотя ты и не виноват — без паспорта. Ну! Что он у вас здесь после себя оставил? Дети, заметил, у вас на одно лицо. Не его работа?

Макар улыбнулся.

Окна заколоченные оставил? Дак это я вижу. А еще? Даже дорогу не смог сделать. Лодырь! Нет, ты вот подумай только, дед, сам не больше других гонял по дороге, а ленился. Конечно, не своя же машина. Поздно глаза протерли. Соседи вон туалеты в хатах имеют. А теперь вот нового председателя, Жмайлика, возьми. Зеленый, я тут не протестую, а разворотливый, холера. Хваткий. Клещ. Не успел стол обжить в кабинете, а уже за дорогу взялся. Хозяин, я же и говорю! Ну, потопали, потопали, дед. Веди меня.

Макар. А чего мне тебя вести? Куда? Вон хага. Вон порог. Перешагивай — и живи. Какую кровать выберешь, на ту и ложись. Я на печи сплю.

Лешка. Рекса нету?

Макар. Кого?

Лешка. Шарика? Собаки?

Макар. Если ты хороший человек, он тебя не тронет.

Лешка. Ну, даешь! У меня что — на лбу написано, какой я? За ногу хватит — и капут штанам!

Макар. Он грамотный у меня. Разбирается в людях. Иди. Не бойся.

Лешка. Ладно, пойду. Но если что... Ты меня понял, дед? Если что — откушу твоему собаке ухо. Он Лешку запомнит на всю оставшуюся жизнь.

Макар. Ступай, ступай. Тебя пропустит. Ты пролезешь и в ушко иголки — самой маленькой.

Лешка (*перекрестился*). Ну, с Богом! (*Ушел*).

Макар. Хороший был Жук у меня. Умный. Застрелили. Кому-то мешал. На шапку, говорят. (*Выдержав паузу*). И хорошо, дорога, что тебя украсить решили, и душа болит — к такой, какая ты есть, привык. Но, прости, здесь я тебе ничем помочь не могу. Такая моя власть. А может и лучше тебе будет? Слышишь? Может, и лучше?

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Появляется Дирижер...

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

На дороге. Появляются Иван и Зух. Зух нетрезв.

Иван. Говори побыстрее, нету времени! Слушаю!

Зух. Начальником стал — так что, и времени сразу нету? Так все, когда взобьются на бугор, отвечают. Знакомое дело. Или, может, я ошибаюсь? А может... так сказать — врежем? Хряпнем? У меня есть. Мутноватая, но градус имеет не лишь бы какой. А? (*Показывает бутылку с самогоном.*) Как смотришь?

Иван (*о своем*). Хорошо! Постой вот здесь, на дороге. Подумай, что ты хотел сказать. Бывай. Вспомнишь — позовешь.

Зух (*придержал Ивана за рукав*). Погоди, Иван.

Иван. Я жду, как видишь.

Зух. Иван, лихо на тебя, ну зачем тебе патефон? Ты же при форме, в люди выбился, к девкам, значит — я так понимаю — ходить тебе нельзя-я-я! Тем более со мной. Да девки к тебе и без музыки липнут, как мухи на мед. Отдай. Нет, лучше продай. Продай! Денег, правда, у меня пшик... нету. Но чем-нибудь заплачу.

Иван. Чем, Митя? Чем ты заплатишь? Штаны последние продашь?

Зух. А и продам! Да за такую штукенцию, едрена шиш, и штанов не жалко. Готов в кальсонах на танцы бегать.

Иван. Бегай лучше в штанах. А патефон забирай. Если тебе он так сильно нужен — бери. Пользуйся. Веселись.

Зух. Да я не сам... Я людей — понимаешь? — людей после всей этой заварухи хочу повеселить... чтобы хоть немножко забылись они на то, что было.

Иван. Ну, я же сказал: забирай, Митя, патефон, веселись сам и весели других.

Зух (*радостно*). Вот это по-нашему! Вот это подход к жизненной проблеме! Хвалю! Держи пять! (*Подал ладонь Ивану.*) Сегодня же забираю, пока не передумал! Сегодня же!

Иван. Так что, запрещаешь мне ходить на танцы?

Зух. Пока — да. Воздержись. Сам понимаешь: тебе идти на круг сегодня как-то... не с руки. А я... А чего мне? Мне — можно! Накрутил пружину — и давай шевелить народ. И расшевелю, Ваня! Ванюха, я тебе, так и быть, за эту музыку найду того гада... или может даже всех гадов сразу... которые, мягко говоря, прихватили-стырили у Максима кабанчика. Держи пять! Помогу! (*Пожал ладонь Ивану.*) Ну, сегодня немножко выпил... Однако же Зухом меня не зря прозвали. А?

Иван. Ты музыку играй. Я сам разберусь.

Зух. Не-е-ет, ты пока шишка малая. Без меня — ноль. Нулек ты без меня, Ваня!

Иван. Там поглядим.

Зух. Смотри, смотри. Дай пять! *(Пожал ладонь.)* За патефон та гнида, тот клоп будет ползать перед твоими ногами. Веришь? Вижу, нет. А ты верь! Мне, Зуху, верь!

Иван. Ну что же, спасибо и тебе на добром слове, как говорится. Отказываться от твоей помощи и в самом деле не умно. Без вас, без простых людей, кто мы, милиция, такие?

Зух. Говно!

Иван. Помогай, я не против, чтобы не быть тем, чем ты назвал.

Зух. Вот-вот! Думать надо! Дай пять! *(Подал ладонь.)*

Иван. Да хватит тебе мою руку лапаты, а?!

Зух. Не убавится, Иван! Неужели ты меня, Зуха, не знаешь? Да я... Да я... бляха-муха буду... если не сделаю все для друга. Все-е! Видишь, хромак? Хромаю, хромаю, Ваня. А ты с войны вернулся и даже не поинтересовался — почему это я, Митька Зух, хромаю?

Иван. Нет, не поинтересовался. А знаешь — почему?

Зух. Не-а. А хочется.

Иван. Привык, что меня люди окружали и без ног, и без рук, и без глаз... Привык, Митя. Прости. И на тебя как-то не обратил внимания — вроде бы ты оттуда, с войны... А в самом деле интересно, что с тобой?

Зух. Ваня, слушай. Слушай, Ваня. Макарович, меня же на войну почему не взяли?

Иван. И этого я не знаю.

Зух. Я и сам... не знаю. Да-да! Хотя погоди! Говорят, документы на меня потеряли... пока то да се...

Иван. И война кончилась?

Зух. Почти что так. Почти что так.

Иван. Чудак! Ну, пошел бы сам в военкомат, попросился бы на фронт.

Зух. А зачем? К чему такая лихость? Х-хы, дурака, вижу, нашел. Не берут — значит, я им так нужен. Да и пусть документы не теряют. Буду я перед ими шапку ломать!

Иван *(строго-поучительно)*. А если надо! А если надо и шапку!

Зух. Да пошел ты!... Гремишь тут!... Сам же знаешь, характер у меня такой — никогда вперед бытگی в пекло не соваться.

Иван. Ты только в ту сторону лезешь, где Веть. А под пули — нет, тебя не видно. Так?

Зух. Вроде бы. Прости, жизнь, что такого уroda произвела!

Иван. Землячек у меня, вижу!

Зух. Арестовывай! Ты — мент! Давай!

Бери! Сгребай!

Иван. Эх, Зух ты Зух! Трудно мне разговаривать с тобой... с человеком, который не повидал того, что пришлось повидагь мне... А на мое место многих можно поставить.

Зух. Дак и не будем разговаривагь. Не будем и забудем.

Иван. Где же тебя хоть ранило?

Зух. Не скажу. Тебе не скажу. Так что, патефон не отдаешь?

Иван молча выносит патефон, Зух берет, сдувает с него пыль, протирает рукавом.

(Светится в улыбке.) Ванька-а! Ванька-а, падлюка! Зачем душу на части разрываешь? Я же хотел воевать... Я же хотел... А не взяли... Ну-у! А потом куда мне, хромому? На какой фронт? Только, если, на бабский, а?

Иван. Хромаешь почему?

Зух. Бой был... Бой...

Иван. Все же воевал? Притворялся?

Зух. Дак... г-гы-ы... дак... смотрел... из блиндажа... Нет, не из блиндажа... оговорился... прости... выходил из блиндажа... взбирался на лицу и смотрел... наших... как косой... Немец в Жукове... а наши на подоле... как вот на ладошке... он и начал строчить, немец... и всех положил... А наши лезли, напирали, падали, землю, окоянную, зубами грызли... пробовали даже «ура» крикнуть... и захлипались... кровью... не было кому уже кричать может через каких десять минут... А потом тихо стало... ти-хо... Немец сделал свое и свалил... Солдат же хоронить надо... Отец твой, Максим, я и еще несколько баб яму выкопали... и начали всех сносить... хоронить же надо... свои

же... И тут мне приглянулись новенькие сапоги... только я хотел снять с ноги... не босому же ходить... а им зачем на том свете, подумал, сапоги... а командир оклемался... его ранило только... я за сапог и тяну с ноги... а он из пистолета мне по ноге... чтобы не было на что тот сапог натягивать... Вот так... Чуть совсем было без ноги не остался... хорошо, что еще не отрезали... А хотели оттюкать... Не дал... Так я и отвоевался...

Иван. Крути патефон. А самогон больше не пей. Зап-ре-ще-но-о!

Зух. А что сам пьешь?

Иван. Ни-че-го!

Зух. А когда с войны прибыл, мы что пили? Забыл?

Иван (*схватил Зуха за ворот*). Гад ты все же, Митя! Гад!

Зух. Патефон... патефон разобьем... Меня бей, а его — нет!...

Иван. Зап-ре-ще-но-о!

Зух. Понял. Полностью. Держи пять!

Иван. Да пошел ты!

Зух. Понял. Иду. Я пошел. Меня нету! (*Исчезает*).

Иван (*вслед Зуху*). Да возвращайся же!... Не надолго сходи!...

ЗАТЕМНЕНИЕ.

У стола. На скамейке сидит Максим. Подходит Макар.

Макар. Ну, как живешь, Максим? (*Садится рядом.*)

Максим. Умер Максим — и хрен с ним! (*Вздохнул.*)
Проститься пришел с тобой, Макар.

Макар. Едешь куда?

Максим (*серьезно*). На тот свет.

Макар. Не дури, дед. Не дури.

Максим. Правда, правда, Макар. Уже собрался. Да здесь и ехать... что здесь ехать? Вон и кладбище... А зачем жить? Свое на этой земле взял, молодым надо дорогу уступать... пусть они сейчас земельку топчут...

Макар. Неужто это ты правду говоришь?

Максим. Истинный крест. А какой, скажи, я житель? Каждый обидеть может... пальцем тронуть... Подсвинки же не у

одного меня, а, вишь, ко мне залезли в сараюшку... Значит, списали Максима... Нету Максима...

Макар. Да не бери ты это, дядька, близко к сердцу. Зарубцуется рана, заживет.

Максим. И не беру, а берется.

Макар. Держись. Не то пережили.

Максим (*непреклонно*). Завтра помирать буду.

Макар. Да брось ты в конце концов! Заладил!

Максим. Не успел я только Петьке на могилке крест поставить... дубовый... чтобы стоял долго... Ты уж, Макар, выручь меня... Кто ж знал, что у Петьки такая не обязательная смерть будет... Я во всем виноват... Я виноват... Да и не виноват вроде был... своего же солдата подобрал... своего же... а сыном рассчитался. Эх, жизнь-житуха! И дырявая, и сытая... да всякая!

Появляется Ганна.

Ганна. Это пошто вы тут порасседались? Пошто это вы тут головы повесили, как помирать собрались?

Пауза.

Макар. Спроси вот у дядьки.

Ганна. Максим!

Максим. Завтра помирать буду.

Макар. Вот.

Ганна. А почему не сегодня?

Максим. Бог каждому день назначает. Мне на завтрашний день выписал отходную. А вместе всем не получается. Очередь образуется. Ишь, захотели! Дождитесь своего часу, не лезьте вперед.

Ганна. А кто тебе про это сказал, что завтра?..

Максим. Бог и сказал.

Ганна (*не принимая всерьез слова Максима*). Помирай побыстрее — закопаем!

Максим. Так и помираю...

Ганна. А кто же меня ущипнет?

Максим. Подбери кого попроворнее.

Ганна. Максим! (*Макару*). Это он шутит или вправду говорит?

Макар. Видишь же — трезвый...

Ганна (*вдруг бросилась к Максиму, обняла, зацеловала*). А мой же ты родненький! А мой же ты добренький! Дай я тебя хоть разок поцелую! Я же тебя ищу... давно ищу... а ты вот где, на Макаровой дороге... я же, Максимочка, хотела уже сегодня тебе сказать: переходи ко мне жить, сиротинушка ты моя.

Максим. Все полезные слова надобно говорить в нужное время.

Ганна. И кормила бы, и обмывала бы... тяжело тебе одному... а ты помираешь...

Максим. Помираю, баба, помираю. Опоздала.

Ганна. И почему ты не сказал раньше, что собрался в дальнюю дороженьку? Пожили бы хоть немножко...

Максим. Раньше я и сам не знал... Ночью услышал голос: собирайся, Максим, завтра в дорогу. Впереди моя дорога...

Ганна. Собрался хоть?

Максим. Гроб с чердака спустил, чтобы вам не взбираться, только ты меня, Ганна, не мой... Макар пусть... Я даже перед своей никогда голышем не показывался... как и она передо мной... стеснялась...

Ганна (*тихо запела*). «А на лугу калина весь свет закрасила. Чего, девонька, невеселая, не мама ли была? Меня мама не была, я сама заскучала, что не дал Бог, кого я любила!..».

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Сумерки. С патефоном на вытянутых руках осторожно, как-то очень торжественно идет Зух, за ним — Мария. На диске патефона крутится пластинка... Зух, как самую большую ценность, ставит патефон на землю.

Зух. Вот это музыка-а-а! Скажи, Машка?

Мария (*игриво*). Ага.

Зух. В город мне бы выбратъся — новых пластинок подкупить. Поехали?

Мария. Не-а.

Зух. Почему ж?

Мария. А не хочется.

Зух. А мне, Машка, всегда хочется... ага... Ты правильно икнула. Всегда... *(Хотел обнять девушку.)* Давай, а? Я же давно тебя люблю!

Мария. Обманываешь. Вчера ты любил Верку, а сегодня почему-то меня.

Зух. Да ты просто лучшая. Сразу не разобрался.

Мария. А ты разберись до конца, а тогда признавайся в любви. А то, чего доброго, тебе лучшей может еще кто показаться.

Зух. Я тебя люблю, Мария. Давай, а?

Мария. Что — давай?

Зух. Ну, это... как и все... ты что — не понимаешь?

Мария. Не-а.

Зух. Фу-у, дура! Я же тебя... люблю! Как мужик бабу! *(Обнял Марию, добивается ее, но девушка отчаянно сопротивляется.)* Хочешь, хочешь, а, я тебе патефон на всю неделю отдам... Патефон... с пластинкой... Будешь музыку слушать...

Мария. Отпусти, сказала! Мама-а-а-а!

Зух *(испуганно)*. Ты что? Ты что? Ты чего? «Мама-а». Тьфу! Эх, вековуха! Так и будешь одна костями кляцать... Тьфу!

Мария. У тебя не спросилась! А может, мне одной и лучше? Много радости жить с таким чертом, как ты. Первый раз провел — и уже... давай.

Зух. Потому я и Зух. Люди прозвали. А они редко ошибаются. Как прилепят кликуху — лучше не придумаешь. Так что, и разойдемся без ничего?

Мария. А мы и не сходились.

Зух *(берет на руки патефон, накручивает пружину, играет музыка)*. Слушай! Слушайте все! Может, еще и ты, Машка, полюбишь Зуха! А то я не найду себе ухажерку! Подумаешь! Да они будут идти за мной строем. Я впереди с патефоном, а они — за мной! Строем! Из Вети! Из Зеленого Угла! Из Бахани! Из самой столицы! И попробуй тогда

втиснуться в тот строй, Мария. Поздно будет. Поздно-о! Но ходу назад нету! Зух назад не ползает! Не ползает! Не ползает!

Мария. Ой, так уже за тобой и побегут, хвастунишка! Еще бы за Иваном Макаровым... А за тобой! *(Безнадежно махнула рукой.)*

Зух. Иван, конечно, при параде. Но он один, а вас — мультон. И еще с горкой. В базарный день. Давай, Машка, а?

Мария. Что тебе давать? Ты чего прицепился?

Зух. Слушай команду! Раз, два, три — пошли!

Зух и Мария идут по дороге. Зух несет на вытянутых руках патефон. Идут долго. Перед ними появляется Прохоров.

Прохоров *(тихо)*. Добрый вечер.

Зух. Становись, пошли.

Мария. Добрый!

Прохоров. А куда... пошли?

Зух. По дороге. Дорога куда-нибудь выведет.

Мария. Давайте с нами!

Зух. Прицепляйся!

Прохоров. Я, простите, пришел... ка-жется.

Зух. Земля круглая. Идти можно бесконечно. *(Вдруг останавливается)*. Подожди...-ка, где это я тебя видал? Это не ты, случайно, тот офицер, который подстрелил меня за сапоги?

Прохоров. Я офицером никогда не был.

Зух. Тогда тебе повезло. А хотелось бы мне с ним встретиться! Еще как хотелось бы!

Прохоров. И я тебя где-то видел. Знакомое лицо. А-а, вспомнил. Это же ты... с дружкой... в нашем селе продавал сало?

Мария взвизгнула от услышанного и быстренько исчезла.

Зух. Какое сало? *(Испуганно водит по сторонам головой)*. Ты чего бухтишь, босяк? Ты пошто? Я тебя первый раз вижу и последний, надеюсь. В твоём захолустье и отродясь не бывал. А? Понял?

Прохоров. Может, и ошибся. Хоть память зрительная у меня вроде бы неплохая.

Зух. Придержи свою память при себе. «Сало». Да я сало сам всю войну не нюхал, не только что... Ясно? Кто такой будешь? Куда масла прешь?

Прохоров. К вам иду, в Борки. Учителем назначили.

Зух. Учителем? А кого здесь учить?

Прохоров. Детишек.

Зух (*смеется*). Детишек? Уморил! Их сначала наделать надо. А с кем здесь наделаешь?

Появляется Ганна.

Во! Одна появилась!

Ганна. Не врал... не обманывал... И правда — помер, помер Максим... Люди! Люди-и! Максим отошел... помер... ага... как и говорил — помер...

ЗАТЕМНЕНИЕ.

На горизонте появляется Дирижер...

Действие второе

НАШИ ДНИ

Появляется Дирижер, плывет мелодия...

Макар. Ну, как ты поживаешь тут, дорога? Хорошо, говоришь. Новостей никаких нету? Нету. И у меня тоже. Никто не ехал, говоришь, никто не шел. Таковы, значит, дела. Ну, ну. Там вон, в центре деревни, слышь-ка, тебя одевать начали в асфальт... Оденут! Хлопцы шустрые, пальцы в рот не ложи — откусят. С техникой. Слышишь, урчит?

Наплывает и исчезает гул бульдозеров.

Они, они стараются. Да и лихо с ними. С хлопцами. Пусть. Лишь бы делом были заняты, и то, смотришь, польза. Пойду я, по хозяйству попорюсь...

Появляется Лешка. Он не в лучшем настроении.

Лешка. Все стоишь, дед?

Макар. Ага. Ну, стою, брат Лешка.

Лешка. Ну, и стой! А я пойду спать. Дрыхнуть пойду я. Да ну их, работничков! Аванс дали... Слышишь, бульдозер тархтит? Слышишь. Водку пьют, а по очереди газуют — имитируют, черти, работу. Как, а? Ловкачи!

Макар. Ловкачи, так ловкачи. Это же надо додумать?

Лешка. Да на такие шутки у них котелок варит. Во, слушай, слушай... Выпивают. Эскаватор молчит. Заметь: молчит. А это газует Колька Буряк. Его, его работа. Знакомый почерк. Короткой ногой газует, снова выпивают. Сейчас на газ давит Сергей Карапуз. Он, он! Остальные закусывают. А кого, а кого, дед, они обхитрить хотят? Себя! Себя — и только! Не дорогу же! Дорогу не обхитришь.

Макар. Дорогу — нет.

Лешка. Факт! Нам же, Степаныч, не за холостые обороты будут платить, а за уложенный асфальт. А они, дураки, газуют. Тьфу! (*Вдруг*). Послушай, дед, а давай я своим ковшом во дворе... прямо перед порогом колодец вырою. Хочешь? Нет, ты хочешь?

Макар. Подумать надо. Не из бухты барахты ведь...

Лешка. Думай лучше! Думай лучше! А? Как в том анекдоте. Мужики решили бросить пить, завязать, а бутылку купили. Что же делать? Один берет бутылку, прячет за спину: «Угадаешь, в какой руке, говорит, тогда выпьем, а нет — значит, нет. В какой? — «В правой». — «Думай лучше, думай лучше». Так и ты, дед. Вырою колодец я тебе перед порогом, и будешь хвост держать ты пистолетом!

Макар. Да мой хвост уже пистолетом не поддержишь, хоть его и золотом усыпь.

Лешка. Будешь, будешь держать! Лешка говорит! Держи пять! (*Пожал старику руку.*)

Макар. Колодец — это хорошо. Только зачем он мне?

Лешка. Думай, Степаныч, думай! (*Исчезает.*)

Макар. Вот я и думаю, Лешка: нужен мне колодец или нет? Пить воду Макару осталось совсем ничего. Мало осталось пить. А колодец, говоришь, давай рыть... обнадежим воду, что она кому-то пригодится... А она возьмет и не пригодится, вода... так и зацветет в колодце... соседей близко-то нету. Э, нет. Вода для того, чтобы пить, чтобы использовать. А когда мне уже пить-то ее, воду ту?

ЗАТЕМНЕНИЕ.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

На дороге Иван с Зухом.

Иван (*строго*). Все собрал? Вещи, спрашиваю, все взял?

Зух. Да пошел ты!...

Иван. Присядем перед дорогой.

Сели на дорогу.

Пошли.

Зух. Пошли. Только кто нас ждет где?

Встали.

Иван. Тебя ожидают.

В движении.

Зух (*раздражительно*). А ты подумал, что не до меня сейчас власти! Войну расхлебать надобно! Войну-у! А ты к салу прицепился. Какое сало? Ты что, недоделанному учителю этому веришь? Падло он! Шантажист! Хрен моржовый! Максим умер. Умер Максим. Он что, судить меня требует?

Иван. Требуется, Митя. Меня, живого, просит, чтобы жить тебя научил совестливо.

Зух. А-я-я-яй! Какой учитель! Да я в гробу видал вас всех! А сало не брал! Не брал! Не брал! А коль не брал, то и не продавал! А учитель — хрен моржовый!

Иван. Там разберутся.

Зух. Кто там будет разбираться? Какая бя...? За ворот — и будь здоров! И не каркай! Пилу в руки, топор — и шуруй! Тайга большая! А ты, законник, своего земляка, друга, можно сказать, заточить решил? И не стыдно?

Иван. Я не виноват. Сам себя вини.

Зух. А я — виноват? Я, спрашиваю, виноват? Молчишь?

Иван. Там разберутся. Вперед. Чего стал? Ну-у! (*Голкает Зуха.*) Вперед!

Зух. Люди-и! Прощайте! Иду сало дожевывать! Максимово! Которого и в глаза не видел! (*Поет*). «Умру ли я... и над могилою... гори, гори, моя звезда-а-а...»

ЗАТЕМНЕНИЕ.

Появляется Дирижер, звучит музыка...

На дороге Иван. Навстречу идет Мария. Остановились друг против друга.

Мария. Митю... Зуха, что — арестовали?

Иван (*вздыхнув горестно*). Арестовали.

Мария. Что ж теперь... суд будет?

Иван. Будет.

Мария. Ой, какая все же жизнь жестокая. Сама не знаю почему, но мне жалко Зуха. Я и не думала раньше никогда, что буду когда-нибудь жалеть его. Что это со мной?

Иван (*притянул Марию к себе*). Успокойся, Мария. Не волнуйся. Все образумится... все будет хорошо...

Появляется Прохоров, заметив Ивана и Марию, незаметно исчезает.

Зух человек взрослый, и за свои действия должен отвечать сам. Я не отправлял его за подсвинком к Максиму. И ты не посылала.

Мария. А все равно жалко.

Иван. И мне, Мария, жалко. Думаешь, нет? Ошибаешься. Жалко. И самое трудное, что я, земляк, односельчанин, обязан был Митю Зуха арестовать. Ты бы хотела быть на моем месте?

Мария крутит головой: нет.

Вот видишь... какое мое место в этой жизни. Иной раз кажется, на войне полетче было — там видишь врага... вот он, гад, перед тобой... с автоматом.. с гранатой... в каске... стреляй, уничтожай его!.. Иначе он тебя... Здесь же все куда сложнее... Хотя бы с Митей Зухом... Кто он? Просто веселый, откровенный человек? Простак? А может гнилой внутри, как большое дерево? Попробуй вот и разберись...

Мария. Я сначала поверила, что он... а сейчас почему-то не верится мне... само как-то... мысли перепутались в голове... Ой, пойду я...

Иван и Мария идут в разные стороны... Иван исчезает. Навстречу Марии выходит Прохоров.

Прохоров (*приложил руку к сердцу, артистически отбил поклон*.) Здравствуйте, Мария Леонтьевна!

Мария идет дальше, не обращая на Прохорова внимания.
(*Пробует задержать Марию.*) Что на огороде выросло?
Укроп? Свекла? Морковка?

Мария (*увернулась*). Отстаньте! Я вас видеть не хочу!

Прохоров. Отчего же так сразу, Мария Леонтьевна? Что же так, а? На огороде, видать, растет-тянется?..

Мария. Это все вы, вы, вы!.. (*Исчезает*).

Прохоров. Погодите же! Погодите, Мария Леонтьевна!
(*Устремляется за ней*). Что же это вы интеллигенцию не уважаете? Подождите, Мария Леонтьевна!

ЗАТЕМНЕНИЕ.

На дороге Иван с Прохоровым.

Иван (*останавливается*). Ну, а тогда что?

Прохоров. А тогда, Иван Макарыч, мы его за жабры — и куда надо доставили. А там получай!..

Иван. Погоди, погоди, Егор. Да ты, вижу, только этим и занимаешься, что кого-то за жабры? Или мне показалось?

Прохоров. Как бы вам, Иван Макарыч, здесь попроще объяснить... чтобы у вас сложилось полное представление... чтобы не перетянула, значит, односторонность... Ох, и капризная же штучка, эта односторонность!

Иван. Твоя работа — детишек учить или отцов их за жабры хватать?

Прохоров. Одно другому, понимаете, не мешает. А разоблачать продажные элементы я, как коммунист, как верный сын партии и народа, обязан. А? Так-так, Иван Макарыч, обязан. Они же под ногами, как кучи мусора разного, так и нороят... где надо и не надо... эти испачканные грязью людишки, если их еще можно назвать людишками... А Зуха возьмите, Дмитрия Афанасьевича. Старого Максима, можно сказать, в могилку свел. Сколько ему там, кстати, припаяли?

Иван. Дали много.

Прохоров. И правильно! И правильно, Иван Макарыч! Заработал — получай! Таких жалеть... ну, знаете... у меня лично рука не поднимается. И правильно, и очень разумно, Иван Макарович, что его, значит, изолировали от здорового

общества. Это опасный человек. Нарушил закон — получай, не прячься, как рак под корч.

Иван. Я ничего не говорил. Нигде. Никогда. Понял? При тебе... тем более. Да и вообще тебя я, учитель, не видел! *(Уходит.)*

Прохоров *(победно)*. Это как сказать... Это как сказать... Макарыч. *(Долго смотрит вслед Ивану, а затем исчезает.)*

ЗАТЕМНЕНИЕ.

НАШИ ДНИ

Макар на дороге.

Макар. Сон приснился. Ты меня слушаешь, дорога? Вроде бы Максим... должна помнить ты Максима... и моя Авгинья... тоже знаешь ее... ага, знаешь... ну...вроде бы сидят рядышком на одной табуретке, прижались... Венок у Авгиньи из васильков... васильки очень синие — в глазах блестят-переливаются... Максим в кепке-восьмиклинке... Усы отрастил... Сидят, молчат... Я тогда и спрашиваю: «Как вы там живете-поживаете?» Молчат. Я тогда снова спрашиваю: «Эй, Максим! Авгинья! Что с вами? Иль говорить разучились?» И на этот раз ничего не сказали, даже бровью не повели. Как на картинке сидят. На портретике. И не шевелятся. К чему бы таков сон, а? Не скажешь? И я не знаю. Вот и гадаю — к чему бы... А может и там, на том свете, жизнь тоже какая-то есть. Все может быть. Пусть кто бы вернулся оттудова да рассказал, что там и как. Почему-то не хотят сюда.

Это же вот такое дело, дорога. Ходил сегодня в магазин. Продукты для нас, ветеранов, привезли. Всякую мелочь. Нес, нес кульки те и не донес до двора — пацанве раздал, что на дороге встречались. Пусть облизнутся, много ли мне самому надобно? Своих внучат нету поблизости. Да что это я о внуках? Правнуки уже в солдатах служат. От Груни что. Только от нее ребятки и были... Только у ней... Сынам моим господь Бог деток не дал... Так вот чужих и угощаю, а думаю — веришь? — своих. И как-то теплее делается под одежкой. Честное слово, ага, ну. Как своих. Как Ивановых внучат. Как Михаловых...

Немножко вот колбаски себе припрятал. Пойду попробую жевать, может что и получится. Моими зубами картошку только хорошо мять. Но другой раз и еще чего-то хочется... Пойду. Ага. Ну. *(Исчезает)*.

ЗАТЕМНЕНИЕ.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

На дороге Ганна, Мария, Прохоров. Как в приведении, появляются Зух, Максим и Авинья. Милиционер ведет Ивана. Сзади, понуриив голову, идет Макар.

Ганна. Дайте мне хотя на Ивана глянуть, людцы! Может, в последний раз... Может, больше не увидимся... *(Подходит поближе к Ивану, всматривается ему в лицо, а затем бросается на шею.)* Иван!!! Куда же ты??? На кого нас оставляешь? Пропадем же мы без тебя, Иван!

Милиционер. Ну, ну, баба! Без обниманий! А ты иди, не крути головой, как баран, а то отрублю ее, как подсолнух!

Иван. Не надо, тетка, плакать. Я вернусь. Вернусь я. Правда же на свете есть или нету? Есть! Есть правда!

Ганна. А что ж это делается, люди? За что же Ивана хватаете? Он же воевал! Он же войну прошел! Бога благодарить надо, что он сберег его, сохранил, а зачем же вы, люди, грех берете — погубить хотите? Зачем же-е?

Максим. Иван не напакостит. Я давно его знаю. Не напакостит. Вот такой меня рыбой угощал, которую сам ловил руками... Он наш парень, крестьянский. И за нас, простых людей, он свою голову отдаст, если надобно будет. И какой же мерзавец донес на его, какой же ирод, чтоб ему дыхание сперло раз и навсегда!

Прохоров часто кашляет, прячет глаза.

Зух. А ты как хотел, мент поганый! Меня посадил, а сам что — святой? Получай! Здесь тебе покажут, где раки зимуют. Баланду похлебаешь. Возле параша поспишь! Гад! Давай, давай, шевели мослами, мы тебя здесь дожидаемся! Х-ха-ха-ха-а-а-а-а!

Иван *(повернулся к землякам)*. Отец! Отец, слышишь?

Макар. Ага, Ну. Слышу.

Иван. Держись, батька. Я не виноват... меня отпустят...

Макар. Береги себя, сынок. За батьку не волнуйся. Батька выдюжит. У батьков судьба такая.

Милиционер. Р-разговорчики! Разболтались, вижу, как на базаре! Р-разговорчики, сказал! *(Толкнул Ивана)*. Вперед! Тебе, тебе говорят!

Авгинья. Сыночек! За что же на нашу семью, на наш народ напасти такие? Что же это делается, люди? Кто ответит? Все, видится мне, стали злыми, ворчливыми, дикими. Дак это ж война виновата — не вы, люди. Распрямитесь. Скажите один одному слова любви, благодарности, доброты. И более светлым, солнечным станет наша жизнь...

Милиционер и Иван исчезают.

Сыно-че-е-ек!

Ганна. Немец не добил, так свои замордуют, жизни не дадут. И долго так будет, кто скажет? *(По очереди всматривается в лицо каждому)*. Кто скажет? Кто? Кто?

Мария. Я, тетка, не знаю... Не знаю я... сколько так будет.

Ганна. А ты что скажешь, учитель?

Прохоров. В чистом воздухе должны летать чистые птицы... чистые бабочки... божьи коровки... Только чистые. Ждать и верить, что так будет. Жду и верю. Дождусь — скажу.

Ганна *(с долей иронии)*. Ясно, голубчик. Мне, забитой деревенской бабе, это очень понятно, что ты сказал, учитель.

Мария исчезает. Вслед за ней оставляют дорогу Макар и Прохоров. Остается Ганна.

Так кто же тогда знает, кто ответит? Немец бил — наши били и сейчас добивают, антихристы. Немцев нету — наши надолго... не дай Бог, иметь таких наших... не дай Бог никому... Жить бы... А не дают... Не хотят, чтобы люди жили. Богатыми станут, а разве нужно на землю много богатых? Наверное, нет. Наверное, только тем надобно быть богатыми, кто такими есть... Новых не берут в богатеи... их тогда много полезет... Вот и будет наш бедняк до конца своего — бедным... В чем родился, в том и на тот свет сойдет. Хоть какую власть народу не дай, а цари и баграки как были, так и будут.

Вот и Ивана забрали. Макар еще не дождался Михала, меньшенького своего, и снова осиротел, как одинокое дерево во поле стал. И сколько же такое будет? Когда же у нас человек не быдлой будет называться, а — человеком? Когда? Когда? Когда?

ЗАТЕМНЕНИЕ.

НАШИ ДНИ

Макар на дороге.

Макар. Идет кто-то. Кто же это будет, интересно повидать? В последнее время мало ходят — больше ездят. Запанели, запанели. И все живут плохо, власти ругают-клянут. А сами вон на машинах, мотоциклы и не показывай. В шляпах. При галстуках. Пальцы покрашены... как конфеты. *(Вздыхнул.)* Гулящий, скажу я тебе честно, дорога, пошел народ, лодырничает. А зубы острые имеет — только давай ему, шуфлей подбрасывай, как в ту печь, только подноси — все проглотит. А власти ругают-клянут. Языком во рту ворочать — не мешки таскать, не землю плутом...

Появляется Парень.

Парень. Здорово, дед!

Макар. Ага. Ну. И здорово, и не здорово. Чей это ты будешь? *(Внимательно присматривается к Парню.)*

Парень. А-а, бесполезно: ты меня все равно не будешь знать. Молодой я да ранний — откуда тебе, дед, меня знать.

Макар. Оно так, но росток чей-то будешь ведь?

Парень. Из Вети я. Ивана Столярова сын.

Макар. Ивана Столярова?

Парень. Что, не похож?

Макар. Да почему же — знаю Ивана. Я с отцом его, Сидором, служил в войске.

Парень *(смеется)*. Бац, бац — и мимо?

Макар. В кавалерии. Ты разве не знаешь, где служил твой дед? Где и кем?

Парень. А зачем мне?

Макар *(зло)*. Проходи! Проходи, проходи! Не захламляй дорогу. Ступай туда, куда идешь.

Парень. А чего это ты, дед, меня гонишь? Это что — твоя дорога или как понимать?

Макар. Так и понимай. Ага. Ну. Кыш! Кыш с дороги!

Парень. Послушай, дед, а она что — и всамделе твоя?

Макар. Моя. Как есть моя. Ступай.

Парень. Во дает. Да меня в ваших Борках все собаки знают, даже в мою сторону не смотрят.

Макар. Они с дураками не связываются.

Парень. Оскорбляешь, оскорбляешь, старикан. Нехорошо так. Нет, ну пацаны бы с претензиями, что хожу по чужой территории, — другое дело. У них мешки с кулаками, кстати, не завязываются — тесемок или бичевки, нету. А ты почему ерепенишься?

Макар. Почему? Ты еще спрашиваешь — почему? Да ты же... да ты же моего дружка... Сидора Столярова обидел!

Парень. Х-хы! У тебя и замашечки, старик, смотрю! Кто же его обидеть может, когда он давным-давно на кладбище... спит давно под крестом? А ты мне здесь заливаешь, понимаешь ли!

Макар. Культуры у тебя хоть бы немножко побольше было, беда, когда культуры нету, а ее, факт, нету, потому что про род свой ничего не знаешь. Отец твой хоть с какого года? *(Громко.)* Родился когда отец?

Парень. Подожди, а ты кто такой? Кто ты такой? Стоишь, как чучело, никого не пропустишь, обязательно зацепишь, придерешься? Кто ты такой? Да здесь, на дороге, даже воронам клевать нечего, а ты стоишь, сторожишь? Анкету ему давай! Кто его отец, кто дед. Были за границей или нет. Ладно, стой, я поклыпал.

Макар *(строго)*. Нет, погоди.

Парень. Ну, жду.

Макар. Я тебе про твоего деда расскажу. Знай. Так вот, твой дед Столяров Сидор Евменович служил со мной в кавалерии.

Парень. А ноги у него, между прочим, не кривые были.

Макар. Беляков саблей косил. На его спине рубец был... вот как-раз в этом месте... Длинный рубец... и широкий... Видел?

Парень. Да. Был. Говорил, что с дерева свалился... и на вилы.

Макар. Видишь, не признавался. Скромный человек Сидорка был. При мне же ранило его. Твой дед и я — один годок. Иди, иди...

Парень. Нет, не пойду! *(Сел на сумку)*. Рассказывай, я буду слушать. Про деда Сидора и бабу Сидориху. Про Хрущева и Брежнева. Про Америку и Европу. Рассказывай, дед.

Макар. Колесо в одну сторону катится.

Парень *(весело)*. Катит!

Макар. Назад не откатишь. К сожалению. Так что иди к отцу, иди своей дорогой, а мне тебе больше нечего сказать. Тем более, что вы, молодые, сейчас очень и сами умные. Все умеете. Все знаете. Работать только ленитесь. Главного не умеете и не желаете — работать. А вкусенькое подавай. Откудова же оно будет браться, вкусенькое-то?

Парень. О, вспомнил! Яблоко будешь? *(Поднялся.)*

Макар. Сам вырастил?

Парень. На асфальте в городе?

Макар. Спасибо за яблоко. Спасибо. Свои вон не знаю куда девать. Гниют. Раньше хоть на вино принимали, а сейчас не берут. Я бы и бесплатно отдал, если бы кто нашелся на яблоко.

Парень. Да что же тебе дать? *(Ковыряется в сумке.)* Лимон? А чего!

Макар *(безразлично)*. Оставь. Если не жалко. Лимон у нас не растет.

Парень *(протянул Макару лимон)*. Знаешь хоть, как его кушать надо?

Макар. Что?

Парень. Хавать, хавать как надо — знаешь?

Макар. Зубами, чем же еще.

Парень. В чай бросай. В кипяток. И пей. Наливай, как на рыбалке, — и пей. Ну, дед, бывай. *(Почти силой потряс Макару)*

руку.) А я в Веть. С асфальта иду. Автобус, как только шоссейка кончилась, встал на дыбы и всех на дорогу выпер водила — шуруйте, братва, своим ходом. Из автобуса болты и гайки посыпались — водила, наркот, так и заявил. И шурую. А что поделаешь? Ну, всего. Бывай, дед! *(Помахал рукой, исчезает.)*

Макар *(плюнул вслед Парню)*. А Сидорка светлым человеком был. Далековато упало яблоко от яблони. Далековато. *(Покрутил в руке лимон, бросил его на обочину — прямо на Лешку, который подходит к старику.)*

Лешка *(словил лимон, шутя)*. Не с неба ли? *(Задрал голову)*. Нет, больше не сыпятся. А я хотел уже и за корзиной бежать, подставляя под лимонный дождь. Красота какая! Курорт! Свежий воздух! Цитрусовые! Почему такой скучный, Степаныч?

Макар. Не спишь?

Лешка. Да какой там сон! Прилег — не ложится. Ну, так как насчет колодца? Подумал?

Макар. Думаю.

Лешка. За водой же тебе далеко ходить, дед.

Макар. Если бы раньше... согласился бы.

Лешка *(в движении)*. Раньше, позже! Греби под себя, как курица!

Макар. Свое отгреб. Авгинья как померла в самую войну, так и грабаю помалу один все это время.

Лешка. Идея. Идея! Степаныч, а что если я тебя женю?

Макар. Лешка, добрый ты хлопец, а говоришь иной раз безглуздицу какую-то. Не надо. Не говори лишь бы чего.

Лешка. Ну как это, Степаныч, лишь бы что! Жениться — это лишь бы что? Лишь бы что, спрашиваю?

Макар. Лишь бы что. Именно так. Женилка давно уже у меня... на пенсии. Ага. Ну... Ай, да что тебе говорить-то. *(Безнадежно махнул рукой.)*

Лешка *(интимно)*. Такую женщину можно найти, раздобыть, что любая женилка будет — ого-о! Только держись! А? И не пыди, пехота! Артиллерия чай пьет!

Макар. Лешка, ты не греми... не с бубенцами по небу едешь.

Лешка. О-о! Там — Бог. Там его дорога, дед. Здесь, на земле, — твоя. Там — Его!

Макар. Здесь у меня в кармане, Лешка, письмо... *(Находит письмо.)* Посмотри. Вот оно. Держи, держи. Вчера сочинил.

Лешка. Ну, вижу, что письмо. Уго! Дак это ж целый манифест! «Вся власть Советам!», «Землю — крестьянам!»

Макар. Зачитай.

Лешка. Зачитаю. Охотненько. «В комитет...» А в какой комитет?

Макар. Там разберутся.

Лешка. Нет, Степаныч, комитетов много. Центральный комитет партии. Комсомола. Комитет народного контроля. Комитет советских баб... тьфу ты!... ну, конечно же, советских женщин.

Макар. Пусть в первый комитет идет, в самый главный. В бабский не отправляй. Здесь мужицкое дело.

Лешка. Посмотри, можно ли туда.

Макар. Можно, можно. Читай. Со стороны послушаю — звучит ли письмо, складно ли?

Лешка. «Пишет вам Макар Борисенок из Борок, 1898 г. от рождения, беспартийный...» А национальность?

Макар. Белорус, белорус я.

Лешка. Надо записать. А может ты жид? Или японец? Ладно, впишем.

Макар. Да это... неважно, японец или жид.. лишь бы человек был хороший.

Лешка. Ты мне это скажешь. Соседу. А там, в комитете, вопросик поставят. И из-за одного этого вопросика могут письмо вернуть.

Макар. Да что они там — совсем похерели? Человек же. Неужели не видать?

Лешка. Нет, там не похерели, наоборот — сильно умные там.

Макар. Читай.

Лешка. Ладно, поехали. «А дело такого порядку. Сразу, после войны, в 1946 году, забрали моего сына Ивана, который работал в милиции в участковых, осудили по ложному

наговору... и с того времени про его не имеется у меня никаких вестей, никаких следов...» И что, правда... никаких вестей?

Макар. Тихо. Ти-хо.

Лешка (*энергично, прочувствованно*). Так что ж это за страна, в которой живем! Что за система! Все только и делается, чтобы уничтожить человека. Везде. В городе. В деревне. На заводе. В колхозе. В школе. В тюрьме. Убить! Замордовать! Стереть! Один одного уничтожаем. Я же тоже, Степаныч, в СИЗО сидел семь месяцев. А суд оправдал. Потому что не виновен. А кто за те семь месяцев у меня прощения попросил? Жди! Попросят! Догонят и еще раз попросят, караси в шляпе! А в камере в три раза людей больше, чем должно быть. С потолка капает... лужи в камерах, как весной на улицах. Половина же арестованных — как пить? — разные хронические заболевания подцепили. А кого, кого это волнует? Больные, дохлые люди — ну, и хрен с ними! Страна больных людей — это же такое большое счастье. Пенсионеры, инвалиды, больные... а мы хотим все иметь, в богатстве купаться. Да никогда такого не будет. Никогда, Степаныч! А где надзирателей для тюрем берут? Случаем не знаешь?

Макар. Нет, брат, нет.

Лешка. Это уже загадка и для меня. Что моя обувь — то и охранник. Это же надо иметь талант таких тютек где-то раздобыть. Вроде бы и ртами не смотря, а дураки дураками. Столбы! Самые обыкновенные столбы. Но в форме. За хлеб с маслом они готовы тебя убить, втоптать в землю, втереть в асфальт, дай им только волю, а начальству жопу целовать. Отправляя, отправляя, Степаныч, письмо. В конце пригрози: если не разберетесь, если не оправдаете моего сына, я вам... такую вашу мать!... Я вам!.. (*Дальше говорит лишь губами, но по жестам можно догадаться, о чем.*) Понял?

Макар. Ага. Так, так.

Лешка (*вдруг лицо засветилось улыбкой*). Кто-то идет! Женского рода! Подожди, не твое ли счастье, дед Макар? Сейчас редко ходят. Больше ездят.

Лешка. Точно — старая баба! Она тебе, дед, как раз подойдет...

Макар. Как зайцу фонарь.

Лешка. Вот-вот! Хочешь, свадьбу забацаем?

Макар хмыкнул.

Я тебе слово даю, дед: женишься — сразу помолодеешь... на сто лет. Еще, чего не увидишь, и нас переживешь. Знакомлю! Баба, быстрее, быстрее ногами шевели — тебя счастье дожидается на этой вот дороге!

Макар. Откуда ты знаешь, вольная она птица или нет? Может, и замужем? А ты сразу — женю.

Лешка. Подожди, сейчас узнаем. *(Всматривается.)* Нет, не замужем — замужние до такого возраста не доживают.

Макар *(улыбнувшись)*. Х-ха! Лапсарь ты, лапсарь, Лешка! Ба-ла-мут!

Лешка. У-у, да работающая-я — сумку с себя ростом на горбу прет. По всему видать — хозяйка. Скорее, бабушка, скорее! Вот тебе женишок! *(Пригладил Макару волосы на голове)*. Красавец-мужчина! Шик-блеск! Молодой, симпатичный, не пьет, не курит, баб... Одним словом... свой дом. А это большой плюс. В большой перспективе и колодец. Обязательно вырою, чтобы вам, молодоженам, далеко за водой не ходить. Куры. Яблони. Вишни. Сливы. Все, все есть. Да быстрее, быстрее же, бабуся!

Макар незаметно исчезает.

Не умри хоть, пока дойдешь. Дыши не так часто. Ну, дед Макар, держись! Все будет самым лучшим образом, когда мужчина снова становится мужчиной! *(Заметил, что нет Макара.)* Ты где? Дед Макар! Степаныч! Ну, чудак! Сбежал. Дернул. Свадьба отменяется.

Появляется Макар.

Макар. Ничего не отменяется. Я здесь. Тут я, тут.

Лешка. А-а, это ты бегал поодеколониться?

Макар. Что за напасть, а?! Я же и забыл совсем... И как это я?..

Лешка. Что с тобой? Горит что где? Так если и будет дым, то вот здесь, на дороге. А затем — пламя. Факел. Свадебный.

Макар. В магазин же надо. Сегодня же снова пятница. Продукты привезли для ветеранов. И как это я машину просмотрел?

Лешка. Какие продукты? Какая машина? Ты не увиливай, дед! Вон смотри, кто идет. Вон! Уже даже вижу: ничего баба. С ямочкой на щеке. Нос, правда, длинноватый... Но если в рюмку не влезет — из кружки пить будет.

Макар. Ат! Некогда мне!.. *(Исчезает.)*

Лешка. Подожди же ты! Ты куда? Дед! И баба свернула с дороги. Разминулись. Эх! А мне что, здесь и стоять, на дороге?

ЗАТЕМНЕНИЕ.

На дороге. Появляется Жмайлик.

Жмайлик *(зовет)*. Макар! А, Макар! *(Ходит взад-вперед.)*

Появляется Макар.

Макар. Я Макар.

Жмайлик. Да вижу, вижу. Собирайся.

Макар. А... куда?

Жмайлик. В район. Одеженка получше есть?

Макар. Пиджак. Галифе. Сапоги. А зачем в район?

Жмайлик. Позвонили, чтобы тебя привез. Письмо писал?

Макар. Ага. Ну. Было дело. В комитет.

Жмайлик. Писарь, вижу!

Макар. Да кто же напишет, если не отец? Больше никого у сына моего нету. А зачем... в район?

Жмайлик. Не знаю. Поступила команда сверху: привезти Макара Борисенка. Ты Макар Борисенок?

Макар. Я.

Жмайлик. Тогда собирайся.

Макар. Не поеду. Рассыплюсь.

Жмайлик *(смеется)*. Да что мне тебя в мешке везти, чтобы потом не собирать на дороге?

Макар. А они сами чего... паны ко мне приехать? Куда же они там ездят, окаянные, если нас, народ, к ним возят?

Жмайлик. Вроде бы и правду ты говоришь. Но собирайся. Команда сверху. Оттудова! *(Ткнул пальцем в небо.)*

Макар. Хватит командовать Макарами. Хватит. Позвони: напишу еще одно письмо по тому же адресу... в ЦК.

Жмайлик. Собирайся давай, не разводи хоть ты, Степаныч, тут антимионию. Давай, давай. Без тебя дел много.

Макар *(решительно)*. Жду у себя! Вот здесь. На дороге. Так и передавай. В любое время суток жду и принимаю. В любую погоду. Только побыстрее. А то могу навсегда закрыть свой кабинет...

Жмайлик. Молодчина, дед. Молодчина. Я передам. Я сегодня же позвоню и передам. Твоя правда. Легче же сюда приехать, чем тебе — туда. Убедил.

Рассыпался крик аиста.

(Поднял глаза на дерево). Аист живет?

Макар. Живет. Антон. А она — Дарья. Колесо уже спряхло, совсем старое, чего хорошего, развалится.

Жмайлик. Эта птица осторожная. На гнилье не сядет. Человек может сесть, а она — нет.

Макар. Человек может. Ты же вот сел. Это правда.

Жмайлик *(отходит, поглядывая на гнездо аистов)*. Живут аисты. Живут!

Макар. Позвони же, председатель, не забудь. Я ждать буду. Здесь вот, на дороге...

ЗАТЕМНЕНИЕ.

На дороге. Она уже покрыта асфальтом. Появляется

Лешка.

Лешка *(зовет)*. Дед Макар! Степаныч! Ты посмотри, что я нашел в хате Павла Семченки... там наши мужики квартируют. *(Показывает портрет)*

Появляется Макар.

Знаешь, Степаныч, этого человека?

Макар *(взял портрет, рассматривает, удивленно)*. Митька? Зух?

Лешка. Ну! Он! Угадал, Степаныч. Только он не просто Митька — он мой отец.

Макар *(не сразу)*. Вот как! Сын, говоришь, Зуха?

Лешка. Как пить дагы! Держи пять, дед! (*Пожал Макару руку*). Я его законный сын.

Макар. Так где же он, Митька, сейчас?

Лешка. Нету. Его давно нету. Он с моей матужной познакомился в поезде, когда из тюрьмы возвращался. Домой так и не приехал, у нас остался. У нас — это очень громко сказано. Меня тогда, понятное дело, еще и в проекте не было. Обиделся больно... мать рассказывала... отец на сельчан, поэтому и не доехал. Говорил, что ни за что посадили... ничего он не воровал... а доказать не смог... Кто же тогда обвиняемого слушал? Позже отец заболел, лечиться не стал... и ночью задохнулся... астма была у него... из тюрьги привез за добросовестный труд на благо нашей большой и нерушимой Родины. И вот здесь этот снимок... А я и не знал, что он из этих Борок... он не говорил, в какой деревне родился... Одно лишь сказал: близко здесь моя малая родина, но ее у меня нету. Но обещался когда-нибудь свозить... Не успел. И сестра у меня еще есть... Настя... она замужем... В городе живет... А я же, Степаныч, в эту командировку не ехал — на крыльях летел... Оказывается, родная земля — она магнит... она притягивает человека к себе, как бы далеко он не был... А из родичей у меня здесь еще кто-нибудь остался?

Макар не слышит — думает о своем.

Дед Макар!

Макар (*встрепенувшись*). А? Чего?

Лешка. Родня у меня есть в Борках?

Макар. Если по большому счету, то и я тебе родственник. Хотя и дальний. Кто же еще? Мать у Зуха давно померла. Отец тоже. Сестры живут в городах. Если живут. Они не ездят.

Лешка. И я о них ничего не знаю. На шахте где-то.

Макар. Павел, где ты карточку взял, — родич твой близкий. Двоюродный брат батьку твоему будет. Вот, кажется, и все они, свояки-бедаки. А учитель тот... фамилию запомятовал... позже большим человеком стал... По телевизору его часто показывают... не генерал ли в КГБ... сейчас на пенсии, в форме любит пофорсить по телевизору...

Лешка. Это... который отца сдал?

Макар. И Ивана тоже.

Лешка. А я... все я, дед Макар... Колодец ты не захотел сделать возле порога. Твое дело. Жениться тоже... А я, Степаныч, еду. Домой. Можно, я тебя поцелую?

Макар. За что такая ласка?

Лешка (*поцеловал старика*). За все. За твою дорогу. За то, что ты есть, Степаныч. Я здесь у вас не только дорогу делал — и сам передельывался. На дороге. В твоей хате. Приеду, Степаныч, в гости. Увидишь, приеду. Веришь?

Макар. Приезжай, Леха. Приезжай. С семейкой. С детишками.

Лешка. Обязательно. Сейчас дорога добрая — автобус будет ходить по часам... а не по желанию шофера и неба. Держи, дед, пять! (*Пожал старику руку.*)

Макар. Копия отец. Копия. «Держи пять!» — вспомнил его, Зуха, слова. Любил он так говорить: «Держи пять!»

Лешка (*подхватил на земле сумку*). Приеду. Лешка слов на ветер не бросает. Здесь и моя теперь земля, дед Макар. И если бы не эта дорога, может и меня бы не было на этом свете — по ней же отец ушел, чтобы с моей матерью встретиться. (*Исчезает.*)

Макар машет вслед Лешке. Появляется Жмайлик.

Жмайлик (*радостно*). Ну, Степаныч, чья правда? Не убегают люди — назад возвращаются. Видишь, везу? (*Кивнул в сторону машины*). И почему же не возвращаться, если такую дорогу отстучали?

Макар. Ошибся я. И счастлив, что ошибся, председатель. Веришь, счастлив. Ага. Ну.

Жмайлик. А сейчас по этой дороге будем возить кирпич, лес... Строиться будем! Ну, всего, Степаныч. Побегу. Дел много. Загляну как-нибудь вечерком, по чарке возьмем, за жизнь поговорим. Как смотришь на это, а?

Макар (*весело*). Заходи, председатель. Поговорим. Я не закрываюсь.

Жмайлик. Ловлю на слове. Вон, видишь, две семьи... и ребяташек с собой везут. Уже четыре человека. Жизнь идет! *(Исчезает.)*

Гул машины нарастает и сразу же исчезает.

Появляется Дирижер, наплывает мелодия.

Макар. Жизнь идет. Так, так, председатель. Веди ее. У тебя, видится мне, рука крепкая, походка твердая. *(Дороге.)* Ну, и как теперь живется тебе, детко, в новой одежке? Не жмет одежка? Нет, говоришь. Вот и хорошо. Живи. Ага. Ну. Тебе долго еще на этом свете быть. Долго.

Гул машины. Появляется Жмайлик.

Жмайлик. Степаныч! Дед Макар! Ты слышишь меня-я? Подготовься же — я забыл тебе сказать — из комитета, в который ты писал, сегодня приедут... Слышишь, Макар?

Макар *(как и не слышит)*. Мне бы только посмотреть, кто будет ездить и ходить по тебе туда дальше, дорога... Видать, не гляну...

Жмайлик. Ты слышишь, Макар? Сегодня приедут. Подготовься встречать.

Макар *(как и не слышит)*. Спасибо господу Богу, и так прожил много... еще с того века дышу... Пора... А ты будь... Все время будь... Живи, дорога, вечно... Пусть по тебе только добрая, легкая нога ступает и наши машины ездят... Пойду я...

Жмайлик. Дядька Макар! Сегодня приедут... из района... по письму... для тебя новости хорошие...

Макар *(как и не слышит)*. Пойду... А ты — будь... Здравья тебе желаю... Счастья земного... Тебе и людям...

В разных местах на дороге появляются Авгинья, Максим, Иван, Ганна, Зух... Потом все остальные: Лешка, Мария, Парень, Прохоров, Милиционер. И снова мелодия — как вечность...

ЗАНАВЕС.

1985, 1993

Содержание

Кто-то ходит за окном...

Межа, или Возвращение в очередь 91-го...

Дерево, или Жизнь в отсутствие дождя...

Шкирдюки занимают оборону...

Женский улей

Курорт для зятя

Старик и дорога

© Інтернэт-версія: Камунікат.org, 2010 год

© PDF: Камунікат.org, 2010 год